

ISBN 9785447479237

Обложка и иллюстрации – Ольга Харитонова

Пролог

Я стоял перед той же дверью. Снова. Сны — забавная штука. Они подбирают детали прошлого, перемешивают их с твоими страхами и надеждами, а иногда заставляют раз за разом переживать то, о чем предпочел бы забыть. Сегодня светило солнце, и было почти нестерпимо жарко. Глаза заливал едкий пот, и я уже который раз вытирал о штаны мокрые трясущиеся руки. Бывало, шел проливной дождь, а однажды я попал в метель, которую не видел с детства. Одежда вот оставалась неизменной. Как и дрожь в руках от того, что предстояло сделать.

— Агент Старгарт, доступ. — Я боялся, что система не распознает охрипший голос, но тяжелая панель не спеша отползла в сторону. — Стоп.

Выполняя команду, дверь замерла, перекрыв видимость камерам, направленным на склад. Внутри их не будет. Нужно войти. Сейчас же. Ожидание не принесет ничего, кроме нарастающей паники.

Огромное помещение пустовало. Трое стояли в сотне метров от входа. Я не видел оружия, но не сомневался, что оно скрыто где-то под одинаковыми синими куртками. Не важно, какое именно, — каждый из них способен попасть в зверька размером с белку с полусотни метров. Тесты на взросление в других мирах иногда бывают забавными.

Грубые лица ничего не выражали — им платили за работу, и она только что сама вошла в дверь. Незачем спешить, рискуя промахнуться. Они ничего не предприняли и тогда, когда я пересек границу прицельной стрельбы, приближаясь к ним прогулочным шагом случайно оказавшегося по соседству зеваки.

— Назовите себя и объясните, что здесь делаете. — Я еще ни разу не смог произнести этой фразы с нейтрально-ленивой интонацией, как собирался. Ни тогда, ни сейчас. Срывающийся голос, усиленный коммуникатором, гулко разнесся по пустому помещению. Они молчали, не имея причин торопиться — я сам шел к ним, а они привыкли делать свою работу основательно.

Сто метров. Семьдесят пять. Пятьдесят. Коммуникатор, отсчитывающий расстояние, теперь без остановки услужливо верещал в ухо: «Опасно. Вы в зоне поражения. Опасно...»

Я понял, что не смогу. Я не мог идти дальше. Вязкий ужас свел мышцы живота, руки и ноги ослабли и стали ватными, паника сперла дыхание. Но нужно сделать все правильно.

— Сигнал, — просипел ставший незнакомым голос, и озорно поблескивающая на груди бляха со встроенным динамиком начала воспроизводить стандартную запись: «Немедленно...»

Они не стали ждать, пока компьютер прикажет им встать на колени и заложить руки за голову...

Глава 1

— Вы можете пройти. — Девушка в элегантном нежно-голубом комбинезоне неуверенно улыбнулась.

Наверное, мое лицо не выражало большой радости, поскольку прошло уже почти два часа с момента, когда она попросила меня подождать в приемной. Не иначе, дело не было столь уж срочным, как говорилось в приглашении, переданном мне охранником на выходе из изолятора. Но на планете существовали организации, письма из которых с требованиями вроде «Вам надлежит незамедлительно прибыть» игнорировать не стоило. Тем более напечатанные на бумаге и врученные в заклеенном конверте. Высший класс.

Понятия не имею, зачем им потребовалось столь огромное помещение. Окно зала занимало все пространство от пола до потолка, а длинный стол из красного дерева зачем-то поставили лишь в паре метров от края — так, что любой, сидевший за ним, мог созерцать двухсотметровую бездну у своих ног.

Один из мужчин как раз предавался этому увлекательному занятию, повернувшись спиной к входу. Второй демонстративно пялился в расположенный над столом экран, периодически раздраженно тыкая в него пальцами. Видимо, у меня должно было создаться впечатление, что он проводит время за изучением сверхсекретного досье, содержащего сведения обо всех моих самых страшных тайнах, начиная с рождения. Впрочем, исходя из моего опыта участия в подобных процедурах я бы скорее предположил, что он занят раскладыванием пасьянса.

Лишь последний из тройки не стал подчеркнуто игнорировать присутствие гостя и, сложив руки на объемистом животе, доброжелательно следил за моим приближением.

Преодолев добрые полсотни метров, я остановился перед столом и все же бросил взгляд в

окно. Как всегда, увиденное заставило сердце подпрыгнуть, а кожу покрыться испариной. Черт. Я быстро отвел взгляд и сконцентрировался на табличках, представлявших каждого из присутствующих. Нанесенные золотой краской буквы местами потемнели, а кое-где полустерлись, что, вероятно, намекало на подлинность сложенных из них имен. Или на то, что этими именами достаточно часто пользовались. Но у меня не было оснований жаловаться — исходя из характера заведения, куда меня пригласили, сидевшие передо мной джентльмены вполне могли попросить именовать их X, Y и Z, так что любые человеческие имена стоило воспринимать как положительный знак.

Агентство стратегического развития было не просто мощнейшей разведслужбой, созданной за время существования человечества, или крупнейшим аналитическим центром в занятой людской расой части Вселенной. Некоторые полагали, что оно давно стало структурой куда более весомой, чем Всемирное правительство, которому формально подчинялось.

Весело и откровенно плящущийся на меня господин звался Эдвин Честерфилд. Имя и цвет кожи, покрытой ровным африканским загаром, выдавали чистокровного европеоида. Слегка за шестьдесят лет и немногим за сто килограмм, среднего роста, с делано добродушным лицом, украшенным усами и небольшой бородкой, мой новый знакомый явно любил ретроновшества, наверняка включая и стилизованный под старину стол, за которым восседал.

Во всяком случае, его коллег заподозрить в склонности к ретростилю было сложно. Сидевший в центре высокий латино, согласно табличке претендовавший на имя Мануэль Рамирес, с суровым непроницаемым лицом продолжал молотить пальцами по экрану, то ли в поисках подходящей карты, то ли решая в это время судьбу какого-нибудь маленького колониального мира.

Невысокий азиат, в этой комнате откликнувшийся на имя Пон Так, поняв, что я остановился, нехотя отвлекся от зрелища внизу башни и плавно развернул свое кресло ко мне. Взгляд его я расценил бы как скучающий. Не похоже, что беседа с посетителем входит в список его приоритетов на сегодня.

— Бойтесь? — Пон Так не стал тратить время на приветствие, лишь слегка дернув головой в сторону окна и бездонной пропасти за ним.

— Да. — У меня не было никакого желания развивать эту тему. Высотобоязнь отняла у меня немало очков на экзаменах, и я не сомневался, что сидевшие передо мной люди имели на сей счет исчерпывающую информацию.

— Мне кажется немного странным, что человек с подобной фобией так настойчиво стремится попасть в Оперативную службу. Подумать только — четыре попытки за четыре года. — Голос Рамиреса звучал неожиданно мягко на контрасте с его суровой внешностью.

Никто не предложил мне сесть, но кресло перед столом имелось, и я, не спрашивая разрешения, плюхнулся в него. Сиденье предсказуемо оказалось крайне неудобным — нехитрый инструмент допроса. Но я уже лишил себя возможности провести беседу стоя, так что роптать смысла не имело.

— Высотобоязнь поддается коррекции на базе Академии, — спокойно возразил я. — Иначе меня вообще не допустили бы к экзаменам, не так ли? Очевидно, АСР не склонно считать меня достойным занять место в его рядах — у вас каждый год полно прекрасных кандидатов.

— Да, хороших кандидатов очень много. — Пон Так энергично закивал и мягко продолжил: — Но ведь не всем из них случалось убивать кого-то, не так ли? А тем более троих.

— Это была самооборона. — Я уже считал все эти разговоры пройденным этапом, и фраза слетела с губ на автомате.

— Разумеется, разумеется, — охотно вступил в беседу Честерфилд. — Вас ведь так и не осудили, верно?

— Прекрасная вещь этот Кодекс законника. — Рамирес смахивал на ненавистника недосказанностей и явно следил за этой репутацией. — Практически полный иммунитет от любых неприятностей. Но вы могли сохранить должность, согласившись на пси-проверку. Почему же вы этого не сделали?

— Я сохранил работу. — Прозвучало это несколько более резко, чем я хотел бы. — И нахожусь в бессрочном оплачиваемом отпуске. С сохранением звания и привилегий.

Покопавшись в наружном кармане своего старомодного пиджака, Честерфилд извлек оттуда вполне современную сигару из натурального свайкса и, чиркнув — с ума сойти — бензиновой зажигалкой, с удовольствием пустил струю дыма в потолок. Я решил, что мизансцена

призвана продемонстрировать неформальный характер встречи и установить доверительную атмосферу. Хотя бы потому, что импорт свайкса на Землю строго запрещен, и владение даже одной сигарой сулило до трех месяцев тюрьмы и штраф, способный надолго отбить тягу к вредным привычкам. Конечно, старик куда больше расположил бы к себе, предложи он сигару и гостю. Но, в конце концов, она стояла не меньше полусотни юнов, и я простил ему некоторую невоспитанность.

— Мы, естественно, в курсе относительно данного обстоятельства, — с укоризной одернул меня Честерфилд, снова затянувшись. — Как и того, что работу вы сохранили только благодаря профсоюзу. На ваше счастье, его функционерам очень не нравится, когда законников выгоняют за действия, даже отдаленно напоминающие самооборону. Но ведь это не было самообороной, сынок?

По его сигналу Рамирес, периодически сверяясь с экраном, перешел к теме, очевидно собравшей присутствующих вместе:

— Двадцать четвертого июня сто пятидесятого года в Бангкоке при пожаре в своей квартире погибла гражданка Земли Даниэль Свенсон. Происшествие квалифицировано как убийство. Его видеозапись демонстрировалась на слушаниях по вашему делу. На ней видно, как четверо мужчин пытали мисс Свенсон на протяжении нескольких часов, после чего убили и уничтожили помещение термогранатой. Обвинитель в ходе разбирательства утверждал, что скрытая запись сделана вами, поскольку сложно предположить, что какой-то другой знакомый мисс Свенсон стал бы так грубо вмешиваться в ее личную жизнь. Он ведь не ошибался?

Я не собирался отвечать на вопросы, которые Рамирес явно считал риторическими. Ноги в страшно неудобном кресле начинали неметь, и я демонстративно сменил позу, вполне удачно, как мне показалось, изобразив скуку.

— Прекрасно, — кивнул Рамирес. — Итак, по версии обвинения, располагая тайно сделанной видеозаписью убийства, а также используя свои возможности как агента Службы контроля инопланетного присутствия, вы быстро установили личности подозреваемых. Трое черано прибыли на Землю в составе торговой миссии Анакалии за несколько дней до происшествия. Обычно высадка черано на планету не приветствуется, но эти значились в качестве охраны миссии и имели дипломатический статус, включая право на ношение оружия. Более того, им удалось каким-то образом получить разрешение на выезд из Особого района, якобы для встречи с клиентом одного из охраняемых лиц. Встреча, как несложно догадаться, происходила в Бангкоке.

Переговоры длились около восьми часов, в ходе которых анакалиец находился в хорошо охраняемом здании, куда телохранители его не сопровождали. По завершении встречи делегация вернулась в Особый район, откуда через день должна была лететь на родину. Однако на следующий день диспетчерская СКИП зафиксировала ваше сообщение, согласно которому при патрулировании складов вы обнаружили признаки вскрытия объекта 1480-КРТ. Войдя внутрь, вы увидели троих вооруженных черано, которые на требование проследовать для разбирательства пытались применить против вас оружие, но были застрелены вами из служебного пистолета. Вы каких-либо ранений не получили.

Рамирес многозначительно замолчал, пытаясь поймать мой взгляд. Поскольку обсасывание деталей произошедшего занимало основную часть моего времени последние три месяца, впечатлен я не был. Не дождавшись реакции, Рамирес продолжил:

— Таким образом, по версии следствия, установив личности убийц с помощью сделанной вами видеозаписи, вы заманили их на склад, где собственноручно казнили. Данное происшествие вызвало краткосрочный дипломатический скандал. Правительство Анакалии выразило возмущение расстрелом троих лиц со статусом дипломатов, пусть и не являвшихся ее гражданами. Впрочем, после обнародования доказательств их участия в зверском убийстве гражданки Земли, скандал быстро сошел на нет. А обвинителям так и не удалось доказать ни одно из предположений, на которых основывалась их версия.

Не доказано, что именно вы осуществляли скрытую съемку в квартире мисс Свенсон. Не доказано, что вы послали запись убийства черано с тем, чтобы заманить тех на удаленный склад. Поскольку копию видеофайла обнаружили при одном из убитых, на слушаниях вы выдвинули теорию о том, что он предназначался заказчику убийства как подтверждение выполнения работы. Неплохо, хотя само существование заказчика не доказано. По версии следствия, причиной нападения на мисс Свенсон стало корыстное зверство, свойственное черано. пытки же применялись для того, чтобы принудить ее открыть находившийся в квартире сейф и похитить его

содержимое. Жертва, как известно, происходила из состоятельной семьи.

Обвинение также не смогло доказать наличие у вас мотива для убийства. Несмотря на ваше давнее знакомство с мисс Свенсон, на момент смерти она была помолвлена с другим. Ну и наконец, вы просто уничтожили обвинение аргументом о том, что, будучи в здравом уме, не могли бы решиться на перестрелку с тремя черано. Ведь заманив их в так называемую ловушку, вы фактически совершали самоубийство.

Эксперты не сумели найти объяснения вашему успеху в схватке, сочтя его невероятным везением. Почти таким же невероятным, как и то, что знакомый жертвы столкнулся с ее убийцами на следующий день после преступления в одном из немногих мест Особого района, где нет видеонаблюдения. Но вы отказались от пси-проверки. По этим причинам, несмотря на ваше полное оправдание сначала Административной комиссией СКИП, а затем и Третьским судом Особого района, вас так и не допустили к службе. Потому что вне юридических материй никто не сомневался, что вы нашли и казнили тех троих. Вопрос в том, как, черт возьми, вам это удалось.

— Думаю, вам будет интересно, — подал голос Пон Так. — После происшествия тренировочный центр Академии провел одиннадцать оперативных игр по мотивам вашей истории. И во всех случаях наши агенты гибли.

— У вас есть живые инопланетники для тренировок? — полюбопытствовал я.

— Разумеется, нет, — проворчал азиат. — Мы использовали боевых андроидов с заданными характеристиками средней точности и скорости реакции черано. В результате пришли к выводу, что вы каким-то образом воздействовали на тех перед столкновением. Не поняли только как. Слепили? Оглушили? Шоковое воздействие? Химическое? Ментальное? Экспертизы ничего не обнаружили. А ведь это стало лучшей операцией ликвидации, проведенной на Земле за несколько десятков лет.

— Вы ошибаетесь, — спокойно возразил я. — Эти трое почти успели покинуть планету, а их сообщник так и не найден. Мотивом убийства признан квартирный разбой, и никто не ищет его организаторов. Так что лучшей, пожалуй, остается операция по ликвидации специального агента АСР Даниэль Свенсон.

Глава 2

Было непохоже, что мне удалось шокировать их своей осведомленностью.

— Мы подозревали, что вы знаете. — Честерфилд с сожалением отложил почти докуренную сигару. — Она сама вам раскрылась, или вы поняли это из видеозаписей? Кстати, как долго вы за ней наблюдали? Удивительно, что вам это удалось, — у нее имелось необходимое оборудование и навыки.

Я не сомневался в том, что беседа записывается. С другой стороны, логично предположить, что сидевшую передо мной тройцу интересуют обстоятельства гибели их агента, а не уличение отомстившего за нее мелкого чиновника.

— Почему все решили, что наблюдение установил я? Все гораздо проще — она сама использовала это устройство. Записи загружались на виртуальный сервер. Когда она погибла, я получил сообщение от системы. — Я замолчал, давая им возможность переварить информацию.

— О ее работе вы узнали именно из этих записей? — Рамирес явно не собирался оставлять эту тему.

— Нет. — Я не стал лгать, не видя в этом особого смысла. — Она сама мне рассказала. Примерно за месяц до смерти. Правда, я и сам догадывался.

— Почему? — полюбопытствовал Рамирес. — Она практически не бывала здесь. Жила в Бангкоке, являлась известным политологом. Фигурой хоть и непубличной, но заметной в узких кругах. Не выезжала с Земли. Период обучения в Академии, как нам кажется, удачно замаскирован историей о закрытой школе в Альпах.

— Мы тесно общались в университете. — К рассказу приходилось примешивать воспоминания, и я был вынужден буквально проталкивать слова через глотку. — На первом курсе она писала монографию о законниках, и друг-полицейский пришелся кстати. Я знаю ее семью, бывал у них дома в гостях. Отец давно на пенсии, пишет научные статьи. В основном об особенностях политических систем разных миров. Он много путешествовал, что возможно лишь за государственный счет. Но я не нашел его ни в одном реестре служащих. Ясно, что он работал на АСР. Видимо, был важной шишкой, раз ему позволили жить вне Спейстауна. Все знают, как у вас развита семейственность. Вот и Даниэль... я часто брал ее на патрулирование в Кварталы Радости.

Видел, как она ведет себя при признаках опасности, как реагирует на оружие. Она прошла спецподготовку, и вряд ли в школе для девочек в Альпах.

Меня никто не прерывал, но я остановился, чтобы сглотнуть. Напитки в программу вечера не входили. Ну что ж, подопытным крысам не выбирать. Слушатели просто ждали, когда я продолжу. Я не стал их разочаровывать.

— Примерно за месяц до нападения мы встречались в Бангкоке. В ресторане. Я никогда не навещал ее в новой квартире, даже не представлял себе, где та находится. Пригласила якобы отпраздновать свою новую работу. Получила должность аналитика при посольстве на Ганьши. Но обсуждали мы не это.

Я никогда не отличался хорошей памятью, но знал, что последний разговор с Даниэль никогда из нее не сотрется.

Она вошла в ресторан своей обычной легкой походкой и прищурилась, оглядывая зал. Короткое элегантное платье, открывающее длинные стройные ноги. Идеально правильные черты лица, голубые глаза, коротко стриженные светлые волосы. Ей много раз предлагали карьеру модели. Звали замуж влиятельные бизнесмены и политики, в обществе которых она любила вращаться. Но, насколько мне было известно, ни то, ни другое ее не интересовало.

Я ждал уже полчаса, но у красивых женщин во все времена были свои привилегии, даже если они оставались просто вашими друзьями. Наконец она заметила меня в кабинке в дальнем конце зала и, ловко лавируя между столиками, направилась в мою сторону.

— Прости, задержали в офисе. — Что мне в ней нравилось, так это то, что она никогда не пренебрегала извинениями, будучи неправа. Похоже, она действительно переживала, зная, что в Бангкок я приехал исключительно на встречу с ней.

— Нет проблем. — Я не стал уточнять, что она делала на работе в субботу вечером. — Что будем пить?

Она мельком взглянула на стоявший передо мной коктейль и пробормотала:

— Мне то же, что пьет он.

— Ваш заказ будет исполнен через две минуты, — мелодично пропел столик, и на его поверхности мягко замерцали цифры, отсчитывая указанное время.

— Сколько мы не виделись? Три месяца? — Даниэль прервала неловкую паузу, возникшую скорее из-за моей попытки собраться с мыслями.

Мы действительно не виделись довольно давно. Наверное, и к лучшему. Этот факт я осознал, лишь снова увидев ее. Проболтаться несколько лет в роли мальчика на побегушках у звезды университета и общепризнанной светской львицы, испытывая к ней вполне определенные чувства, было за гранью моих обычных представлений о самоуважении.

Тем не менее я это делал. И знал, что не один такой. Она не скрывала, что я стал полезным пропуском в темный и запретный мир городских джунглей. С некоторыми она занималась серфингом. С другими участвовала в гонках на флайерах. С третьими ходила на светские рауты — благо они отличались презентабельной внешностью, подвешенным языком и имели вес в деловых или политических кругах. Особняком стояли те, с кем она встречалась. Таковых набиралось не слишком много. Последнего звали Махандер Раджури — мрачноватая и не слишком общительная, но очень яркая звезда психокионики. Лично я не понимал, как можно встречаться с человеком, который способен манипулировать твоим сознанием.

Многие, впрочем, и шутили в духе того, что Махандер заполучил Даниэль с помощью внушения. Мне же всегда казалось, что причина в том, что он неприлично умен, а специалистов такого класса на планете не набралось бы и десятка. Она всегда любила эксклюзивность. Полицейских, серферов и светских пуделей в мире, ясное дело, пруд пруди. Я никогда даже не заикался на тему перевода наших отношений в иное качество. Как шушукались общие знакомые, потому и продержался в друзьях так долго. Спортсмены и партнеры по званым вечерам менялись чуть ли не ежемесячно.

— Да, где-то так. — Я старался ронять слова с небрежной ленцой, хотя совершенно точно помнил, когда и при каких обстоятельствах мы встречались последний раз. Правда, видеозвонки не были такой уж редкостью. Как правило, звонила она. И обычно с просьбой пробить очередного кавалера по базе правоохранительных органов. Возможно, не хотела беспокоить куратора в АСР.

— Как там Махандер? — Я тут же проклял себя в душе. Прекрасный первый вопрос для разговора с другом женского пола. Конечно, она знала о моих чувствах. Не уверен, беспокоило это ее или забавляло.

— Неплохо. — Она явно была удивлена, потом в глазах замелькали озорные искорки. Очевидно задавив в себе какую-то неуместную шутку, способную спровоцировать разговор, до которого я так и не созрел за годы нашего знакомства, она серьезно продолжила: — Ты же его знаешь. Работает как проклятый. Много путешествует.

Она снова замолчала, подбирая слова. Глаза регулярно перескакивали с меня на зал ресторана, обшаривая его цепким профессиональным взглядом. Она села не напротив, а сбоку — так, чтобы не оказаться спиной к входу. Сумочку положила на стол возле правой руки. Никакой обычной игривой расслабленности.

— У нас мало времени. — Она тут же прикусила губу, похоже сожалея о неудачном начале. Положила свою ладонь на мою и слегка сжала.

Дело было плохо. От ее прикосновения все внутри перевернулось точно так же, как в студенческие годы, когда ни одна ночь не проходила без мыслей о ней.

— Ты столько лет был хорошим другом...

Вот это да. Она не отпускала мою руку, и мысли слегка путались. Позвала, чтобы объявить о прекращении общения? Почему? Неужели наша дружба разонравилась начальству в АСР? Мелодичный сигнал возвестил о готовности напитка, который незамедлительно возник перед Даниэль на столе, прервав ее мысль и отчасти разрушив чары. Она отняла руку, чтобы взять бокал. Возможно, немного более резко, чем следовало. Сделала большой глоток. Лицо порозовело, а когда взгляд снова обратился ко мне, глаза уже привычно смеялись.

— Что-то я сегодня не слишком в ударе, не так ли? — Вопрос был риторическим, поэтому я лишь промычал что-то невнятное. Она снова взяла меня за руку, на этот раз куда более решительно. — Прости, но времени действительно не так много, а разговор будет серьезным. Мне нужна твоя помощь, очень нужна. Удивительно, но к двадцати семи годам из сотен знакомых и друзей ты единственный, кому я могу доверять. Во всяком случае, в подобном деле.

Я сделал хороший глоток из своего бокала и судорожно оглядел зал в поисках помощи. Признаться, в отличие от Даниэль на меня спиртное никогда не оказывало укрепляющего дух воздействия, не произошло этого и сейчас. Ресторан был пафосен и огромен. Заведение в основном оккупировали парочки, соблазненные роскошным интерьером.

Мне приглянулась стройная светлоглазая брюнетка с длинными волосами. Наверное, по контрасту с Даниэль. Возможно, стоило обсудить это с психоаналитиком, если бы мне вдруг взбрело разговаривать о личной жизни со штатным мозгоправом, навязанным СКИП. Брюнетка ворковала с индийцем лет на сорок старше, в деловом костюме стоимостью с мою годовую зарплату.

— Ты еще со мной? — Пауза несколько затянулась, но голос Даниэль выражал скорее недоумение, чем недовольство.

— Да, о богиня моего сердца. — Подтрунивания между нами были делом обычным. Она, в свою очередь, могла именовать меня «верным вассалом» или «преданным рабом». Правда, мне самому не слишком понравился звук моего голоса. Никакой дружеской иронии — скорее жесткий сарказм человека, которому придется делать то, что вряд ли доставит ему удовольствие.

Ведь мы оба понимали, что я неспособен ответить отказом. Я не знал, в чем дело, но если с ним не могли разобраться ни АСР, на которое она работала, ни ее папаша — бывшая шишка из этого самого АСР, ни любящий дядя миллиардер, ни один из ее поклонников, у которых хватало как мышц, так и мозгов и политического влияния, — значит, дело было дрянь.

Видимо, слишком личное. Или слишком грязное, что то же самое. Такое, о котором не должны узнать ни работодатель, ни родственники, ни друзья. Ну, кроме старины Эрика, которому уже доводилось вытаскивать ее, полуживую и непрестанно блюющую, из Кварталов Радости в периоды студенческих экспериментов.

Так что речь пойдет не о том, чтобы пробить кого-то по закрытым полицейским базам. И не о посещении наркоманских притонов, секс-клубов или сектантских сборищ, чем она увлекалась несколько лет назад. И так не слишком деятельный мозг, изрядно накачанный спиртным, лениво перебирал возможные варианты.

Назойливый поклонник? Да нет, маловероятно. Один ее звонок, и практически любому обеспечена либо больничная койка, либо полное отлучение от общества вкупе с разрушением карьеры и личной жизни, если таковые имелись. Шантаж? Более занятная версия, хотя последние годы она была паинькой, а шантажировать кого-то информацией о студенческих оргиях в наш просвещенный век просто нелепо.

Нет, неправильный подход. Дело не в том, что случилось, а в том, почему помочь могу

только я. Что можно поручить другу Эрику, не знающему ничего, кроме работы законника? Слежку? За Махандером, что ли? Да он без ума от нее точно так же, как и я. На других ей глубоко плевать. Не то.

Она напугана. А она одна из самых храбрых особей женского пола, что ты видел. Думай, детектив. Защита? Нет, попросила бы дядю дать телохранителей, да и кому нужен таскающийся по пятам несчастный воздыхатель. Защита... защита может быть разной. Есть одна просьба, с которой нельзя пойти ни к дяде, ни к папе, ни к знакомым костоломам. Но можно обратиться к человеку, неспособному тебе отказать и знающему, как заметать следы.

— Итак, кого нужно убить, моя принцесса эльфов? — Спьяну мне показалось, что фраза прозвучала чрезвычайно непринужденно, а тон даже свидетельствовал о некотором налете светского лоска.

Непроизвольный всплеск женской руки смахнул бокал на пол, но вместо того, чтобы эффектно разбиться на манер сцены из дореформаторского фильма, ударопрочный пластик лишь весело запрыгал по ковру, немедленно приведя в движение роботов, вылезших из тумбы по соседству и деловито приступивших к уборке. Похоже, я действительно был не таким уж плохим детективом.

У них было много вопросов, очень много. Конечно, они предпочли бы взять паузу и проверить новые для них сведения. Но профессионалы должны ковать железо, пока горячо, а этим наверняка казалось, что я уже загнан в угол и не смогу юлить. Что ж, тактика работала, и большая часть того, что они услышали от меня, являлось правдой. Мои отношения с Даниэль, как ни странно, не слишком их волновали. Ее убийство — дело другое, но здесь я мало чем мог помочь. Впрочем, они и не ожидали услышать от меня имя заказчика.

Поняв, что большего о погибшем агенте из гостя не вытянуть, тройка неожиданно сменила тему. Рамирес несколько раз ткнул в панель, и сбоку от стола возникла проекция многостраничного документа, увенчанного фото в правом верхнем углу. Мрачноватый крепко сбитый тип с ярко-голубыми глазами и коротко стриженными светлыми волосами враждебно уставился на расположившихся за столом бюрократов. Не лучшая моя фотография. Подумать только, мне демонстрировали мое собственное досье, заботливо подготовленное сотрудниками АСР. Выглядело оно пугающе объемным.

Рамирес в полной мере наслаждался моим замешательством и, увеличив шрифт проекции, нудным голосом стал зачитывать информацию с первой страницы:

— Эрик Александр Старгарт, дата рождения — седьмое апреля сто двадцатого года Реформации, уроженец Стокгольма, Земля. Европеид. Рост сто восемьдесят сантиметров, средний вес девяносто килограмм. Уровень интеллекта по универсальной шкале — сто восемнадцать, аналитические способности — сто двадцать пять. Уровень тревожности — семьдесят семь пунктов, страховый порог — тридцать девять пунктов. Реакция — сто девять, навыки рукопашного боя — сто одиннадцать, меткость — сто пятнадцать баллов.

Пон Так пренебрежительно скривился, демонстрируя свое отношение к показателям, которые сложно было признать выдающимися. Честерфилд, похоже, хотел что-то сказать, но в итоге просто махнул рукой и поудобней устроился в кресле.

Рамирес все же определенно не любил недосказанностей и охотно подытожил, чуть повысив голос:

— Общий результат — посредственно. Достаточно, чтобы устроиться на работу законником, но не более того. Вам ведь известно, Старгарт, что все ваши показатели минимум на пятнадцать — двадцать процентов ниже, чем средние по поступившим абитуриентам?

— Я всегда думал, что файлы АСР должны содержать более занятные данные, нежели результаты стандартных тестов. — Поскольку политкорректность в повестке дня не значилась, я не видел смысла любезничать. — Потом, вам не кажется, что прием зачитывания субъекту его досье в принципе несколько избит? Или из тестов напрашивается вывод о том, что я полный идиот?

— Вы не полный идиот. — Примирительный тон Честерфилда подтверждал мои мысли об отведенной ему роли доброго дядюшки. — Вам даже предлагали должность в Службе внутренней безопасности. Но вы ведь заиклены на оперативной работе, не так ли?

Я пожал плечами, не видя необходимости в ответе. Рамирес продолжил тихим монотонным голосом:

— Отец — Александр Ульрих Кристиансен, репортер «Континентальных новостей».

Мать — Анна Петровна Кристиансен, урожденная Кузнецова, аналитик «Галактического обозрения». Оба девяностого года рождения. Оба погибли при крушении шаттла, возвращаясь с Луны семнадцатого мая сто тридцать пятого года. Катастрофа признана несчастным случаем. Сын Эрик в возрасте пятнадцати лет, согласно личному волеизъявлению, определен в Полицейскую академию Юго-Восточного региона. При поступлении по желанию кадета его личные данные были засекречены, а фамилия изменена на Старгарт. В сто сороковом году закончил учебу в возрасте двадцати лет, с присвоением звания патрульного третьего класса. Оценки по окончании академии — средние.

Распределен на работу в полицию административного района Сингапура. Быстро продвигался по служебной лестнице — патрульный второго класса, первого класса, сержант. В сто сорок пятом году назначен на должность детектива. Зарекомендовал себя положительно, и в сто сорок восьмом году произведен в лейтенанты и назначен руководителем группы по расследованию смертей от неестественных причин. Однако уже в сто сорок девятом году лейтенант Старгарт был уволен под предлогом сокращения штатов. Через несколько недель после этого благодаря стараниям профсоюза законников получил должность агента Службы контроля инопланетного присутствия и переехал в Опенгейт, Особый район.

Рамирес прервался, чтобы отпить ярко-зеленой жидкости из стоявшего перед ним стакана. Если допросы потенциальных инопланетных агентов они проводили по той же методике, Земля находилась в страшной опасности. Пон Так откровенно скучал, а Честерфилд смотрел на меня строгим, но понимающим взглядом. Возможно, он просто спал с открытыми глазами, пользуясь огромным опытом участия в подобных мероприятиях.

— Почему вы пошли в полицию, Старгарт? — Рамирес решил внести разнообразие в беседу. Вполне вероятно, чтобы не утратить внимания аудитории, для которой нудное перечисление фактов моей биографии вряд ли стало новостью. — Работа не слишком приятная, уровень популярности низкий, желающих не так уж много. Насколько я знаю, друзья родителей предлагали вам карьеру в журналистике. А среди них были весьма серьезные люди.

Ну, началось. Вообще-то совсем неплохо. Со мной на эту тему говорили три человека, одного из которых уже нет в живых. И разговоры эти состоялись пятнадцать лет назад, а ведь я о них никому не рассказывал.

— Хотелось заниматься чем-то реальным и видеть результат своих действий. — Полагаю, в этот раз мне удалось скрыть замешательство. — Делать мир лучше, рассказывая новости, — очень уж абстрактно для меня. Преступник в тюрьме — гораздо наглядней. Потом, вы сами сказали, что работа полицейского не слишком популярна. На Юго-Востоке они с трудом закрывали набор, так что меня приняли и с посредственными школьными оценками. А редакция межпланетных новостей — сорок человек на место. Даже при наличии связей.

— Не любите сложностей? — живо поинтересовался Честерфилд. — Это не совсем соответствует другим фактам вашей биографии.

— Как я уже сказал, это не являлось основной причиной. — У меня не было желания развивать эту тему. — Вероятно, я слишком увлеклся дореформаторской историей. Когда-то массовая культура активно поддерживала положительный образ законников. Это потом корпоративная власть и Темный век подпортили им репутацию.

— Понятно. — Честерфилд кивнул Рамиресу, и тот продолжил свой экскурс в мое досье.

— В ходе работы в СКИП агент Старгарт не зарекомендовал себя с положительной стороны. В нарушениях служебной дисциплины замечен не был, однако, по мнению непосредственного начальника, страдает безынициативностью и отсутствием мотивации. — Рамирес оторвался от экрана и повернулся ко мне. — Можно ли предположить, что это связано с тем, что в полиции вы занимали гораздо более высокое должностное положение, нежели в СКИП?

— А также с тем, что в СКИП моя работа состояла в инспекции складов вместо расследования преступлений.

— Ужасно скучно, — согласился Пон Так. — И ведь сейчас социальный статус полицейского лишь немного выше статуса мусорщика или стряпчего, не так ли? То ли дело статус агента АСР...

— Я не слишком озабочен вопросами статуса, — пробормотал я. — Была бы работа по душе.

— Наверняка так оно и есть, — благодушно закивал головой Честерфилд. — Вот мы, собственно, и пригласили вас спросить, придется ли вам по душе работа в Оперативной службе.

После пятичасовой беседы я вышел из главного входа башни, выжатый как лимон. В пределах видимости не обнаружилось ни одного слайдера. Необычно, но странностей сегодня хватало, и я решил не забивать себе голову. Тем более что к транспортной станции вела прекрасная тенистая аллея. Гулять я любил, и мне предстояло немало обдумать. Они вышли из-за деревьев примерно в трехстах метрах от здания, там, где аллея делала крутой поворот. Не могу сказать, что меня подвели инстинкты, я знал, что за поворотом трое, но не придавал этому значения — несмотря на разгар рабочего дня, здесь вполне могли устроить перекур или совещание какие-нибудь аналитики или оперативники.

Впрочем, эта тройка мало напоминала сотрудников АСР. Во всяком случае, я не слышал, чтобы агентство брало в штат инопланетников. Видимо, университетский курс ксеносоциологии не пошел мне на пользу, как и год, проведенный в Особом районе. Высокие и гибкие, с загорелой, как будто дубленой кожей и глазами... да, розовыми глазами. Ни один учебник не упоминал ни о чем подобном. Их одежда напоминала военную форму коричневого цвета, удачно сливавшуюся с дорожкой и стволами деревьев. Двое тихо подошли спереди, заняв центр аллеи, и остановились в трех метрах. Третий стоял у меня за спиной, наверное, полагая, что я не слышал его приближения. Я не хотел оборачиваться, чтобы не провоцировать его, поскольку понятия не имел, был ли тот вооружен.

— *Невидимый*, — тихо пропел третий сзади, — обернись, *Невидимый*.

Я осознавал, что фраза прозвучала не на новоингле, а другими языками я не владел. Тем не менее слова говорившего были мне понятны. Я медленно обернулся и сделал шаг в сторону. Теперь расстояние между мной и двумя отвлекавшими внимание особями увеличилось, а с говорившим — сократилось. Стандартный прием при групповом нападении, но в данной ситуации, возможно, ошибочный. Третий все же оказался вооружен, и мое движение немедленно спровоцировало атаку.

Он двигался невероятно быстро, сжимая в руке красивый изогнутый кинжал из неизвестного мне мерцающего сплава. Очевидно, на его планете практиковался иной стиль ножевого боя, нежели на Земле, и он не стал тратить время на горизонтальные режущие движения, с ходу попытавшись вогнать оружие мне в грудь. Включившиеся рефлексy позволили мне лишь немного уклониться, и клинок пронзил левое плечо, вызвав дикую боль. Промажнувшись, чужак не замедлился ни на секунду. Отпустив кинжал, его рука устремилась к моему горлу, стремясь смять гортань, а колено нанесло сокрушительный пинок по ребрам слева. Но защитный механизм уже работал на полную, и, не отвлекаясь на повреждения, я нанес мощный удар уцелевшей рукой в область грудины.

Человек бы отключился, но незнакомца лишь отбросило на пару метров. Прошипев какое-то проклятие, он легким движением вскочил на ноги, приготовившись завершить начатое. Я повернулся к нему боком, поскольку помнил о присутствии на сцене еще двух участников и ожидал, что те присоединятся к веселью. Однако те не сдвинулись с места, а в их руках не появилось какого-либо оружия. Напротив, они сложили руки на груди, подчеркнуто демонстрируя свою незаинтересованность в участии в схватке. Только сейчас я понял, что напавший на меня, будучи той же расы, уступал им добрую голову в росте.

Все эти мысли, впрочем, мелькнули за доли секунды, поскольку мой обидчик не собирался брать пауз. Метнувшись мне в ноги, он провел удачный бросок, и я оказался на земле с не лучшим предчувствием, так как никогда не ощущал себя комфортно в борьбе. Но бороться со мной никто и не собирался. Вместо попытки захвата чужак резким ударом локтя сверху разнес мне коленную чашечку, после чего, очевидно рассчитывая на болевой шок, схватился за рукоятку торчавшего у меня из плеча кинжала, явно надеясь вновь пустить оружие в ход. Что ж, ошибки в тот вечер совершал не только я. Инопланетник отлично держал удар и заметно превосходил меня в навыках рукопашной, но он был гуманоид, а я твердо знал, что строение всех особей нашего вида одинаково.

В то мгновение, когда пальцы убийцы коснулись рукояти ножа, я приподнялся, моя предположительно обездвиженная левая рука крепко легла ему на затылок, а правая резко крутанула голову назад. Рефлексов чужака оказалось недостаточно, чтобы противостоять контратаке. Я услышал характерный хруст ломающихся позвонков, и тело надо мной обмякло. Отшвырнув труп в сторону, я откатился на обочину и сам выдернул кинжал из плеча, не зная, чего ожидать от оставшихся двоих. Левая нога не слушалась, и мне пришлось принять какую-то нелепую стойку на неповрежденном правом колене.

Однако было не похоже, что моя судьба заботит розовоглазых. Их занимал лишь труп соплеменника. Как будто разом очнувшись от спячки, парочка в доли секунды преодолела несколько метров до тела и на мгновение замерла над ним. Если это и был ритуал, то очень короткий. Один из чужаков кинул на останки небольшую черную таблетку и спешно отступил. Меня ослепила яркая вспышка, вслед за которой в лицо ударил жар, а в нос — смрад горячей плоти. Двое скользнули мимо меня под сень деревьев. Чуть задержавшись, гигант с лицом, испещренным шрамами, нежно пропел на незнакомом языке:

— До встречи, *Невидимый*.

Глава 3

Все было совсем неплохо. Гораздо лучше того, на что мог рассчитывать скромный агент СКИП, да еще и бессрочно отстраненный в связи с утратой доверия. Для начала, меня не стали перевозить в государственный госпиталь. Прямо на аллее я получил усыпляющий укол от медицинского робота и очнулся уже в палате больницы АСР.

Временное жилище мне нравилось — комната размером не менее тридцати метров, журнальный столик и диван из настоящего дерева, а главное — огромное панорамное окно с видом, не уступающим тому, что я недавно лицезрел из соседней башни. Сломанная нога не слишком располагала к прогулкам, да и выбраться в коридор было невозможно в любом случае — дверь открывалась только снаружи. Во время одного из визитов медперсонала я с удовлетворением зафиксировал у входа охранного дрона класса SPD. Его собрат неторопливо прохаживался по коридору, куда выходили двери еще двух десятков палат. Является ли мое убежище госпиталем или временной тюрьмой, оставалось вопросом открытым.

Когда я спросил об этом у доктора Мухаммада, ответом мне стал неуверенный взгляд и заверение в том, что я нахожусь в «специальном блоке» госпиталя АСР. Дискуссию о том, кто является обычными пациентами блока, эскулап продолжить не пожелал, сославшись на то, что подобные материи не в его компетенции. Ах да — у меня был свой лечащий врач, притом человек. Не думаю, что при других обстоятельствах мне довелось бы пообщаться с чем-либо лучше диагностической машины. Доктор заходил каждое утро в сопровождении бесшумного процедурного робота, чьи манипуляции по выкачиванию из меня крови вкупе с закачиванием других жидкостей со временем изрядно надоели.

Имелись и другие посетители. Вскоре после операции я удостоился чести познакомиться с командором Вахаднапулом из Службы внутренней безопасности АСР. Командор излучал любезность, явно излишнюю для полицейского при беседе с другим законником, — несомненно, результат инструктажа кого-то более весомого, чем мы оба. Мне были принесены сожаления в связи с инцидентом. Сообщено, что расследование будет находиться в ведении АСР и лично его, командора Вахаднапула.

Я знал, что, несмотря на всю мощь и влияние АСР, могу потребовать участия в следствии СКИП и профсоюза законников. Организованное нападение на действующего агента считалось чрезвычайным происшествием, и охота привлекла бы коллег из различных подразделений, объединенных одной целью — не допустить повторения подобного в будущем. Двое из нападавших скрылись, и это не могло не беспокоить человека в моем положении, что я и не преминул довести до сведения командора.

Отговорил меня Нгубо. Его черная как смоль двухметровая фигура возникла в дверном проеме на следующий день после посещения Вахаднапула. Ввалившись в комнату без стука и прочих условностей, приятель сразу рухнул на удобный диванчик у окна, жалобно заскрипевший под его весом. Скользнув по упакованной в футляр ноге и разбитому лицу, взгляд товарища уперся мне в переносицу, а рот расплылся в улыбке, необычно белозубой даже для эры повсеместно распространенных имплантов.

— Ну наконец-то тебя кто-то отоварил как следует. — Вообще-то Нгубо слыл добряком и балагуром, но, имея представление о том, в чем именно состоит его работа, я бы не стал полагаться на этот имидж, заботливо созданный для молодых особ, охотно скрашивавших его досуг в перерывах между заданиями. — Я всегда говорил, что ты ни на что не годен в драке.

— То, что отоваривший покойник, тебя несколько не впечатляет? — сварливо пробурчал я. — Вообще-то я думал, что тебя и на Земле нет.

— Утром вернулся, — небрежно пояснил черный джентльмен, пожирая персик, похищенный из вазы на столе. — Нет, не впечатляет. Повезло. Ты вообще везучий. До сих пор не

могу понять, как ты справился с теми тремя на складе. Я же видел все твои боевые имитации при поступлении в Академию. Слезы. Я бы с тобой на задание не пошел. Хотя нет — пошел бы, если без риска стрельбы или мордобоя. Ты у нас честный идиот — точно знаю, не продашься и не выстрелишь в спину. Или вот телохранитель из тебя вышел бы отличный — так и норовишь броситься под пулю.

— Да ну тебя, — отмахнулся я. — Я вот в этом году убил четырех профессиональных киллеров, да еще и инопланетников. А ты чем похващаешься?

— Я разгреб куда больше отбросов, и совсем в другой лиге, уж поверь. — Второй персик последовал за первым, прекрасно вписавшись в общую картину блаженного самодовольства, царившего на диване.

— Утром вернулся и сразу ко мне? Как лестно. А где цветы? Или ты только чужие персики жрать горазд? — Персиков мне правда было жаль.

— Обольщаться не стоит, ты не в моем вкусе. — Вывод из моих слов был сделан, и супермен переключился на менее любимые мною яблоки. — Что приказали, то и делаю. Мы люди подневольные. Прикажут вытирать сопли полицейским неумехам — будем вытирать.

— Тебя что, отозвали с задания из-за меня? — Наверное, меня должно было распирать от гордости из-за того, что одного из ведущих головорезов Галактики срочно доставили на Землю присматривать за мной, но мозг законника однозначно сигнализировал: это признак того, что дело дрянь.

Нгубо уставился на меня с деланой озабоченностью:

— Опаньки, высотобязнь штатные мозгоправы определили, а манию величия-то и прошляпили. На что еще жалуетесь, больной? Таинственные голоса в голове, нестерпимое желание захватить мир?

— О, всего лишь пара сломанных ребер, да двухнедельный курс по регенерации коленной чашечки, от которой мало что осталось. — Приятель явно не собирался делиться подробностями кухни своего подразделения, а меня на самом деле интересовали более актуальные материи. — А, ну и чуть не забыл — проникающее колотое ранение левого плеча, причиненное клинком из неизвестного сплава. Очень плохо заживает, кстати. Не видел, часом, таких? А с розовоглазыми инопланетниками якшаться не доводилось?

Уважаемый в научных кругах доктор ксеносоциологии и по совместительству каратель на службе Всемирного правительства, посетивший не менее десятка миров, впал в легкую задумчивость. Было не ясно, какие именно инструкции им получены и собирается ли он им следовать. Я рассчитывал на то, что старшие агенты Оперативной службы, обычно действующие автономно от центра, не слишком склонны слушаться бюрократов из Спейстауна.

— Видел, — неожиданно легко признался он. — Пару раз, но видел. Ножик сейчас у наших экспертов. Насколько я знаю, это первый экземпляр, который удалось захватить. Есть все основания полагать, что вещь — шайнского производства.

*Сингапурский университет. Факультет политологии, 1-й курс
143-й год Реформации*

Профессор Кейтель был сухопар, умен и невыразимо язвителен. Возможно, именно по этой причине руководство факультета каждый год поручало ему проводить вводную лекцию для первокурсников. Впрочем, мне не показалось, что эта честь доставляет профессору удовольствие. С легкой тоской оглядев заполнившие амфитеатр главного корпуса две сотни молодых и не очень лиц и не утруждая себя какими-либо вступлениями, преподаватель ткнул пальцем в имевшего неосторожность усесться в первом ряду высокого азиата лет восемнадцати и требовательно спросил:

— В каком мире мы сейчас живем?

— Э-э-э... — Не ожидавший интерактивного общения в свой первый день китаец запнулся и робко предположил: — В мире сто сорок третьего года Реформации? На Земле? В Галактике трехсот сорока восьми обитаемых миров?

Профессор схватился за голову и издал нечто напоминающее стон.

— Итак, большое спасибо... мм... хотя не важно. — Кейтель проигнорировал горящую на столике студента табличку с именем. — Теперь мы владеем статистической информацией, известной каждому ребенку в возрасте от трех лет, проживающему на этой планете. Правда, не каждого трехлетку принимают в университеты, но уверен, что это дело ближайшего будущего.

Еще мысли?

Аудитория сжалась, ожидая выбор очередной жертвы, но в этот раз профессор определенно хотел пожить добровольцем. Бодрая чернокожая девушка, судя по возрасту попавшая в аудиторию прямо со школьной скамьи, активировала динамик и оглушительно отрапортовала на весь зал:

— Мы живем в мире всеобщего благоденствия и процветания! В мире, где нет войн и конфликтов! Где нет нищеты и преступности! Где каждый получает то, что заслуживает!

Не было сомнений, что она могла продолжать еще очень долго, но профессор нервным жестом блокировал ее микрофон.

— Если бы в нашем мире каждый получал то, что заслуживает, жертвы «Всемирных новостей» никогда не попадали бы на факультеты вроде нашего. У вас ведь наверняка просто зашкаливающие школьные баллы? Собираетесь заниматься политикой? Не отвечайте, да упасет нас космос от занятия вами какой-либо выборной должности. Может, вы и научитесь мыслить самостоятельно за три года обучения, но я бы не слишком на это надеялся. Я так понимаю, шансов услышать сегодня что-либо осмысленное у нас нет? — Гуру политологии на сей раз окинул зал взглядом, исполненным плохо скрываемой неприязни.

— Никто не знает, в каком мы сейчас живем мире. — Стройная загорелая блондинка лет двадцати, сидевшая в центре зала, говорила ровным и рассудительным голосом, контрастировавшим с ее яркой внешностью. — Этот мир не создан нашей расой. Его нам даровали, или навязали — смотря каких взглядов вы придерживаетесь. Нам неизвестны конечные цели его создателей. Сейчас мы живем благополучно. Наша планета занимает достойное место в сообществе миров. Мы сами заселили многие из них. Мы построили систему планетарной обороны и создали мощный космический флот. Нам кажется, что мы в безопасности, и у нас нет вызовов — внутренних или внешних. Но это было бы невозможно без установления протектората. Если бы кто-то другой не обратил вспять экологическую катастрофу. Если бы на нашей поверхности не построили Завод, производящий двигатели для наших звездолетов, потому что мы, люди, понятия не имеем, как работают Т-прыжки. Мы знаем одно — что живем под сенью гораздо более развитой и могущественной цивилизации, которая спасла нас. Но она же может в любой момент и уничтожить. Поскольку все, что мы можем противопоставить их мощи, дано нам ими же.

Аудитория испуганно примолкла. Тишину нарушало лишь возмущенное фырканье негритянки, которая порывалась что-то сказать, но не могла сделать этого из-за заблокированного микрофона.

Профессор благожелательно посмотрел на блондинку:

— О, антишайнская пропаганда... давненько я не слышал ее от первокурсников. И что же нам, по-вашему, делать в этой тревожной ситуации? Стоит ли начать с закрытия факультетов политологии и социологии, как совершенно бесполезных?

— Ну почему же. — Его молодая визави совершенно не выглядела смущенной. — Есть множество сфер, в которые не происходит видимого вмешательства со стороны шайнов. Они не правят нами или кем-либо еще. Во всяком случае, тому нет доказательств. Но разве изучение шайнов не должно стать основой ксеносоциологии? Тем не менее по ним практически нет новых опубликованных работ. Мне это кажется крайне любопытным.

— Так вы собираетесь писать о шайнах, — задумчиво протянул профессор. — Вижу, вы не ищите легких путей. Как вижу и то, что вы пали жертвой весьма популярной теории заговора, согласно которой исследования их цивилизации пресекаются то ли Всемирным правительством, то ли самими шайнами через протектора или неких неведомых агентов влияния. Заверяю вас, что это не так.

Попытки разгадать тайны шайнов не встречают какого-либо противодействия. Просто... просто со временем определенные темы в научных кругах исчерпывают себя. Правда состоит в том, что после нескольких сотен лет знакомства нам практически ничего не известно о шайнах. Мы даже не знаем, являемся ли мы родственным биологическим видом. Генетические и социологические исследования в известных нам населенных мирах убедительно доказали, что все гуманоиды произошли от одной цивилизации. Очень и очень давно расселившейся по космосу неким способом, относительно которого академики крупнейших планет по сей день спорят до хрипоты.

Но шайны? Мы не можем определенно утверждать, что родственны им, поскольку еще никому и нигде не удалось получить их генетический материал для сравнения. Кто-то считает, что

они наши прародители — выходцы с той самой Исходной планеты, знания которой утрачены остальными цивилизациями. Другие полагают, что они наши братья — народ, оказавшийся в той же ситуации, что и остальные, но сумевший опередить прочие миры в технологическом развитии и затем пришедший нам на помощь. Третьи убеждены, что их закрытость связана с тем, что они вообще не гуманоиды и лишь притворяются таковыми, чтобы завоевать наше доверие.

Увы, исследовать здесь нечего, в том числе ксеносоциологам. Все, что можно, описано более ста лет назад профессорами Киглом и Ван Шу в их «Загадке шайнов». Около тридцати лет назад академик Джевардаш с Ганьши издал объемнейший труд «Взаимодействие шайнов с известными цивилизациями», где проанализировал все контакты с шайнами на основе летописей и изустных преданий более чем шестидесяти планет. Обе книги доступны в любой университетской библиотеке. Все последующие исследования представляют собой ничем не подтвержденные гипотезы, базирующиеся исключительно на воображении их авторов. Именно поэтому они не получают — и не получают — признание в научных кругах.

Несмотря на декларированную антинаучность, тема шайнов явно представляла для профессора большой интерес, и он с удовольствием продолжил:

— Что мы можем сказать о них, основываясь на нашем опыте? Они появились в середине двадцать первого века по старому исчислению, когда Земля задыхалась от экологической и социально-экономической катастрофы. Власть фактически находилась в руках нескольких мегакорпораций, контролировавших правительства более чем двух сотен разобщенных стран. Ресурсы распределялись по постоянно снижающимся нормам — это относилось к воде, еде, кислороду, топливу, электричеству. Более девяноста процентов населения жили на минимальном рационе. Система соцобеспечения рухнула, старики и инвалиды без поддержки близких были обречены. Полноценное здравоохранение оставалось доступным лишь нескольким процентам жителей. Между корпорациями велись постоянные войны за ресурсы, для чего использовались как частные, так и правительственные армии. Выборы представляли собой имитацию демократии, где населению предлагалось голосовать за представителей двух-трех партий, каждая из которых находилась на содержании у определенной корпорации. Любое инакомыслие и попытки протеста жестко пресекались. И тогда над Землей впервые появилось «Грозное облако».

Профессор запнулся и посмотрел на часы:

— Хм, кажется, я увлекся. Почему бы нам не устроить небольшой перерыв?

В дверях Кейтель замешкался, обернувшись.

— Да, кстати, милочка. — Ученый вновь счел ниже своего достоинства опускаться до чтения табличек. — Как вас зовут?

— Меня зовут Даниэль Свенсон.

Нгубо ушел, наверняка измотанный дружеской беседой не меньше меня. Инстинкт полицейского, помноженный на инстинкт самосохранения, почуввав слабину в оппоненте, привел к натуральному допросу, в ходе которого мой черный приятель несколько раз заметно побледнел, пару раз — покраснел и под конец покрылся испариной, несмотря на прекрасно работающий климат-контроль. Роль ему досталась незавидная — на Земле он превратился в мелкого чиновника, направленного ко мне с определенной миссией, и не мог просто послать собеседника к черту.

В результате почти часового словесного спарринга, по ходу которого супермен из разведки был лишен возможности использовать стандартные техники вроде «не знаю», «не помню» и «да иди ты в...», и в обмен на клятвенное обещание не звонить в СКИП, я обогатился довольно любопытными знаниями. Поразивший меня клинок изготовили из сплава, напоминающего те, что используются шайнами.

Сами владыки космоса кинжалов не носили. Зато их очень любили черано — те самые, трех из которых я пристрелил три месяца назад, что давало почву для занятных гипотез. У черано такое оружие было редкостью, и владели им лишь главы семейств как символами власти. По слухам, кинжалы использовались для казни оступившихся членов клана. Этот весьма познавательный ксеносоциологический экскурс, впрочем, слабо прояснял причины нападения. Безусловно, черано имели повод для мести. Но я не входил ни в какой клан, и с какой стати феодал с другой планеты стал бы жертвовать сакральным предметом для моего умерщвления, оставалось непонятным.

Розовоглазые именовали себя герреры, и человечество никогда с ними не сталкивалось. Сведения о них поступали в основном от анакалийцев, активно использовавших черано для

различных грязных делишек в слабо развитых мирах и потому знакомых с сектором сто восемьдесят четыре, где находилась Джарт — планета черано, а также, предположительно, и планета моих обидчиков. «Предположительно» — потому что никто не знал, к какой именно звездной системе она относится. Доподлинно было известно лишь то, что в этой зоне пропало больше звездолетов, чем в любой другой, — особенно тех, которые проявляли интерес к ранее неисследованным солнцам. Поэтому последнюю сотню лет посещение сектора ограничивалось Джартом и пятком таких же не слишком развитых планет по соседству.

Каких-либо контактов этих планет с шайнами зафиксировано не было. Зато местный фольклор пестрел легендами об огромном дисковидном объекте, спускавшемся с неба из черной тучи. В отличие от шайнов, никогда не приземлявшихся на поверхности, эти корабли не стеснялись садиться там, где считали нужным, игнорируя десятки гектаров выжженных лесов и полей, да и случайно оказавшиеся под кораблем деревушки, сгинувшие вместе со всем населением. Опять же в отличие от шайнов, которых никто никогда не видел более трех в одном месте, звездолеты извергали из себя хорошо вооруженные и организованные отряды высоких, загорелых и розовоглазых инопланетников. Отсталые планеты не могли оказать пришельцам никакого значимого сопротивления. Пытавшихся бороться убивали на месте, и на несколько недель цивилизация переходила под контроль сил вторжения.

Получив под страхом смерти заверения в полной поддержке со стороны старейшин, захватчики деловито приступали к разграблению планеты. В недрах корабля стремительно исчезали домашний скот и собранный урожай. Сколоченные из местных рабочие отряды посылались в наспех сделанные направленными взрывами шахты, где добывали нужные геррерам породы. Параллельно с этим специальные команды розовоглазых занимались тем, что служило предметом наибольшего расстройства аборигенов, — отбором привлекательных и здоровых особей женского пола. Каждое нашествие длилось ровно сорок один день, после чего налетчики удалялись, увозя большую часть скота и урожая, а также от одной до двух тысяч юных дев. Которых, само собой, никто и никогда больше не видел.

Подобные набеги, продолжавшиеся несколько тысячелетий, происходили раз в тридцать шесть земных лет. Зная об этом, каждая планета сектора соответствующим образом готовилась. За несколько лет до нашествия начинали копить запасы, часть из которых прятали с тем, чтобы в результате вторжения цивилизация не осталась в тисках голода. В год прибытия тысячи молодых женщин уходили прятаться в леса и пещеры, надеясь, что их минует участь жатвы. Розовоглазые совершенно не возражали против данного обычая. Ими формировались поисковые команды, которые с азартом тратили сорок дней на квесты по лесам и горам в поисках селянок — и были в этом на редкость успешны.

Однако примерно двести лет назад, или уже почти шесть циклов, вторжения в секторе сто восемьдесят четыре прекратились, а герреры более не объявлялись в разведанных частях Галактики. Анакалийские исследователи выдвинули гипотезу о том, что те залегли на дно ввиду заметно увеличившейся активности шайнов. Именно в тот момент высшая раса построила заводы в одиннадцати основных мирах помимо Земли, вскоре после чего сотни звездолетов, оснащенных Т-двигателями, жадно бросились исследовать все вокруг. Как бы то ни было, напоследок герреры оставили человечеству сомнительный подарок в виде черано.

При последнем визите на Джарт, взамен традиционного собранного урожая из юных дев, на планете были высажены несколько тысяч высоких, необыкновенно ловких и физически сильных чужаков. Разбитые на кланы по одному им ведомому признаку, те на десятки лет погрузили планету в период, весьма напоминавший земной Темный век. Крайне агрессивные и жестокие, не заинтересованные в поддержании каких-либо институтов власти, черано просто терроризировали местных жителей, убивая мужчин, насилуя женщин и отбирая все, что им нравилось.

Несмотря на то что герреры не снабдили черано ничем, кроме холодного оружия из диковинных сплавов, а количественно они составляли незначительную часть населения Джарта, община крестьян и ремесленников не смогла оказать чужакам какое-либо сопротивление. Неоднократно собиравшиеся народные дружины вырезались пришлыми под корень, поскольку что с оружием, что без него каждый черано был способен без труда одолеть десяток-другой обывателей.

Конец этому царству террора положили анакалийцы, чей корабль-разведчик набрел на Джарт. Не будучи хорошими воинами, они располагали современными технологиями подавления. Насильственный захват и оккупация населенных миров не допускались Уставом Звездного

сообщества, однако никто не запрещал выгодные сделки. Анакалийцы с удовольствием подписали со старейшинами Джарта договор, по которому обязались избавить планету от власти черано в обмен на эксклюзивные права на разработку всех местных месторождений полезных ископаемых сроком всего лишь на сто лет. Разумеется, с преимущественным правом продления.

Соблюдая договоренности, анакалийцы с применением незатейливых средств вроде парализующего газа за несколько недель отловили и вывезли всех черано на остров, расположенный в центре внутреннего моря. К сожалению, по результатам десятков лет оккупации налетчики приросли женским населением, поэтому надеяться на прерывание их рода не приходилось.

Заниматься ремеслами, скотоводством или земледелием черано упорно не желали, но с удовольствием исполняли роль телохранителей анакалийцев при визитах тех в третьи миры, где нередко становились дополнительным фактором убеждения местных в необходимости дружбы с их хозяевами. Столкнувшись с ними раз, многие планеты запретили высадку черано на свою поверхность. Сотни из них давно отбились от анакалийских миссий и превратились в свободных агентов, промышлявших не только охраной, но и любимым занятием своего рода — убийствами. На Земле визиты черано, мягко говоря, не приветствовались.

Сведения о геррерах, да и полная история сектора сто восемьдесят четыре не попали ни в один из университетских учебников. Анакалийцы поделились ими с остальными одиннадцатью мирами под условием сохранения секретности. Это было мудро — людям вовсе незачем знать о существовании еще одной сверхцивилизации. Тем более столь агрессивной.

Теперь мой мозг полицейского фиксировал достаточно четкую и логичную последовательность событий. Анакалийцы привезли с собой черано в качестве охраны. Те убили Даниэль, а я казнил черано, после чего на Землю прибыли розовоглазые и попытались прикончить меня в ходе какого-то ритуала кинжалом, имеющим сакральное значение для моих жертв. Это имело некий смысл, раз черано являлись порождением цивилизации герреров. Видимо, они полукровки — продукт отношений розовоглазых и похищавшихся теми на протяжении тысяч лет жительниц шести планет. Решившись по тем или иным причинам на самоизоляцию, герреры выкинули своих незаконнорожденных детей на Джарте и предоставили тех самим себе. Логично.

Нелогичным было то, что минимум трое представителей высшей цивилизации не побрезговали потратить время и ресурсы, чтобы долететь до Земли, где, скрытно высадившись на планету, попытались умертвить существо низшей расы. И это все ради чего — мести за каких-нибудь прапраправнуков тех, кого высадили на Джарте двести лет назад? Вообще-то за эти двести лет жители различных планет убили сотни черано, каждый из которых, скорее всего, заслуживал смерти. Но я никогда не слышал, чтобы по души палачей этих мерзавцев кто-то приходил — включая других черано. Логическая цепочка рвалась, недосчитавшись кучи звеньев, и, будучи придавлен грузом информации, которую мой процессор пока не мог полностью переварить, я счел за благо отбыть ко сну.

Глава 4

День в моем обычном кошмаре на сей раз был солнечным, а лица черано выглядели мягче, чем я их помнил, и как-то даже человечней. Отстрелявшись и как всегда успешно поразив все цели, я проснулся в поту, чтобы обнаружить сидящего у кровати давно небритого типа с изрядно подкопченной, но некогда однозначно белой кожей, голубыми глазами под стать моим и суровым благородным лицом а-ля герой вестерна середины двадцатого века. Одет субъект был в зеленую дореформаторскую хлопковую майку с надписью на старом английском «Гавайи 2017» и с виду еще более древние шорты цвета хаки, подпоясанные самодельным кожаным ремнем — не иначе как из аллигатора. На груди блестела серебристая звезда, заключенная в круг. В центре значка красовалась крупная буква «М». В руках у реликта прошлого, тем не менее, покоился вполне современный планшет из гиперпластика.

— О, проснулся, — отвлекшись от чтения планшета, среагировал достопочтенный Маркус Смайт, шериф Мадагаскара, пятидесяти восьми лет от роду. — Я уж думал, тебя ввели в искусственную кому, чтобы не раздражал окружающих.

Я тупо таранился на старого знакомого, спросонья не слишком представляя себе, что сказать. Появление мадагаскарского шерифа за пределами острова само по себе являлось событием если не исключительным, то знаменательным. А вот то, что он знал о произошедшем со мной, в то время когда данной информацией не владело даже мое начальство из СКИП, уже

потрясало воображение. Еще большим шоком стало то, что житель зоны отверженных, пусть и шериф, допущен на территорию АСР.

— Видно, дрон у двери просто не опознал тебя как гомо сапиенс, — наконец предположил я. — Иначе с чего бы ты сидел у моей кровати и пачкал своими лапами больничной пол. Им стоит настроить своих пластиковых дурачков на любые потенциально агрессивные образчики фауны.

Служитель закона самодовольно ухмыльнулся и обозрел свои боты с клеймом какой-то наверняка модной в двадцать первом веке обувной фабрики. Те, против обыкновения, выглядели стерильно чистыми, из чего можно было сделать вывод о том, что прежде, чем попасть в палату, мой гость все же прошел какую-то санобработку.

— Услышал вот, что тебя подрезали, — сразу перешел к делу шериф. — И решил посмотреть на такое диво, как полицейский на больничной койке. У нас, знаешь, все проще: если тебя сбили с ног — ты, считай, труп. Расширяю свой... э-э-э... социальный опыт.

— И где же ты это услышал? — полубопытствовал я. — О, знаю. Заходишь ты, значит, в бар в какой-то мадагаскарской деревне, а там все только и говорят об агенте СКИП, на славу отделанном неизвестными пришельцами в трехстах метрах от главного здания АСР. Или нет — тебя пригласило АСР как независимого эксперта, дабы расследовать этот ужасный инцидент. Хотя о чем это я — ты наверняка просто главный специалист в Галактике по розовоглазым. Слышал о таких?

Как я полагал, мои обещания Нгубо не распространились на тех, кого АСР само пускало ко мне в палату.

— Второе, — спокойно сказал законник. — Сегодня в семь утра я получил дело от командора Вахаднапула. Дело более не находится в ведении Службы внутренней безопасности. Создана специальная оперативная группа под моим руководством, подотчетная непосредственно Дирекции. Агенты АСР в группу не входят.

Я не люблю выглядеть глупо, поэтому порадовался отсутствию в палате каких-либо зеркальных поверхностей. Привлечение мадагаскарского шерифа к расследованию кухни АСР в качестве главы подразделения, состоящего из сторонних лиц, было сложно охарактеризовать даже как беспрецедентное. Это было попросту невероятно. Я видел только одно объяснение, имевшее хоть какой-то смысл, и не замедлил им поделиться:

— Охота на «крота»? Все так плохо, что они своим не доверяют?

Шериф достал из кармана пачку сигарет непонятного века производства, с досадой посмотрел на нее и запихал обратно, вспомнив, что здесь все же больница.

— На крота. Или кротов. Или кротовник. — Маркус беспомощно развел руками, наглядно демонстрируя текущую стадию расследования. — Никто не знает, и это пугает их до чертиков. Вахаднапул выяснил очевидное — о твоём визите в АСР знал очень ограниченный круг лиц. Еще меньше народу могло сориентировать нападавших по времени, когда ты выйдешь на аллею. Торчать под деревьями часами там невозможно — их бы неизбежно заметили. Значит, они появились непосредственно перед атакой. Все слайдеры убрали от входа, чтобы загнать тебя на дорогу к станции. Прочие входы на аллею перекрыли дронами. Камеры отключили, летающих разведчиков перенаправили в другие сектора. Непонятно по чьему приказу, разумеется. Вкупе с убийством Даниэль это смахивает на заговор, причем заговор в недрах АСР. Они и так подозревали, а теперь убедились. Похоже, среди заговорщиков, а тех явно больше одного, есть лица с высшим доступом.

Сказанное звучало весьма пугающе. Некие силы внутри АСР с помощью инопланетников сначала убили одного из собственных агентов, а затем пытались убрать того, кто за нее мстил. Но мое внимание привлекло не это. И как я раньше не догадался. А ведь это многое объясняло и из прошлого, и из настоящего. Идиот.

— Твоя фамилия ведь не Смайт, верно? — устало спросил я. — Маркус Свенсон, я полагаю?

*Сингапурский университет. Факультет политологии, 1-й курс
143-й год Реформации*

Профессор Кейтель был не в духе. Само по себе это не являлось большой неожиданностью — о скверном нраве ученого мужа знал весь университет. Необычной оказалась скорее форма, в которой он решил излить свое недовольство окружающим миром в этот раз. Окинув как всегда полную аудиторию брезгливым взглядом, мэтр политологии воздержался от

типичных для него саркастических замечаний в отношении отстающих, едва скользнул взглядом по любимчикам и, усевшись за преподавательский стол, стал вещать донельзя нудным голосом:

— Тема сегодняшней лекции — устройство современного общества. К чему же пришел мир после второго появления шайнов сто сорок три года назад? Пришельцы построили Завод, который, как считается, помог покончить с экологическим кризисом, и стабилизировал климатическую ситуацию. Благодаря этому мы больше не сталкиваемся с такими природными явлениями, как ураганы, цунами, землетрясения и тому подобное. Планета больше не страдает от засух, наводнений, аномальных холодов либо жары и связанных с ними неурожаев.

Шайны восстановили контроль протектора над командным центром и спутниками. Благодаря этому Шестнадцатый протектор смог... хм, убедить Всемирное правительство, контролировавшее на тот момент не более двадцати процентов территории Земли, начать кампанию по восстановлению законности на всей ее поверхности. В ходе кровопролитной войны были уничтожены наиболее страшные режимы, известные истории человечества, — Африканский Халифат, Империя Чжоу, Королевство Истинных Христиан, а также тысячи мелких тиранов, терроризировавших свои уделы при помощи отрядов убийц.

Желая обеспечить населению подлинную свободу выбора, Всемирное правительство пошло на создание анклавов для тех, кто не желал участвовать в общественной жизни, голосовать и избираться, да и вообще отрицал ценности Реформации. Эти изолированные поселения, известные как Кварталы Радости, существуют в каждом из двухсот двадцати пяти мегаполисов, предоставляя убежище ста миллионам жителей планеты. Еще двадцать миллионов проживают на острове Мадагаскар на руинах существовавшего там огромного производственного центра.

Барон Мадагаскара стал одним из немногих правителей Темного века, сумевших получить контроль над ядерным оружием. Собрав в нескольких городах около пяти миллионов своих подданных, он угрожал уничтожить их в случае попытки вторжения войск Всемирного правительства или черных гвардейцев протектора. В результате длительных переговоров Мадагаскару предоставили особый статус сроком на двести лет, на протяжении которых Всемирное правительство и протектор обязались не вмешиваться в дела острова. Взамен барон сдал ядерные боеголовки и разрешил покинуть свои владения всем желающим.

Возникновение территории, где не действовали законы Реформации и мировые власти, привело к тому, что на Мадагаскар хлынули остатки недобитых в других регионах феодальных армий. Единоличная власть барона постепенно сошла на нет, и сейчас остров представляет собой Темный век в миниатюре, где не желающие покидать его потомки врагов Всемирного правительства, а также добровольные иммигранты наслаждаются царством анархии и торжества права силы. Около девяноста лет назад согласно декрету Сената «О нецелесообразности нахождения в исправительной системе лиц, совершивших тяжкие преступления против личности» на Мадагаскар стали принудительно ссылать тех, кого система признала неспособными или недостойными жить в нашем обществе.

Существует ли на острове какое-то подобие правопорядка? Пожалуй. Несколько сотен добровольцев образуют корпус мадагаскарских шерифов, вершащих правосудие по своему усмотрению для тех, кто не в состоянии добиться его сам. Институт шерифов, как одиночек, желавших восстановить порядок и справедливость, был достаточно широко распространен в Темный век и перетек в его последний анклав.

Шерифы — уважаемы, любимы и ненавидимы на острове. Их власть признают хозяйничающие на Мадагаскаре преступные кланы, поскольку даже бандитам нужны беспристрастные судьи. Рука шерифа тверда, а слово железно. Многие полагают, что после реформационного выхолащивания всякой агрессии из нашего вида они — последние оставшиеся на нашей планете «настоящие мужчины».

Маркус ушел, и мне осталось лишь вновь таращиться в окно или смотреть одно из бредовых телевизионных шоу. Читать и думать вообще не хотелось. Воспоминания сами лезли в голову, заставляя снова и снова чувствовать себя идиотом. С Маркусом меня познакомила Даниэль. Я в то время начинал службу детектива, а шерифу якобы требовалась информация о связях одного из бывших жителей Сингапура, сосланных на Мадагаскар отнюдь не за нанесение граффити на стены. Сама она, согласно легенде, познакомилась с мистером Смайтом на Мадагаскаре. Ну да, само собой, она не могла не провести несколько месяцев в самом опасном месте на Земле.

Представление старого законника сопровождалось вполне уместными для церемонии

фразами о том, что тот ей «о-о-очень помог» в ходе странствий по острову. Ну как я мог не проникнуться симпатией к тому, кто, видимо, неоднократно вырывал даму моего сердца из лап насильников и убийц. Правда, шерифы и без подобных рекомендаций пользовались достаточным авторитетом и симпатией законников по всему миру. Последние из нас, кто действительно противостоял Большому злу, каждый день рискуя жизнью. К тому же многие шерифы были бывшими служаками, перебравшимися на остров то ли из мессианских соображений, то ли из жажды приключений, то ли из склонности к суициду.

Маркус Свенсон, по его словам, как раз относился к этой породе. В возрасте тридцати трех лет успешный старший оперативник АСР разругался с начальством, с остальным семейством профессиональных шпионов и уже четверть века защищал сырых и обиженных в самом страшном месте на Земле. Неугомонная Даниэль, разумеется, не могла не попытаться разгадать тайну исчезновения дяди, качавшего ее на руках в младенчестве. Воссоединение любящих родственников состоялось к их всеобщему удовлетворению, и юная леди повезла дядю посмотреть, как изменился мир за время его отсутствия, а заодно познакомиться со своими друзьями.

Последняя часть рассказа шерифа вызвала у меня живейшие сомнения, поскольку в ходе якобы светского визита Свенсоны как-то забыли упомянуть мне, что являются родней. Кроме того, я до сих пор не понимал, чем же Даниэль занималась на Мадагаскаре почти четыре месяца. Знакомство с дядей явно не требовало столько времени.

Сказанное им проясняло, по крайней мере, текущее назначение Маркуса. Он не был чужаком для АСР и немало знал о местных нравах. С другой стороны, маловероятно, что после двадцатипятилетнего отсутствия он как-то связан с заговорщиками, а гибель родственницы придавала ему дополнительную мотивацию. Шериф не просветил меня, кого собирается взять в команду, намекнув лишь, что ее формирование будет завершено в ближайшие дни.

Конечно, я предложил свою кандидатуру для участия в расследовании, на что мне нудно-официальным тоном разъяснили очевидное — даже весьма гибкие правила АСР не подразумевают, что потерпевший может сам выслеживать своих обидчиков.

— Но ты мне понадобишься, — неожиданно сказал Маркус перед тем, как мы распрощались. — Надо бы навестить одного старого знакомого. Да, думаю, с тобой будет гораздо лучше. Ты ведь уже сможешь ходить через два-три дня?

Мой эскулап действительно обещал, что вскоре я буду самостоятельно передвигаться без костылей, хотя полное восстановление могло занять еще пару недель. Я радостно согласился, ожидая подробностей, но их не последовало. Впрочем, меня уже изрядно утомило сидение в палате, и я был готов к любым предложениям, которые помогли бы ее покинуть.

В дверях старый законник замешкался и, не глядя на меня, негромко произнес:

— Спасибо.

Я знал за что.

Маркус явно серьезно воспринимал секретность. О том, что мы все же куда-то едем, я узнал на третий день после визита шерифа, а вылет состоялся ровно через двадцать минут после того, как его мужественная физиономия возникла в дверном проеме и он коротко скомандовал мне:

— Собирайся.

В палату он пришел один, но мой пластиковый телохранитель сопровождал нас от двери до лифта, а затем и на крышу, где уже ждал подготовленный к полету десантный бот. Я не стал интересоваться, как шериф сумел раздобыть армейское оборудование такого класса. У бота дежурили два двухметровых субъекта, здорово смахивающие на близнецов. Насколько я мог судить, оба являлись выходцами из Полинезии — одного из немногих анклавов, которых не коснулся Темный век. Гражданская одежда плохо скрывала военную выправку, а под куртками топорщились защитные жилеты, судя по толщине — отнюдь не полицейского образца.

— Это Флик и Флак, — коротко представил наших попутчиков Маркус.

Я сильно сомневался, что речь идет о настоящих именах, но не видел повода проявлять излишнее любопытство. Под курткой Флика прятался какой-то стреляющий агрегат, заметно превосходивший размерами стандартное ручное оружие. Брючина на правой лодыжке также предательски задиралась. У Флака под одеждой ничего не выпирало, но в руках он крепко сжимал небольшой чемоданчик. Мне было сложно предположить, что находится внутри — наверное, ракетный комплекс, способный начисто снести стоэтажный небоскреб.

При нашем приближении Флик скользнул в бот, заняв место пилота, в то время как его напарник дождался, пока остальные заберутся внутрь, и только после этого влез сам, задрав за собой люк. Эскорт явно не имел отношения к сыскному делу. Но раз опытный Маркус полагал, что в его команде уместно присутствие ветеранов космодесанта, я не смел спорить. Бот резво стартовал с крыши, сразу взяв курс в открытый океан. Мне подумалось, что старый лис решил познакомить меня с Мадагаскаром, который находился совсем неподалеку.

Однако уже через пятнадцать минут, удалившись от берега на добрых двести километров, Флик совершил резкий разворот, направившись на север. Практически одновременно в иллюминаторе мелькнули четыре тени, намного превосходившие нас в скорости. Обогнув бот по дуге, они расположились сверху, снизу и по бокам, превратившись из неясных силуэтов в черные как смоль МТ74 — новейшие истребители на вооружении Черной гвардии.

— Как я и сказал, — спокойно пояснил Маркус, — нам нужно навестить моего старого знакомого. Думаю, ты слышал о нем. Его зовут Питер Брайсворт.

Знакомое мне имя, редко упоминавшееся в новостях, почти затерялось в глубинах памяти. Но сложить дважды два в данной ситуации не составляло труда никому живущему на этой планете. Мы направлялись на Мальту, чтобы нанести визит Двадцать седьмому протектору Земли.

*Сингапурский университет. Факультет политологии, 1-й курс
143-й год Реформации*

Даниэль в третьем ряду аудитории хихикала с высоченным парнем по имени Джейк, чья семья в свое время владела половиной Северной Америки и не сильно обеднела после Реформации. Папа, дядя, дед и еще несколько десятков родственников и предков Джейка стали сенаторами, и причина его поступления на факультет политологии была достаточно очевидна. Я сидел в паре рядов за их спинами и старался не обращать внимания. Страшно хотелось спать, а я совершенно не подготовился к лекции.

Ночью начальство объявило внезапный рейд в Кварталы Радости, где затерялась очередная дочка какого-то мэра. «Какой-то мэр» позвонил нашему, и через час двести полицейских, чья смена, по идее, уже закончилась, обрушились на полсотни самых злых притонов, где обычно зависали чада богатых родителей. Через шесть часов зачистку пришлось свернуть, притоны продолжили радовать отбросы общества, девушку не нашли.

Еще через час стало известно, что все это время она провела, убажывая пятидесятилетнего приятеля своего отца — влиятельного бизнесмена. Причем даже не в Сингапуре, где сигнал чудодочки запеленговали последний раз, а на Лангкави. Бывает. Наверное, эта история стоила «какому-то мэру» бутылки дорогого скотча нашему градоначальнику и неприятного, но взаимовыгодного разговора с приятелем, с готовностью согласившимся финансировать следующую выборную кампанию шокированного папаша.

Для проведения рейда мне пришлось принять стимулятор, а повторное принятие в течение суток запрещалось правилами полицейского управления. Я с отвращением отпил очередной глоток не слишком мною любимого, а главное, бесполезного эрзац-кофе и попытался погрузиться в учебу.

Профессор истории Фан Бао по прозвищу Мистер Очевидность был молод и явным образом крайне переживал за свою академическую карьеру. По этой причине все его лекции представляли собой пересказ неопровержимых и общеизвестных фактов. И, разумеется, были невообразимо скучны.

— Итак, сегодня мы поговорим о протекторате, — бубнил преподаватель. — И о том, как сформировалось современное мироустройство. На прошлой лекции мы обсудили, как выглядел мир до момента пришествия шайнов. Нам неизвестно, какие варианты те рассматривали, когда решили вмешаться в земные дела. Однако из примеров других миров мы знаем, что они никогда не использовали методы вроде оккупации или диктата местным властям. Они вообще избегали прямого взаимодействия с правительствами и населением.

Вместо этого на Земле, а также в некоторых других мирах был представлен институт протектората. Многие ошибочно полагают, что само название «протекторат» указывает на установление отношений подчиненности либо зависимости. Это мнение неправильно хотя бы потому, что шайны не несут никакой ответственности за данный термин. Его создание приписывают Первому протектору. С тем же успехом тот мог объявить Землю империей, а себя — императором.

Профессор неуверенно улыбнулся, но аудитория поощрительно захихикала, радуясь хоть какому-то разнообразию в подаче материала.

— Итак, — ученый вновь блеснул любимым словом, — из истории других миров, в частности Ганьши, Серебрии и Валминда, мы знаем, что вмешательство, известное нам как протекторат, приобретало различные формы и имело различные названия. На Ганьши протектор именовал себя Защитник сущего, на Серебрии — гм, Повелитель царей, на Валминде — Слуга всех. Очевидно, большое значение имели местные культурологические особенности, а также... э-э-э... личности «протекторов».

Протектор получал от шайнов неуязвимый передвижной командный центр, из которого мог осуществлять управление системой из сотен спутников, расположенных на орбите планеты. Спутники, также неуязвимые для технологий местных жителей, были способны осуществлять уничтожение космических тел вроде метеоритов, испепеление с высокой точностью объектов на поверхности планеты, перехват и подавление любых радиочастот, информационных сетей и каналов, наблюдение за отдельными индивидуумами, высокоточное прогнозирование стихийных бедствий, а как полагают некоторые, и их провоцирование.

— Итак, обладая подобными ресурсами, — продолжил профессор, слегка прокашлявшись, — протектор имел возможность диктовать свою волю правительствам и корпорациям. На Земле введение протектората обернулось сначала открытым, а затем тайным конфликтом. Назначенный шайнами Первый протектор объявил о создании Всемирного правительства и Сената, призванных обеспечить выход из тотального экологического и социально-экономического кризиса на основе выборности людей, пользовавшихся реальным авторитетом среди населения. На это последовала попытка ведения информационной войны, а затем и физического уничтожения протектора земным истеблишментом. Однако попытки ликвидировать шайнские спутники, а также командный центр обернулись провалом.

Борьба с существующим порядком принесла протектору поддержку большинства ущемленных слоев населения. В ходе двадцатилетнего существования Первого протектората был завершен процесс политической консолидации Земли на базе Всемирного правительства и Сената, проведена унификация законодательства практически во всех сферах, введена единая валюта — юн. Представлены экологические и социальные стандарты, которые помогли предотвратить окончательную катастрофу. Мировой экономический потенциал распределили таким образом, чтобы обеспечить выживание цивилизации.

Тем не менее земные элиты не смирились с поражением, и в ходе празднования двадцатилетия учреждения своего поста Первый протектор был убит. Пытаясь воспрепятствовать установлению старых порядков, Сенат избрал Второго протектора. Данный пост, впрочем, более не сопровождался доступом в командный центр, заблокировавшийся после смерти своего владельца. Не имея доступа к наиболее совершенным инструментам сбора и контроля информации, а также карательным функциям спутников, Второй и последующие протекторы не смогли воспрепятствовать возвращению власти в руки корпораций. Последние не стали разрушать структуры, созданные протекторатом, а предпочли захватить контроль над ними.

Фактически, за них были решены многие задачи, над которыми корпорации бились десятки лет, — создание централизованного правительства, карательного и пропагандистского аппаратов. Четыре наиболее могущественных финансовых клана сформировали четыре партии, предоставляя избирателям решать, кто из них получит относительное большинство в Сенате на следующие три года. Результаты любых выборов, надо сказать, никоим образом не влияли на проводимую политику — менялась лишь доля пирога для тех корпораций, которые получали дополнительную политическую власть.

Со временем, по мере укрепления существующей системы и вымирания тех, кто помнил значение институтов демократии, вводились цензы для избирателей, а также ограничения прочих гражданских прав, включая права на неприкосновенность личности, жилища, свободу слова и собраний, судебную защиту.

По рядам студентов пронесся легкий ропот, и профессор испуганно взглянул на часы:

- О... у нас есть еще семь минут. Что вы говорите? Вечеринка на факультете юриспруденции? Да-да, я понимаю, как это важно. Что ж, продолжим в другой раз.

Глава 5

В двадцать первом веке Мальта, безусловно, не была самым прекрасным местом на земле.

Бывшее прибежище пиратов и крестоносцев, не слишком избалованное растительностью, с обшарпанным наследием прошлых столетий, очень сильно пострадало от экономического кризиса, заставившего значительную часть жителей покинуть остров. По этой ли причине или в силу удачного географического расположения, позволявшего контролировать и Европу, и беспокойные север Африки с Ближним Востоком, Первый протектор избрал ее резиденцией.

Последующие десятилетия остров пережил строительный бум. Почти половина территории, отданная поселению, названному Хоуптаун, разительно отличалась от современных мегаполисов. Стилизованный частично под Средневековье, частично под монументализм империй двадцатого века, город не имел строений выше пятидесяти метров, за исключением возвышавшегося в центре огромного дворца, являвшегося резиденцией протектора и блиставшего на солнце десятками башен различных размеров.

Побережье ошетинилось сотнями защитных дотов, возведенных в период захвата мировой власти корпорациями. Я с удивлением отметил, что мелькнувший под нами пояс морских заграждений, расположенный в пяти километрах от берега, поддерживался в рабочем состоянии. Буи искрились предупредительными надписями, а вдоль уходящей на глубину сетки деловито сновали боевые дроны.

Сразу после пересечения морской границы бот резко замедлился. Эскорт из истребителей испарился, сочтя, что теперь мы под надежной защитой береговых батарей. Повинуясь указаниям диспетчера, Флик осторожно повел аппарат по направлению к Хоуптауну. Наш пилот продолжал маневрировать на минимальной скорости, и стало ясно, что мы намерены сесть непосредственно во дворец. На этой стадии я уже перестал чему-либо удивляться, и возникновение прямо по курсу Лазурной башни воспринял как должное. Башня не была самой высокой в дворцовом комплексе, но с момента его сооружения служила жилищем хозяину острова.

Бот мягко приземлился на площадку, составив компанию десятку аппаратов с символикой самого протектора и различных подчиненных ему служб, включая скрещенные на фоне земного шара мечи Черной гвардии. На месте нас встречала пара десятков гвардейцев, рассредоточившихся по периметру в полной боевой выкладке. Не похоже на почетный караул — скорее, меры крайней предосторожности, заставляющие задуматься о том, почему же я и мои спутники не можем чувствовать себя в безопасности в одном из наиболее защищенных анклавов Земли. Впрочем, таковым считался и Спейстаун, где меня недавно чуть не зарезали.

Я не слишком изящно выбрался из бота вслед за Маркусом, наши телохранители остались внутри. Комитет по встрече состоял из офицера гвардии, пары громил в одинаковых серых брюках и куртках, представлявших собой часть личной охраны протектора, и умопомрачительно красивой девушки, чей статус я определить затруднился. Высокая, стройная, белокожая, рыжеволосая и зеленоглазая, в длинном красном платье, она разительно контрастировала со своими спутниками в унылых униформах.

Окинув нас быстрым взглядом, который я охарактеризовал бы как сочувственно-недоуменный, молодая леди представилась Лианой, личным помощником протектора, и пригласила нас следовать за ней. Мне подумалось, что знай я о характере встречи и встречающих, пожалуй, не стал бы отказываться неделю кряду от услуг робота-брадобрея. Лицо Маркуса также украшала традиционная щетина. Более того, ради встречи с одним из самых могущественных людей планеты он не счел необходимым отказаться от обычных шорт и застиранного поло.

Девушка вошла в башню, мы следом, охранники в сером пристроились замыкающими. Гвардейцы остались сторожить то ли наш бот, то ли его обитателей, за что я никак не мог их винить. Сложенная из нарочито грубого темного камня, внутри башня оказалась вполне современным сооружением, где всем правила безопасность. На пути до пункта назначения нам пришлось преодолеть десяток тяжелых бронированных дверей, за каждой из которых ждала пара близнецов в сером, с руками в районе кобуры на поясе.

То, что наши сопровождающие были им хорошо известны, не избавляло ни их, ни нас от подозрительных взглядов и ДНК-сканирований. Наконец мы попали в просторную светлую комнату, где нас приветствовала ослепительной улыбкой кареглазая шатенка, фигурой не уступающая рыжеволосой провожатой.

— Они пришли, — доложила она кому-то, и тяжелая дверь за ее спиной, искусно украшенная резным гербом протектора, практически сразу распахнулась.

Мы вошли в небольшую комнату, на сей раз без окон, где за столиком одиноко сидела красивая блондинка, уже всерьез заставляющая задуматься о критериях, которыми руководствуется хозяин дворца при подборе персонала. Стражи в сером за нами не последовали,

оставив во власти белокурой и рыжеволосой богинь. Лиана решительно подошла к двустворчатой двери и громко постучала.

— Ага, пусть заходят, — откликнулся мужской голос, и зеленоглазая нимфа распахнула дверь, пропуская нас внутрь.

Кабинет размером около сорока квадратных метров не потрясал воображение. Массивный стол из красного дерева в центре комнаты живо напомнил мне похожий предмет обстановки, который я не столь давно наблюдал на допросе в АСР. Перед ним стояла пара удобных с виду кресел. За спиной владельца стола, слегка прикрытое старомодными портьерами, расположилось панорамное окно, а за ним — огромный балкон с несколькими лежанками, деревцами в кадках и неплохим видом куда-то в сторону Гибралтара.

Хозяин кабинета не поднялся при нашем приближении, более того, не изменил позы — он сидел, закинув ноги на стол, — и не стал отвлекаться от чтения планшета в руках. На ногах стража планеты гордо красовались пушистые домашние тапочки, вполне сочетавшиеся с нежно-голубыми пижамными штанами и фирменной футболкой Черной гвардии, почему-то белого цвета.

Питер Брайсворт, Двадцать седьмой протектор Земли, наконец раздраженно ткнул пальцем в планшет, видимо отдав какой-то не слишком нравящийся ему самому приказ, и приглашающе махнул нам рукой, предлагая занять кресла. Я заметил, что политик достаточно молод, немногим старше пятидесяти, голубоглаз, загорел, подтянут, и вообще хорош собой, как и подобает лицу, сумевшему получить хоть и пожизненный, но выборный пост. Возможно, я уделил бы ему больше внимания, если бы не второй присутствовавший в кабинете, молча стоявший у окна за спиной протектора. Двухметровый блондин с фигурой атлета, холодными серыми глазами и длинными серебристыми волосами, облаченный в нечто вроде тяжелой тоги грязно-серого оттенка, пожалуй, вызвал бы к себе интерес в любой точке планеты. Особенно если знать, что планета — не его собственная. Насколько я мог судить, перед нами стоял чистокровный шайн.

Не знаю, какие эмоции отразились на моем лице. Обычно я неплохо скрываю свои чувства, поэтому надеялся, что держался на высоте. Маркус не проявил какого-либо видимого удивления, из чего можно было сделать вывод о том, что либо он знал заранее о составе участников встречи, либо с ним не стоит садиться играть в мадагаскарский покер. Занятые нами кресла, как и ожидалось, оказались куда комфортней того, на котором прошла моя предыдущая судьбоносная беседа в АСР. Протектор окинул меня вполне дружелюбным взглядом, однако, заговорив, обратился не ко мне, а к моему спутнику:

— Ты уверен, что это он?

— Совершенно, — буркнул Маркус. — И не говори, что уже не посмотрел запись со спутника.

— Три раза, — охотно признался его собеседник. — Но это лишь несколько секунд из жизни гомо сапиенс, которые могут иметь различное объяснение.

Было непохоже, что шайн собирается принимать участие в беседе, а два разговаривающих человека, казалось, сознательно игнорируют его присутствие. Пришелец, тем не менее, нашел себе занятие по душе, уставившись на меня тяжелым гипнотизирующим взглядом. Хотя эта игра в гляделки пока длилась всего несколько секунд, мне почему-то очень захотелось доходчиво объяснить инопланетному гостю, что в земной культуре пялиться на кого-то — весьма невежливо.

— Говорю тебе, — продолжал диалог с протектором Маркус, — за ним следили много лет. Можно точно сказать...

Разговор приобретал крайне интригующий для меня оборот, но мне не удалось услышать, о чем же «точно» собирался сказать шериф, поскольку в этот момент шайн открыл рот и, обращаясь ко мне на странно знакомом певуче-шипящем языке, мгновенно вызвавшем в моем сознании мощную волну ассоциаций и воспоминаний, скомандовал:

— На колени... быстро, преклони колени!

Мой спутник прервался на полуслове и недовольно посмотрел на чужака.

Протектор также раздраженно обернулся и, не ограничиваясь взглядом, сварливо поинтересовался:

— Ну и что это ты делаешь? Мы же договорились, разве нет?

В этот момент я осознал, что, хотя понимаю речь шайна, обращался он ко мне не на новоингле, и смысл его слов остался неясен для двух других людей, находившихся в комнате. Не обращая внимания на хозяина кабинета, шайн продолжал шипеть:

— На колени! Встать на колени!

Протектор не выглядел удивленным этим шоу, поэтому просто повернулся ко мне и поинтересовался:

— Ну и чего он хочет?

— Хочет, чтобы я встал на колени, — не стал запирается я.

— Вот мерзавец, — неожиданно спокойно отреагировал политик. — Первый протектор писал, что они пытались проделывать с ним эти штуки. А с Шестнадцатым и проделывали, пока тот не перестал встречаться с ними наедине.

Есть ситуации, в которых наиболее благоразумным выходом является молчание. Поскольку я утратил какое-либо представление о том, что происходит, то решил проявить благоразумие и лишь глуповато-нейтрально улыбнулся.

— Не встает, — на сей раз на новоингле и без какого-либо акцента констатировал пришелец. — Понимает, но не встает.

— Спасибо, мы уже поняли, — язвительно включился в беседу Маркус. — Ну что, достаточно убедительно?

Протектор пожал плечами, хотя у меня не сложилось впечатления, что он в чем-то убежден.

— Допустим, что ты прав. И какие нам из этого сделать выводы?

— Устранить, — меланхолично предложил шайн. — Можно сейчас. Я могу.

Мне начинало казаться, что я нахожусь не в кругу друзей. Резко встав, я отпихнул кресло к углу стола так, чтобы оно частично блокировало ближайший выход из-за него. Теперь, чтобы добраться до меня, чужаку потребовалось бы перепрыгнуть стол и пространство за ним, то есть добрых три метра. Оружия при нем я не видел и почему-то не сомневался, что он предпочтет сделать работу голыми руками. Маркус сдал свой пистолет на входе. У протектора, возможно, имелось что-то стреляющее в ящиках стола, но людей я не слишком опасался.

Брайсворт никак не отреагировал на мои телодвижения. Сейчас его интересовал лишь диалог с шайном, и речь шла о каких-то разногласиях, не ограничивающихся сегодняшним днем.

— А ты вообще знаешь какие-нибудь другие способы решения вопросов? — агрессивно поинтересовался протектор у того, кто наделил его властью. — Может, хватит превращать любое обсуждение в кровавую баню?

— Никто никого устранять не будет, — спокойно вмешался в разговор Маркус. — Я его привел, он уйдет со мной.

Несмотря на благие намерения обоих землян, у меня не было уверенности в том, что, когда пришелец начнет действовать, они смогут оказать мне хоть какую-то помощь. Шайн, однако, не двинулся с места, задумчиво разглядывая меня, как профессор энтомологии, наверное, смотрит на слегка необычного с виду таракана, гадая, обнаружил ли он новый вид или просто дефектную особь.

Убедившись, что слова гиганта не повлекут немедленного начала боевых действий, протектор вдруг решил перейти к представлениям:

— Господа, это Тим, один из безумных эльфов, с которыми я вынужден общаться. Почему Тим? Ну, так назвал его Первый, нужно же было к нему как-то обращаться. Своих имен они не сообщают. Очевидно, это ниже их достоинства.

Пара десятков тысяч историков и политологов отдала бы правую руку, чтобы услышать эти несколько фраз. У меня же разговоры об инопланетниках и насилии почему-то вызвали полузабытые воспоминания.

*Сингапурский университет. Факультет политологии, 1-й курс
143-й год Реформации*

Профессор ксеносоциологии Шиив Ксаанатр был ганьшийцем, что привлекало к его лекциям массу студентов, в том числе и с негуманитарных факультетов. В университете он оказался единственным преподавателем-инопланетником, специализирующимся не на естественных науках, и одним из десятка тех, кому позволялось работать в земных учебных заведениях. Вводная лекция не обещала быть чрезмерно интересной, но все знали, как важно проявить себя на первом занятии, чтобы попасть в элитную группу тех, кто будет заниматься с ученым до конца семестра.

Выглядело светило практически как любой другой профессор с местными корнями. Нарочито поношенный пиджак с неподдающимся описанию орнаментом, серые брюки свободного

покроя, даже старомодный кожаный портфель на застёжке. Среднего по земным меркам роста, среднего телосложения, с темными волосами. Две руки, две ноги, и определенно по пять пальцев на каждой. Наверное, чтобы доказать это, профессор носил открытые сандалии. Отличали мэтра Ксаанатра лишь глаза — пожалуй, слишком большие для землянина столь невзрачной внешности, а главное, пронзительно-бирюзовые до такой степени, что становилось понятно — подобного эффекта не достичь никакими линзами.

На новоингле профессор говорил мягким негромким голосом, с едва заметным акцентом, почему-то напоминающим тот, с которым общались жители протектората.

— Меня зовут профессор Шиив Ксаанатр. — Ученый едва заметно улыбнулся. — Впрочем, это вы знаете, поскольку иначе не пришли бы сюда, да еще и в таком количестве. Вы те, кто хочет знать о том, что находится за пределами вашего мира. Более ста лет назад перед вами открыли врата во Вселенную, и земляне хлынули в них как бурный поток. Но Вселенная была заселена и до вас. Сотни цивилизаций возникли и развились без вашего влияния. Многие из них получили доступ к технологиям шайнов и смогли перемещаться в космосе задолго до вашей Реформации.

Но вы единственные, кому шайны построили ковчеги. Вы единственные, кто стал агрессивно колонизировать миры, находящиеся в других концах Галактики. Более шестидесяти планет в настоящее время заняты выходцами с Земли. Анакалийцы, вторая по распространенности раса, оккупировала лишь десяток планетных систем, причем все они расположены в их секторе Галактики. А ведь анакалийцы вышли в космос более чем на пятьдесят лет раньше землян.

Напористость жителей вашей планеты, то место, которое она заняла в звездном сообществе, вызывают у вас ощущение собственной исключительности. За ним возникает чувство превосходства по отношению к остальным мирам, а за этим чувством — неуважение к чужим культурам и традициям, жажда дальнейших захватов, доминирования в среде развитых цивилизаций и навязывания им своих взглядов и интересов.

Аудитория смущенно, но недовольно загудела, несколько человек направились к выходу. Профессор взмахнул рукой, восстанавливая порядок:

— Я ученый, и моя работа состоит не в том, чтобы клеймить кого-то, навешивать ярлыки или сеять рознь. Ваш уважаемый деканат пригласил меня для того, чтобы я представил вам другую картину. Не ту, которую вы получаете из книг земных авторов, и не ту, которую видите каждый день в репортажах «Всемирных новостей».

Я постараюсь рассказать вам о том, что и как думают и чувствуют жители иных миров. Большинство из вас никогда не покинет Землю и никогда не ступит на поверхность иной планеты. Многие из вас впервые видят живого инопланетника и, вполне возможно, никогда больше не столкнутся ни с одним из тех нескольких тысяч, кому дозволено проживать вне Особого района. Я здесь не для того, чтобы объяснить вам, что есть истина. Я здесь для того, чтобы представить разные точки зрения и выслушать вашу. Кто расскажет нам о конфликтах между различными мирами?

Важный с виду юноша индийского происхождения первым поднял руку и получил слово.

— Устав Звездного сообщества запрещает вооруженные конфликты между его членами, а также применение силы в отношении иных планет. Поскольку все двенадцать основных миров пользуются технологиями шайнов и имеют предоставленные теми планетарные системы безопасности, их захваты в принципе невозможны. Остальные миры не имеют ресурсов, достаточных для нападения и насильственной колонизации других планет. Кроме того, возможности звездных войн ограничены небольшим количеством кораблей, использующим Т-технологию, и их ценностью для владельцев. Дополнительным сдерживающим фактором служит необходимость физического восстановления человеческого организма в течение как минимум трех месяцев после Т-прыжка. Это означает, что посланные в военных целях корабли, их экипажи и десант должны будут находиться у объекта нападения не менее трех месяцев в автономном режиме, что также крайне затруднит успешную оккупацию.

— С какого вы факультета, молодой человек? — поинтересовался лектор под смехи аудитории. — Вижу, тема насилия вас весьма занимает.

— Моя фамилия Винтишьяку, я кадет Академии обороны, — гордо отрапортовал тот.

Хм, я совсем и забыл, что при университете недавно открылось отделение академии.

— А-а-а, — пробормотал профессор, чья планета вовсе не имела армии, — будущий военный. Теперь мы знаем, что занимает умы многих молодых землян. Хочешь мира — готовься к войне? Или хочешь войны — готовься к ней? Постараемся узнать это после перерыва.

Напряжение вокруг стола несколько спало, но делать меня частью обсуждения никто не собирался. Три персонажа в центре комнаты говорили каждый о своем, и ни один из них не был тем, кем казался.

— Мы не должны сейчас говорить о нем, — призывал протектор, явно имея в виду мою скромную особу. — Это не важно. Важно найти Книгу. Нужно отыскать их всех и взять ситуацию под контроль.

— Книга не важна, — отозвался шайн. — Мы знаем, что в ней. Мы должны решить, что делать с ним. Вы не понимаете.

— Это вы так говорите, — присоединился к дискуссии Маркус. — А мы хотим видеть Книгу. Это требование Совета. В любом случае нельзя, чтобы она попала в чьи-то руки или оказалась обнародована. Что, если они смогут находить друг друга, как когда-то?

— Я согласен, — поддержал шерифа Брайсворт. — Это недопустимо. Те, другие, наверняка уже ищут ее и ни перед чем не остановятся. Надо их опередить, они же вызвали Разрушителей. Что будет в следующий раз?

— Они не угроза. — Похоже, у шайна были проблемы с мультизадачностью, и сейчас его интересовал лишь один вопрос. — И те, другие, — не угроза. Вот он — угроза. Мы знаем. И Разрушители знают. Вы — не понимаете.

— Еще какая угроза, — раздраженно парировал Маркус. — Может, вы и позабыли, сколько миллиардов людей они уничтожили, а мы помним. Вы их породили. Мы их загнали в норы. Мы выиграли — вы проиграли. Вот и не мешайтесь сейчас.

У меня начинало складываться ощущение, что десять лет школы, пять лет Полицейской академии и три года университета не пошли мне на пользу. Я полагал, что неплохо знаком с историей своей планеты, но понятия не имел, кто такие «они», или «другие». А ведь, по мнению присутствующих, именно эти неприятные люди вызвали по мою душу розовоглазых, пафосно окрещенных в этой комнате Разрушителями.

Другой аспект дискуссии был мне куда ближе. Я мог помочь им сложить пазл. Не сказать «кто», но дать им понять «почему». Стоило ли делиться своими догадками со столь странным собранием? Она этого не хотела. Она не обратилась к Маркусу, хотя могла. Тогда я не придавал этому значения, поскольку не знал об их родственной связи. Как и о том, что помимо шерифства дядя Даниэль имеет и подработку в некоем Совете, решающем вопросы в масштабах куда крупнее Мадагаскара.

Мне было ясно лишь одно — двое из присутствующих не желают мне зла и имеют ресурсы, достаточные для того, чтобы начать искать ответы. Я мог присоединиться к битве на их стороне или тихо сидеть в своей камерке в Опенгейте, ожидая то ли когда все разрешится, то ли следующий отряд убийц, и полностью утратить контроль над развитием ситуации. Моя роль одинокого мстителя окончена.

— Я знаю, где Книга, — наконец промямлил я.

Глава 6

Сингапурский университет. Факультет политологии, 1-й курс 143-й год Реформации

Даниэль пихнула меня локтем в бок.

— Ай, — сказал я и проснулся под хохот аудитории.

— Добро пожаловать в наш мир, Эрик. — Профессор Кейтель, конечно, не мог удержаться. Хорошо, что он хотя бы помнил меня по имени — пусть лишь как соседа своей любимой студентки: — Не хотите ли продолжить?

— Э-э-э... — воспроизвел я любимое вступление любого ученика профессора, застигнутого врасплох на лекции, и умоляюще посмотрел на Даниэль. Та под столом быстро накарябала «14» на своем планшете. — Восстание Четырнадцати.

— Невероятно, — восхитился ученый. — Он знает тему лекции.

Аудитория загукала, радуясь, что жертва на сегодня выбрана и это не кто-то из них.

— Почему бы вам не продолжить — а мы послушаем? Начиная с причин восстания.

— Да, конечно. — Накануне во время рейда в Кварталах Радости мне в жилет попали две пули из старой «беретты», что на ближайшие несколько дней делало меня героем полицейского

управления Сингапура, и я был не в настроении пасовать перед каким-то бумажным червем. — Апогеем существования корпоративной власти считается создание сотен производственных центров, по сути представлявших собой концентрационные лагеря с населением в несколько десятков миллионов человек каждый.

Люди в них не имели каких-либо прав, помимо крыши над головой и питания на уровне прожиточного минимума. Работали они по двенадцать — четырнадцать часов в день, с одним выходным в месяц. В производственных центрах находились под запретом любые книги, религиозные обряды, собрания и митинги. Школьная программа ограничивалась обучением чтению, письму, а также знакомством с естественными науками в объемах, достаточных для неквалифицированного труда.

Допускались исключительно браки, носящие межрасовый характер. Лица различных национальностей перемещались между регионами в целях создания этнически нейтрального индивидуума, не имеющего привязки к какой-либо территории либо истории, не владеющего языками, помимо новоингла, неспособного проследить свой род хотя бы до второго колена. Дети в младенчестве изымались из семей и передавались под опеку администрации центров. Поощрялись отношения между лицами одного и того же пола, что ограничивало рождаемость. После ста лет подобной практики появилась, по сути, новая этническая, или, вернее, внеэтническая общность — варамайи.

Аудитория возмущенно загудела, но профессор, окинув всех твердым взглядом, хлопнул ладонью по столу, и ропот утих.

— Да, после Реформации данный термин выведен из официального оборота и считается непристойным на бытовом уровне. — Кейтель с удовольствием вклинился, поскольку обожал все противоречащее официозу. — Но мы здесь изучаем науки, и нам не должно быть дела до политеса. Все, кого коробит правда, могут поискать счастья на факультетах журналистики или изящной словесности. Жители производственных центров составляли до сорока процентов населения Земли. И хотя большинство из них погибли в ходе Восстания Четырнадцати, варамайи до сих пор живут среди нас. Да, они в основном населяют Кварталы Радости и Мадагаскар. Напоминаю, что три-четыре процента наших сограждан имеют предков среди данной группы.

Этнически безупречный англосакс Джейк, чьи предки минимум десяток поколений не обременяли себя физическим трудом, приобнял Даниэль и что-то горячо зашептал ей на ухо. Та беззвучно захихикала, но не отодвинулась. Я с трудом держал глаза открытыми.

В моем мире «варамайи» было обыденным словечком. Некогда люди полагали, что метисы — красивые и смысленные особи. Ну что ж, как показал «прогресс» цивилизации, коктейль из белых, черных, китайцев, индусов, арабов и прочих национальностей, целенаправленно выведенный для рабского труда, не стал подарком нашему миру. Упрямые, туповатые, лживые и подлые, а часто и жестокие обитатели Кварталов Радости постоянно доставали полицейских.

Я старался не смотреть в сторону сидевшей рядом Акун До, тяжело дышавшей последние несколько минут. Акун, насколько я мог судить, была чистокровной варамайи. Если этот термин вообще применим к их роду. Поступление одной из них в университет являлось редкостью — обычно они не стремились к получению высшего образования. Что она делала здесь, на факультете политологии?

— Продолжайте, Эрик, — милостиво разрешил профессор, восстановив порядок.

— Создание производственных центров вызвало большое недовольство среди населения. — Особого выбора у меня не было, и пришлось снова собраться мыслями. — Исходно предполагалось, что они будут заселяться преступниками. Но на протяжении десятилетий практика отбора развивалась, и на жительство в центр стали отправлять любых инакомыслящих.

Через сто лет после убийства Первого протектора Сенат, в то время контролировавшийся кланом Чжоу, принял «Акт о стабильности и процветании земной цивилизации». Данный закон официально отменял большинство и до того фактически не действовавших гражданских прав не только в производственных центрах, но и на всей планете. Полиции и специальным службам предоставлялись полномочия по внесудебному преследованию несогласных с режимом и применению в их отношении силы по своему усмотрению.

Акт был призван поддержать продвижение секретного плана, названного «Полный круг». Основной идеологией данной реформы стало возрождение кастово-сословного общества, где этнически и социально обособленная верхушка правила бы монокультурной массой, а именно варамайи. Планировалось создание еще большего количества производственных центров, а

впоследствии — переводение в этот статус всех мегаполисов. Масса варамайи должна была со временем достигнуть девяноста процентов населения, сфокусированных на обслуживании остальных десяти процентов, в которые входили руководство корпораций, подчиненный им бюрократический аппарат, верхушка научно-инженерного сообщества и командование полиции и сил безопасности.

— Ладно, ладно, — одобрительно зафыркал профессор. — Не отнимайте мой хлеб, о подготовленный вы наш. Разберемся, что же произошло дальше. Как единодушно полагают современные историки, именно принятие Акта нарушило существование многолетнего статус-кво, где протектор фактически устранился от участия в земных делах, а население безмолствовало, ибо страх ссылки в гетто был слишком велик.

Хотя содержание плана «Полный круг» засекретили, ввиду его масштабности доступ к частям документа имели десятки тысяч служащих корпораций, вовлеченных в реализацию проекта. Пусть эти люди и могли рассчитывать на то, чтобы войти в заветные десять процентов новой элиты общества, некоторые из них сочли предложенную концепцию слишком радикальной. Другие подумали о том, что их личные риски в новом мире сильно возрастут, ведь они или их дети рискуют жить в постоянном страхе перед теми, кто находится на верхушке пищевой цепи и чья власть теперь вообще ничем не ограничена. В пределах года возникло то, что мы знаем как Комитет Четырнадцати.

— Итак, вот вы, — профессор неожиданно ткнул пальцем в Акун До, как обычно на его лекциях прятавшуюся за спинами однокурсников. — Почему Комитет Четырнадцати известен как одна из величайших загадок истории?

Выбор профессора не показался мне странным. Любая варамайи, проявляющая интерес к социальным наукам, неизбежно являлась специалисткой по Восстанию.

— Для этого существовало много причин. — Голос Акун звучал уверенно, в отличие от ее обычной реакции на вопросы Кейтеля. — Во-первых, до сих пор неизвестны личности шести из четырнадцати членов комитета. Во-вторых, совершенно непонятно, где и каким образом эти люди могли встретиться и объединиться для организации восстания во всемирном масштабе. Известные члены комитета проживали в разных городах, занимали разное социальное положение, работали в различных сферах. Нет никаких обоснованных гипотез о том, где и как состоялось их знакомство, тем более в условиях тотального контроля коммуникаций. В-третьих, непонятно, каким образом они привлекли на свою сторону целый ряд элитных полицейских подразделений. Наконец, никто не знает, откуда о начале переворота узнали в производственных центрах и почему восстание поддержали варамайи.

Есть мнение, что именно их действия привели к расколу элит. Варамайи считались абсолютно контролируемой массой безликих существ, не имеющих какой-либо идеологии и устремлений, помимо выживания. Их восстание означало крах плана «Полный круг», поскольку стало ясно, что он неспособен обеспечить стабильность системы, что являлось основным аргументом для его продвижения.

— Достаточно, — махнул рукой профессор. — Мы неплохо поработали сегодня. А теперь все вон — у меня через пять минут покер с деканом химического факультета.

Вопреки ожиданиям, мое заявление не вызвало эффекта разорвавшейся бомбы. Возможно, участники встречи и надеялись на подобный результат.

— Значит, она все же знала, — первым отреагировал Маркус и разом осунулся.

— Знала, но не сказала тебе. — Вряд ли шайн хотел съязвить, просто констатировал факт. — Я думал, родственные связи среди людей много значат. Она должна была сказать тебе. Почему не сказала?

— Она не входила в ложу, — огрызнулся Маркус. — Но могла узнать достаточно, чтобы понять — в этой игре нет праведников. Наверное, хотела добыть Книгу сама. А что она собиралась делать после этого — понятия не имею. Зная ее, думаю, что решила бы после прочтения.

— Она не смогла бы прочитать Книгу, — просветил присутствующих инопланетник. — Зачем ей Книга, которую нельзя прочитать?

Протектор окинул «Тима» очередным неприязненным взглядом и с издевкой предложил:

— А ты догадайся.

— Это очевидно, — устало сказал шериф. — Она знала не только о Книге, но и о нем. Он должен был выкрасть Книгу для нее. А потом прочитать. Он мог сделать и то и другое.

— Что-то она вообще очень много знала. — На сей раз Брайсворт напустился на своего приятеля-землянина. — И откуда она, интересно, почерпнула все эти сведения? И если от тебя, а других вариантов я что-то не вижу, — то кто это санкционировал?

— Хочу тебе напомнить, — терпеливо парировал законник, — что с ним она познакомилась за много лет до меня. Или ты полагаешь совпадением, что они вдруг оказались в одной группе на одном факультете одного университета? Она могла поступить в любое заведение, с ее-то школьными баллами и семейными связями. И как, по-твоему, они стали закадычными друзьями? Ты на него посмотри — похоже, чтобы он вообще был способен заинтересовать такую, как Даниэль?

Мне сильно захотелось съездить заботливому дядюшке по лицу, но я, разумеется, сдержался, решив попридержать свои реплики до момента, когда троица натешится междусобойчиком. Их разборки могли родить на свет хоть какое-то подобие истины, в то время как, переключившись на меня, они начали бы кормить гостя очередными байками.

— Это правдоподобно, — неожиданно выступил третейским судьей шайн. — Но если она не работала ни на Совет, ни на протекторат, ни на нас, ни на зеленых — то на кого она работала?

На добрых шестьдесят секунд в комнате повисло молчание, поскольку у трех из участников, похоже, закончились версии, а я предпочитал помалкивать.

— Ну, она была девушкой умной, — наконец неуверенно сказал Маркус. — Историей увлекалась со средней школы. Я не знаю, что ей там рассказывали Ральф и прочие родственники, — а они знали немало. Потом повзрослела, у нее появилась куча связей плюс статус в АСР. Много могла узнать и понять сама...

— Могла, могла, — раздраженно вклинился протектор. — Ты же сам только что утверждал, что ее дружба с этим, — последовал довольно пренебрежительный кивок в мою сторону, — не была случайной. И где она в свои двадцать лет после школы и Академии АСР могла всего этого набраться?

— Полагаю, что в АСР, — предположил шериф. — Эрик был ее побочным заданием. Она могла работать на зеленых, сама не подозревая об этом. Потом узнала слишком много, и ее устранили. Решили, что он тоже что-то знает, и попытались убрать и его.

— Из твоих слов следует, что ложа окопалась в АСР, — заключил протектор. — Это опасное предположение. Мы не сомневались, что они подбирают ключики к земным властям, и не исключали, что им это удастся. Но если они в верхушке одной из наиболее закрытых правительственных корпораций — значит, мы их недооценили. Нам нужно полностью пересмотреть все, что мы делали последние пятьдесят лет. Мы излишне расслабились и размякли, а враг не дремал.

— В ваших словах нет логики, — как обычно меланхолично вмешался шайн. — Вы думаете, что перед вами тот же враг, что и сто пятьдесят ваших лет назад. Просто потому, что не знаете другого. Вы искали знакомые следы по крохам, которые вам подкидывали. Вы видели попытки изменить мир и приписывали их тем, кто вам известен. Иногда вы ловили их агентов, и те сознавались, что работают на Зеленую ложу. Но вам никогда не удавалось продвинуться дальше. Теперь мы знаем почему. Это не Зеленая ложа пыталась проникнуть в правительство. Это внутри правительства зрели тайные силы. А поскольку вы не знаете, кто они и какие цели преследуют, ваше положение проигрышно. Они открыто приступили к агрессивным действиям, показав, что обладают ресурсами, которых у вас нет. Мне надо идти.

Ожидаемо забыв попрощаться, инопланетник направился к балкону. Протектор обреченно последовал за ним, очевидно, чтобы исполнить некий ритуал расставания. Я не заметил на террасе каких-либо летательных приспособлений, поэтому не мог предположить, как шайны возвращаются на «Грозное облако», которое обычно висело над Рапа Нуи. Выяснить их тайный способ передвижения мне так и не удалось, поскольку как только протектор и шайн покинули комнату, туда зашла знакомая нам Лиана и любезно предложила проследовать в зал ожидания.

Прождали мы более часа. Наверное, Брайсворту все же было о чем поговорить со своим гостем. А может, он просто решил пообедать от души. Нам с Маркусом предложили лишь напитки и фрукты.

Между тем, мое обучение основам истории продолжалось. Я бродил по большому залу, предназначенному для совещаний протектора со сливками своего аппарата. По периметру помещения стояли четырнадцать статуй, и из количества несложно было сделать вывод о том, кого они представляли. Статуи либо портреты членов Комитета Четырнадцати украшали офисы

многих чиновников.

Они являлись атрибутами любого исторического музея, а я немало посетил их в молодости, когда любой побег из кампуса Полицейской академии становился маленьким праздником, а отсутствие средств вело в те места, куда юного кадета пускали бесплатно. Те, что я видел сейчас перед собой, не были наиболее впечатляющими образчиками ни с точки зрения размеров, ни мастерства создавшего их скульптора. Но они определенно вызвали бы нервный припадок у любого преподавателя истории на планете.

Считалось, что достоверно установлены личности восьми членов комитета, и все они погибли в ходе Восстания. По наиболее распространенной гипотезе, шестерым удалось выжить, и они не стали настаивать на благодарности человечества. Неудивительно — дворцовый переворот превратился в массовое побоище, и отнюдь не все жители планеты и по сей день разделяли точку зрения о том, что оно того стоило.

Кроме того, немало историков считало, что мотивы Четырнадцати основывались отнюдь не на идеалистическом желании принести человечеству свободу. Целый ряд монографий приводил достаточно убедительные аргументы в пользу того, что речь шла о клановой борьбе внутри корпораций, где ряд представителей мидл-менеджмента трех из четырех олигархических пирамид восстал против усиления семейства Чжоу и их методов руководства.

В любом случае, решительно по всей планете Четырнадцать изображались как восемь мужей, с сурово-горделивым видом указывающих человечеству путь к свободе, и шесть их собратьев в масках. Но не в этом зале. Здесь лица имелись у всех. Я медленно обошел помещение, вглядываясь в каждое из них. Поясняющих надписей на скульптурах не обнаружилось. Разумно, раз сюда иногда попадали жители внешнего мира.

Брайсворт вошел в зал с озабоченным видом, но сразу повеселел, увидев мое замешательство.

— Неплохо, правда? — Протектор наслаждался произведенным эффектом. — Обычно я приглашаю сюда историков и политологов, если хочу, чтобы они работали на острове. Как думаете, сколько из них соглашается, увидев подобное? Все, все до одного. А сделай мы надписи — половина на месте сошла бы с ума. Некоторые слегка и сходят — но позже, да.

— А зачем вам историки и политологи? — озадаченно поинтересовался я.

— Мне они не нужны, — разом помрачнев, раздраженно ответил протектор. — Они нужны чертовым кукловодам. Как появляются, так сразу начинают со списка имен и требуют, чтобы всех их срочно перевезли на остров. Как думаете, легко уговорить переселиться на этот клочок земли и хорошо устроить сто-двести семейств в год? Да так, чтобы те бросили свою обычную жизнь без шанса вернуться к ней?

И поверьте, там редко фигурируют повара и сантехники. Ученые, журналисты, бизнесмены, чиновники. У меня целый департамент из пятидесяти человек занят тем, что выискивает методы убеждения этих бедолаг. Конечно, уговорить удастся не всех. Тогда мне начинают рассказывать о том, что я не справляюсь со своей работой, и угрожать то тем, что заменят, то отключением от спутников. И предшественникам угрожали, так что у нас уже сто пятьдесят лет высоких отношений любви и взаимного доверия.

Выплеснув на меня весь негатив, видимо напрямую связанный с визитом шайна, хозяин острова осекся и гораздо более спокойным и деловитым тоном предложил определиться со следующими шагами. Дремавший до сих пор в кресле Маркус очнулся и с энтузиазмом поддержал идею планирования боевых действий. Во всяком случае, иного определения мне на ум не пришло.

Я наивно полагал, что после исторического экскурса и жалоб на шайнов с их странными просьбами, встреча начнется с просвещения меня о том, что, собственно, происходит. Только вот делать этого никто не собирался. Первые полчаса старейшины оживленно обсуждали всех агентов таинственной Зеленой ложи, избалованных за полсотни лет. Поскольку некоторых из злодеев поймали относительно недавно, я почти собрался вклиниться с предложением передопросить их, но все же догадался, что подобные идеи не звучали по весомым причинам. Эти люди занимались политическими боями без правил, и пленные в их мире жили ровно столько, сколько необходимо.

Агентов оказалось не так много, а полученных от них сведений, которые могли бы выдержать хоть какую-то проверку, и вовсе с гулькин нос. В итоге протектор и шериф нехотя признали правоту шайна — никаких достоверных данных о том, что на Земле продолжает действовать Зеленая ложа, нет. Есть некая могущественная сила, пытающаяся влиять на политику властей, но ее конечные цели неизвестны. По итогам дискуссии оба участника обменялись растерянными взглядами. Я понимал их замешательство. Сложно бороться против сильного, но

абсолютно неизвестного врага, не понимая его целей, а значит, не будучи в состоянии предугадать его шаги.

В общем, плана боевых действий как такового, естественно, не получилось. Сошлись на том, что Маркус доложит о находках своему Совету, а протектор проведет совещание и переориентирует соответствующим образом работу своих аналитических и оперативных служб. Обсуждение будущего агента Старгарта заняло аж пару минут. Идея о моем возвращении в мир, будь то Опенгейт или Сингапур, была сразу отмечена. Протектор предложил временно укрыть меня на острове, где я находился бы в безопасности до прояснения ситуации. Мысль о том, чтобы пожить несколько недель на Мальте, мне понравилась. С учетом болтливости Брайсворта я подумал, что именно здесь смогу узнать немало интересного, а может, и сложить части головоломки.

Придя к консенсусу, мы решили проводить Маркуса до бота. Путь из зала совещаний также проходил через значительное количество бронированных дверей, но в сопровождении протектора мы двигались гораздо живее, а при нашем появлении охрана вскакивала и вытягивалась по струнке, что вкупе со стойкой моделей-секретарш заставило меня заподозрить хозяина башни в некотором самодурстве. Четверо охранников в сером присоединились к нам на выходе из зала. Меня мучил вопрос, являются ли они почетным караулом или протектор постоянно передвигается с подобным эскортом, не чувствуя себя в безопасности даже дома. Задавать его я, конечно, не стал.

Перед выходом на площадку Маркус получил свою «беретту» модификации 2043 года. Шлюзовая дверь распахнулась, и наша маленькая процессия очутилась под голубым мальтийским небом. Выход был обращен на запад, и я на мгновение оказался ослеплен лучами заходящего солнца, успев заметить лишь силуэты восьми гвардейцев, стоявших в ряд вдоль края площадки, и почему-то задраенный люк ожидавшего нас бота. В воздухе висел едва уловимый запах. Я знал, что это. Схватив шерифа, я швырнул его за ближайший к нам флайер Черной гвардии, и прыгнул следом.

Мой маневр и вопль «Атака!» дошли до сознания охраны протектора с небольшой, но фатальной задержкой. Как в замедленном повторе видео, я видел их тянущиеся к кобурам руки и движения, призванные уложить протектора на пол. Восемь штурмовых винтовок за долю секунды залили вход на площадку ливнем из нескольких сотен пуль. Жилеты телохранителей не защищали от прямых попаданий из армейского оружия, да это оказалось и не важно. На моих глазах их головы и конечности взорвались кровавыми фонтанами, а обрубки тел в защите отбросило к дверям. Находящегося между ними Брайсворта буквально разорвало на сотни мелких кусков плоти, обильно окрасивших площадку кровью.

У меня не было времени оплакивать погибших, поскольку я не сомневался, что целью нападавших являлись не они. Маркус вырубился от удара о борт и вышел из игры. Я выхватил «беретту» из его кобуры и, не имея представления о том, на какой эффект могу рассчитывать, высунулся из-за флайера, открыв огонь по атакующим. Пистолет шерифа обладал отдачей, которая могла представлять серьезную проблему для неопытного стрелка, а скорострельность заставляла пожалеть о том, что вместо огнестрельного оружия у меня в руках не набор метательных ножей.

Тем не менее я успел произвести четыре выстрела, всадив по пуле в шлемы четырех нападавших, прежде чем остальные снова принялись поливать площадку огнем. Пули из древней «беретты» не пробиты тактические шлемы Черной гвардии, но удар в голову имел мощное оглушающее воздействие, и уложенные мною субъекты лишь слегка подергивались на земле, когда я выглянул еще раз, чтобы произвести очередную контратаку. Теперь я обнаружил перед собой только одну движущуюся цель, лавирующую между флайерами. Уложив живчика выстрелом в голову, я засек троих оставшихся, также пытавшихся подобраться поближе под прикрытием флайеров и ботов.

Площадка была достаточно большой, а чтобы убедительно изобразить охранение Черной гвардии, убийцам требовалось стоять по периметру, то есть почти в сотне метров от входа. Вдвойне мудро с учетом того, что использование штурмовых винтовок позволяло им не заботиться о точности и дальности стрельбы, в то время как охрана протектора с трудом смогла бы производить прицельные выстрелы на таком расстоянии, находясь против солнца.

Поразив в этих условиях из пистолета пять мишеней кряду, я впечатлил нападавших, и те вынужденно изменили свою тактику. Теперь они крались примерно в шестидесяти метрах, достаточно споро, но осторожно приближаясь с трех сторон. Они знали, на кого охотились, так

что рукопашная не входила в их планы. Я предполагал, что будет дальше, и не ошибся. В воздухе мелькнул небольшой серебристый цилиндр и упал, не долетев до нас добрых десять метров. Выстрелом я отшвырнул его под ближайший тяжелый бот и вжался в пол. Раздался негромкий хлопок, и повеяло сильным жаром.

Впрочем, эффект длился недолго, а у меня не было времени расслабляться. Едва подняв голову, я заметил еще два цилиндра, летевших с разных сторон прямо на нашу позицию. Я успел попасть в оба на лету, на мгновение создав в небе два новых солнца диаметром метров десять каждое. Одну из гранат отбросило к метавшему, и я услышал сдавленный крик, заглушенный шлемом, вслед за чем в воздухе снова появился запах горящей плоти, замеченный мною при входе на площадку. Их оставалось двое, и я не собирался выяснять, есть ли у них еще термические бомбы или что-то похуже. Запрыгнув одним движением на крышу флайера и тут же перепрыгнув через два соседних, я оказался за спиной одного из выживших. Он слышал мое приближение, но я двигался слишком быстро, а тяжелая амуниция не позволяла ему реагировать как должно.

Возможно, мне стоило бы подумать о последующем допросе, но на площадке остались как минимум пятеро оглушенных, и я не видел нужды рисковать. Черный как смоль комбинезон из пластинчатого полимера закрывал все, включая шею, а голову покрывал цельный черный шлем. Весь костюм выглядел неуязвимым для моего пистолета, да и смысл в перестрелке на такой дистанции отсутствовал напрочь. От правого края площадки нас отделял всего пяток метров. Выбив одним ударом винтовку из рук боевика, я схватил его под ногу и резким движением швырнул вниз.

В игре оставался последний боец. Той пары секунд, что я потратил на предпоследнего, хватило, чтобы убийца сменил позицию и почти добрался до ворот, где в укрытии лежал Маркус. Я уже приготовился к очередному прыжку, который точно не порадовал бы мое раздробленное колено, когда створки выходящих на площадку дверей башни резко разъехались. Нападавший успел лишь повернуться на звук, когда выстроившаяся в два ряда дюжина гвардейцев открыла огонь из таких же винтовок, что и у него в руках.

Надо сказать, броню действительно сработали на славу. Я так и не увидел никаких разрывов, которые нарушили бы ее целостность. Шквал пуль бросал тело вверх и вниз, как жалкую марионетку в руках взбесившегося кукловода. Через несколько секунд все было кончено. Гвардейцы вперемешку с охраной протектора потоком хлынули из дверей, рассредоточившись по площадке. Одновременно над ней навис десяток ботов и флайеров, ощерившихся всеми возможными видами вооружений.

Бледный как полотно капитан гвардии, встречавший нас по приезде, подошел к не подающему признаки жизни телу, облаченному в ту же форму, что была на нем самом, и заученным движением откинул шлем. Если в Черной гвардии и завелись предатели, установить это пока не представлялось возможным. Насколько я знал, варамайи среди гвардейцев, как и всего населения Мальты, не водилось.

Глава 7

Я достаточно долго проработал в полиции, чтобы представлять себе, как может выглядеть место атаки хорошо вооруженных террористов на крупного чиновника сразу после ее завершения. Не по личному опыту, разумеется. На Земле подобного не происходило уже около сотни лет, и я как наяву видел растерянные лица полицейских чинов, судейских и политиканов всех мастей, топчущихся по границам зоны нападения и понятия не имеющих, что делать. На остальной части планеты, но не здесь. Может, у них даже имелся специальный протокол — «Убийство протектора в своей башне». Или они проходили подготовку получше моей.

Вся битва на самом деле заняла около минуты. За этот срок диспетчерская башни мобилизовала и пригнала на площадку минимум три десятка бойцов в черном и их серых собратьев, а также обеспечила поддержку с воздуха. Гвардейцы моментально рассредоточились, попытавшись захватить контуженную пятерку и их обоженного товарища. Слаженность их действий, однако, не смогла предотвратить новые жертвы.

Притворявшийся бессознательным заговорщик успел задействовать термогранату, разом испепелив себя и трех соседей, а заодно причинив тяжелые ожоги пяти гвардейцам, попавшим в зону поражения. С единственного оставшегося на площадке живого противника люди в черном содрали свою униформу и поволокли его, голого и полуобморочного, внутрь башни.

Сразу по получении сигнала об окончании зачистки власть перешла от гвардии к

гражданским. Распоряжалась на месте наша знакомая Лиана, чей статус в островной империи я явно недооценил. Ее команды беспрекословно выполнялись всеми военными и полицейскими чинами, объявившимися у входа на площадку. Посторонним приказали покинуть поле боя, куда тотчас хлынул поток роботов-криминалистов, неплохо знакомых мне по предыдущей работе. Я успел заметить, как один из следователей открыл люк нашего бота и отшатнулся от зрелища внутри. Да уж, термогранаты показали себя достаточно эффективным оружием.

В это же время рыжеволосая красавица, не проронив ни слезинки по погибшему боссу, резким голосом требовала от окружающих немедленно установить карантин на острове, собрать и проанализировать записи всех камер башни и приписанных к ней патрульных дронов за последние сутки и подготовить сообщение о гибели протектора в результате несчастного случая. Приказы никого не удивляли, и ответственные исчезали из поля зрения по мере их получения.

Хотя Лиана ни разу с нами не заговорила, мы с Маркусом не могли пожаловаться на недостаток внимания. Моей ногой уже занимался врач при помощи медицинского робота, а шериф получил какой-то укол, приведший его в чувство. Несмотря на то что в коридоре толпилась местная охрана, за нами приглядывали четверо серьезного вида молодых людей, не отрывавших пальцев со спусковых механизмов крепко сжатых в руках автоматов КРС-122. Расположились они так, чтобы постоянно находиться между нами и всеми остальными. На спинах жилетов значилось «Полиция Хоуптауна. Спецназ». Однозначно, юная леди неглупа. Без предательства кого-то внутри системы здесь не обошлось. Полиция не являлась частью данной проблемы, благодаря чему получила кредит доверия.

Пусть и не у всех. Очухавшийся Маркус не был настроен слишком благодушно, поэтому, растолкав охрану, потребовал у Лианы немедленной эвакуации с острова. Та не стала тратить время на препирания и, ткнув в делового вида юношу в штатском, приказала, чтобы тот обеспечил наш отъезд с соблюдением всех возможных мер безопасности. Мажор в модном костюме коротко кивнул, и через минуту наша охрана увеличилась уже до двенадцати единиц, причем в их состав входили не только местные законники, но и молодые люди без униформы, несколько нервно сжимавшие в руках КРС-122а — облегченную модификацию автомата спецназа.

Еще через пару минут наша процессия уже спускалась по лестнице на нижние этажи башни. Мне предложили помощь, но я отказался — после обезболивающего укола колено почти не беспокоило. Другое дело, что там от него осталось и сколько времени потребуется на новую склейку. Точкой назначения оказался гараж, где нас ждали несколько внушительного вида бронемобилей, украшенных личным гербом протектора. Обычно ими наверняка управляли люди в сером, но сейчас возле транспорта с напряженными лицами дежурил еще пяток юношей в штатском.

Мы загрузились в три машины и на бешеной скорости выкатили сначала на главную аллею дворца, а затем и на широкий проспект, ведущий к окраине города. Улицы опустели, лишь на перекрестках маячили патрули полицейских и гвардейцев. Ни разу не притормозив, наш кортеж, разогнавшись до добрых ста пятидесяти километров в час, выскочил из Хоуптауна и понесся к южной оконечности острова.

Через несколько километров нас встретили четыре легких танка Черной гвардии, два из которых заняли позиции спереди, а два — сзади броневику охраны. Так и не снизив скорости, кавалькада преодолела следующий десяток километров, чтобы оказаться перед одиноко стоящим холмом. При нашем приближении в нем образовался впечатляющего размера проем, в который и провалился весь конвой.

Под землей скорость резко упала. Справа и слева вдоль сузившейся до одной полосы проезжей части замерли гвардейцы. Теперь на их обмундировании можно было разглядеть эмблему в виде головы орла — такую же, как и на сопроводивших нас танках. Наконец кортеж остановился. Полицейские и мальчики в штатском высыпали наружу, мгновенно создав ошестившийся автоматическим оружием периметр. Расслабляться никто не собирался даже здесь.

Следуя приглашению нашего провожатого, откликнувшегося на имя Кит, мы с Маркусом выползли из броневика. Огромный, хорошо освещенный зал простирался во все стороны на километры. Мы оказались на главной площади подземного поселения, способного вместить как минимум несколько десятков, а может, и сотен тысяч жителей. Архитектура выглядела аскетичной, и большинство зданий смахивали на казармы. Яркие лампы сверху давали ультрафиолет, так что улицы смогли засадить небольшими деревьями, а поодаль я заметил обработанные под посевы поля.

Гвардейцы своими танками блокировали все четыре дороги, ведущие к площади, и заняли оборону, создав второй периметр. При нашем с Маркусом появлении, спокойно пройдя армейский кордон, к машинам подошли трое в черном, судя по эполетам и возрасту — старшие офицерские чины. Наши спецназовцы тут же взяли их на прицел, на что гости не обратили никакого внимания. Седовласый вояка лет семидесяти, чей вид излучал непоколебимую уверенность в себе, вышел вперед и представился:

— Я генерал Карл Шварцкопф, командующий. Добро пожаловать на базу Черной гвардии «Каменный орел». Уверен, что мы сможем решить вашу проблему.

— Очень на это надеюсь, папа, — еле слышно пробормотал Кит.

Генерал оказался гостеприимным, хотя и требовательным хозяином. Для начала нашей охране предложили зачехлить оружие. Молодой лейтенант, командующий спецназовцами, подчинился, но настоял, что будет сопровождать нас все время нахождения на базе, против чего армейские возражать не стали. А вот мальчиков в штатском во главе с Китом неожиданно разоружили и увели в неизвестном направлении подчеркнуто любезные военные. Определенная логика в этом была — если полиция пока оставалась вне подозрений, то сотрудников аппарата протектора до окончания расследования стоило держать под присмотром.

Экскурсии в программе визита не значились, и нас сразу сопроводили в помещение штаба базы, смахивающее на крепость внутри крепости, что меня вполне устраивало. Здесь генерал деловито осведомился, желаем ли мы покинуть остров прямо сейчас или несколько позже — если у нас здесь остались какие-либо дела. Я подумал, что неплохо бы похоронить бедных Флика и Флака, погибших весьма прискорбной для ветеранов смертью на родной планете, но озвучивать свою мысль посчитал неуместным. Маркус довольно конкретно изъявил желание убраться как можно скорее. Последовал логичный вопрос о том, что является для нас предпочтительным местом назначения.

Здесь нам пришлось взять паузу и удалиться на приватное совещание в один из свободных кабинетов. Бегство не решало ни одну из моих проблем в долгосрочной перспективе. Мы не могли выйти из игры и надеяться, что протекторат, шайны или загадочный Совет Маркуса изобличат и устранят заговорщиков. Выход напрашивался один. О нашем присутствии на острове во внешнем мире никто не знал. Шериф по-прежнему возглавлял следственную группу, получившую значительные полномочия от АСР, а я по-прежнему числился привилегированным пациентом в местном госпитале. Если лучшая защита — это нападение, для продолжения борьбы придется вернуться под опеку разведки.

Только вот явиться в Спейстаун на гвардейском боте мы никак не могли. Узнай руководство агентства о визите на Мальту и нашей роли в произошедшем, группу Маркуса расформировали бы и мы оба лишились доступа к ресурсам, необходимым для расследования. Шериф признался, что выбил бот под поездку на Мадагаскар, а значит, нам нужно было оказаться в мятежном анклаве и запросить эвакуацию оттуда по каналам АСР. Старый лис уже придумал объяснение гибели бота и наших телохранителей — на мадагаскарские нравы можно было списать что угодно.

Дистанцируя нас от смерти протектора, с точки зрения личной безопасности план представлялся ужасным. На острове охотиться на нас мог кто угодно, а убийство не повлекло бы даже имитации расследования. С другой стороны, по заключенному договору Мадагаскар находился вне зоны наблюдения спутников Всемирного правительства, и выследить нас могли лишь весьма старомодными методами. А еще там мы могли рассчитывать на поддержку корпуса шерифов.

Маркус огласил пункт назначения гвардейцам, и, судя по реакции генерала и его подчиненных, нас определенно сочли парой сумасшедших. Но вояки любят смелых, поэтому наш авторитет заметно поднялся. И вот, менее чем через два часа после погружения под землю, мы уже шли к площадке штурмовых ботов, окруженные плотным кольцом из полицейских спецназовцев и офицеров гвардии. Кортёж снова состоял из трех машин, на сей раз летающих. Официальным предлогом для полета стала передислокация ботов на Реюньон — базу корпуса Черной гвардии «Гигантская черепаха».

Пролетая параллельно побережью Мадагаскара, боты должны были совершить нырок в глубину океана, в подводном положении преодолеть системы безопасности острова и высадить нас на одном из безлюдных пляжей. О точке назначения знали лишь генерал, трое наиболее доверенных офицеров, да шесть пилотов, по два на каждый из аппаратов доставки.

Передислокация не стала просто предложением — ботам надлежало прибыть на Реюньон и поступить в распоряжение местного командующего сроком на месяц.

Отец исчезнувшего в неизвестном направлении Кита важно кивнул нам на прощание, спецназовцы отдали честь, как коллегам по цеху в сложном положении, гвардейцы проводили сочувственными взглядами. Большинство из них понятия не имело, куда мы направляемся, а так, возможно, и всплакнули бы. С сентиментальным настроением, впрочем, быстро разобрался наш пилот, сквозь зубы порекомендовавший пристегнуть ремни. Наверное, перспектива провести месяц на Реюньоне не представлялась ему столь уж радужной. Крыша над нами разъехалась в стороны, и боты рванули в небо.

Штурмовой бот Черной гвардии оказался штукой быстрой, а совет пристегнуться покрепче — нелишним. Пронесясь над севером Африки и обогнув Новую Столицу, машины вышли в заданную точку Индийского океана и рухнули вниз. Удар о воду чуть не вышиб из меня дух, а судя по малоцензурному бормотанию пилотов, хотя их аппарат и был рассчитан на подобные развлечения, превращение из летчиков в подводников не вызывало у них никакого энтузиазма. Нам предстояло погрузиться на глубину в несколько сотен метров, почти предельную для машин такого класса.

Остров изолировали системой безопасности, включающей виртуальную стену в тридцати километрах от берега, патрулируемую кучей надводных, подводных и летающих дронов. Предполагалось, что запертые в анклав злодеи никуда не денутся, а к ним никто не проникнет без согласия властей. О чем умалчивалось, так это о том, что дроны действуют на глубине до трехсот метров. Власти полагали, что этого вполне достаточно, поскольку любые плавсредства, кроме рыбацких лодок, на острове были запрещены, а материалы и технологии для изготовления подлодки отсутствовали. Для военной же техники ограждение большой проблемой не являлось.

Бот продвигался очень медленно, соблюдая режим тишины — рисковать зацепить сигнализацию никто не хотел. Как следствие, морская прогулка заняла добрых шесть часов, в ходе которой нам с Маркусом оставалось лишь пялиться друг на друга в гробовом молчании. Наконец интерком недовольно хрюкнул:

— Десантирование через пять минут.

Мы дружно потянулись, слегка недоумевая по поводу формулировки задачи.

Все стало гораздо понятней, когда верхний люк открылся и внутрь хлынула морская вода, промочив нас до нитки. Одновременно сверху вывалилась раскладная лестница, недвусмысленно приглашая пассажиров на выход. Неохотно выползя наружу, мы обнаружили, что бот качается на волнах в паре сотен метров от берега, слегка выступая из воды. Ну что ж, секретность так секретность. Правда, я запомнил, на каком из этапов совещания с генералом мы с Маркусом упоминали о том, что умеем плавать. К счастью, шериф не выглядел растерянным, так что я предположил, что проблемой следующая часть путешествия не станет.

Уже была глубокая ночь, и никаких признаков жизни на пляже не наблюдалось. Мы погрузились в теплую воду и не спеша поплыли в сторону берега. Не погудев на прощание, наши провожатые погрузили аппарат в пучину, сочтя свою миссию выполненной.

Я не жаловался на слух или зрение, теперь не подводившее меня даже в ночное время, но тот факт, что комитет по встрече все же будет, дошел до моего сознания, лишь когда ноги ощутили под собой твердую почву. Деваться, впрочем, было некуда, и я как мог уверенно вышел на берег. Поездка подразумевала соответствующую экипировку, поэтому из резервов гвардии мне изыскали шорты цвета хаки, с которых военным каким-то образом удалось свести голову орла, оставив заметное блеклое пятно. Шорты дополняла черная футболка, аналогично лишенная опознавательных знаков, зато теперь с грязно-коричневым пятном на груди. Армейские врачи сняли с больной ноги слишком технологичный для Мадагаскара восстановительный чехол, заменив его фиксирующей повязкой из бинтов, которые, как меня уверили, должны продержаться минимум семьдесят два часа в любых условиях.

На ногах красовались чересчур современные кроссовки — ничего древнего подчиненные генерала добыть не сумели. Плюсом стал их черный цвет, не позволяющий определить модель ночью. В нагрузку к одежде мне выдали непроницаемый пластиковый мешок без каких-либо маркировок, в который заботливо уместили некоторый запас еды, медикаментов, а также двадцатипятизарядный «зиг зауэр пауэр» 2048 года выпуска. Понятия не имею, где они его раскопали, но к пистолету прилагались два полных магазина. На пояс я прилепил армейский нож в

стилизованном под кожу чехле.

Маркус остался при своей «беретте», отказавшись брать дополнительное оружие, хотя я и потратил кучу патронов из его единственной обоймы, поскольку все запасные сгорели в боте вместе с беднягами Фликом и Флаком. Ножа вне острова он не носил и получил гвардейский образчик, аналогичный моему.

На берегу мне предстояло определиться с дальнейшими действиями. В сотне метров, скрываясь под сенью деревьев, за нами наблюдали минимум пятеро. Предположив, что это не очередная бригада профессионалов высокого полета, я попытался сообразить, какие неприятности могут нас ждать. Современного либо армейского оружия на острове не водилось, так что нападающие располагали либо древними пистолетами, либо винтовками. Чтобы воспользоваться пистолетами, им требовалось подойти гораздо ближе — прицельная стрельба с сотни метров, да еще и ночью, решительно невозможна. А вот хорошее ружье с ночной оптикой в руках опытного стрелка представляло нешуточную угрозу. Обнадеживало, что пока в нас никто не стрелял.

Я неторопливо стащил через голову футболку и тщательно ее отжал. Современный материал сразу стал сухим. Прodelать ту же процедуру с шортами я постеснялся — не хотелось оказаться перед потенциальным врагом без штанов. Поняв по моему поведению, что что-то не так, Маркус положил перед собой приоткрытый пластиковый мешок. Наши гости, очевидно, увидели достаточно и не спеша вышли на пляж. Да, их было пятеро. Ножи болтались на поясе решительно у всех, а у двоих в руках заодно блестели здоровенные мачете.

Неопределенный цвет кожи, неопределенные, как будто размытые, черты лица на фоне мощного телосложения — нам выпала сомнительная часть пообщаться с варамайи. На груди у каждого темнел значок из какого-то низкокачественного сплава — христианский крест с большим оскалившимся черепом в центре. Я не был силен в местной геральдике и вопросительно посмотрел на своего спутника. Тот оставался неподвижен, внимательно наблюдая за приближающейся пятеркой. Судя по выражению его лица, столкнулись мы отнюдь не с фермерами.

Обладатели странных значков остановились в трех метрах от нас. Двое с мачете зашли с боков, но, судя по поведению, они пока не определились в дальнейших действиях. Гости не видели, что у нас в мешках, но предположение о том, что шерифы не оказались бы на безлюдном пляже безоружными, скорее всего пришло им в голову.

— О-о-о, шерифы, — наконец с легкой издевкой протянул стоявший в центре вожак, безошибочно опознаваемый по кобуре с пистолетом на поясе. — Какими судьбами на нашем пляже, шерифы? Ходили купаться, хей? Вдвоем, да? Хей, братья, кто-нибудь знает этих шерифов?

— Старый — Маркус Смайт, — охотно отозвался верзила с мачете, стоявший слева. — Обычно работает на востоке. Второго не знаю. Но мне нравятся его кроссовки... и размер у нас вроде один.

Вся пятерка была боса и наверняка прекрасно обходилась без обуви с самого детства, так что замечание вызвало одобрительные усмешки и поощрительное гуканье. Процедура прощупывания слабин мелкими бандитами была хорошо мне знакома по Кварталам Радости и изрядно наскучила. Эти сделали ошибку, подойдя так близко, но я не хотел начинать драку без отмашки шерифа. Он не прожил бы так долго, не будучи в силах справиться с местной шпаной.

— А с каких пор здешние пляжи стали землей «Кающихся черепов»? — полюбопытствовал Маркус. — Что, получили их в дар от «Полумесяцев»? Те, видать, радырадешеньки, что вы ошиваетесь здесь по ночам?

Череп сразу погрузнели, вспомнив, видимо, как и зачем оказались в этом районе.

— Они не должны были нас видеть, — нервно облизав губы, зачастил здоровяк слева от вожака. — Никто не должен нас видеть, и шерифы — тем более.

Глава 8

Вожак колебался. Очевидно, что они не случайно забрели на территорию враждебной банды, и свидетели им не требовались. Но звезды шерифов меняли дело. Местные законники круты, и рассчитывать убить парочку из них без серьезного сопротивления не приходилось. А главное, само выживание шерифов как корпуса стало возможным благодаря старому, как мир, «око за око». Пусть они и гибли часто, но каждый причастный к их смертям рано или поздно уничтожался.

— Мы на земле «Полумесяцев», — продолжал нудеть подстрекатель. — На нас никто и не

подумает.

Последний аргумент разрешил сомнения лидера, и тот едва заметно шевельнул пальцами правой руки, давая сигнал к атаке. Ну, начали. Вырвав мачете из рук качка справа, я начисто снес ему голову, после чего метнул тяжелый клинок в слишком осведомленного о личностях шерифов детину слева, пробив насквозь грудину. Но трое с ножами были уже близко, а жизнь на Мадагаскаре не располагала к тому, чтобы отвлекаться на павших в ходе боя. Все оказалось совсем не сложно.

Я схватил ближайшего ко мне и резко швырнул на вожака. У того, как и у всех, в руке был здоровенный кинжал, раза в два больше того, что покоился в чехле у меня на поясе. Использовать пистолет лидер Черепов и не собирался — звуки стрельбы на чужой территории привлекли бы соперничающую банду. Главарь не успел среагировать на мой маневр, и его собрат напоролся на нож поясницей, издав глухой стон, после чего незамедлительно рухнул на землю. Грубо сработанное лезвие застряло где-то в кости, и, оставшись без холодного оружия, вожак все же схватился за кобуру. Я прыгнул на него, оттолкнувшись здоровой ногой, и нанес сокрушительный удар локтем в голову, прежде чем тот успел поднять руки для защиты. Раздавшийся звук был достаточно красноречив, и стало понятно, что атакующие остались без руководства.

Собственно, и сама атака подошла к концу. Не успело тело командира упасть на песок, как пятый бросился наутек по пляжу. Не знаю, каков он был в бою, но наверняка не затерялся бы на любых Олимпийских играх как выдающийся легкоатлет. Мне потребовался с десятков прыжков, прежде чем я обрушился ему на спину и резко вывернул руку с зажатым в ней ножом, разом сломав конечность в паре мест. Он наверняка заорал бы, не вдави я его лицом в песок. Через секунду бандит отключился, и я обозрел поле боя.

С двумя пострадавшими от мачете я покончил сразу. Вожак был еще жив, но конвульсивные подергивания его тела не дали бы врачам оснований для оптимизма. Получивший нож в поясницу боец тихо скулил, пытаясь дотянуться до торчащего из спины орудия, и это было единственным, что его сейчас интересовало в этом мире.

Взвалив свою последнюю жертву на плечи, я вернулся к месту драки и бросил беднягу к ногам Маркуса, так и не успевшего принять участие в битве. Тот мельком взглянул на тяжело дышащее тело и поинтересовался:

— Ну и зачем он нам? Предлагаешь отвезти в больницу?

— Думал, тебе интересно, что они здесь делают, — предположил я. — А заодно не ждали ли эти джентльмены здесь кого. Например, нас.

— Да ладно, — фыркнул шериф. — Ну неужели люди, убившие протектора, прислали бы такие отбросы, да еще и почти безоружные. Что они здесь делают, мне неинтересно. У них вражда с Полумесяцами длиною в сотню лет. Какие бы гадости эти уроды друг другу ни учинили — я только «за».

— Да будет так, — заключил я и свернул бессознательному пленнику шею.

Маркус поморщился, но ничего не сказал. Последний выживший, увидев постигшую собрата участь, бросил попытки освободиться от торчащего из спины ножа и пополз в сторону деревьев.

— Может, и ты поучаствуешь? — с издевкой спросил я старика. Мне не нравилась роль чистильщика, а тому не мешало бы внести свой вклад в происходящее.

— Я шериф, — пробормотал тот, не глядя мне в глаза, и стал возиться, завязывая мешок.

Догнав уползавшего, я выдернул клинок из его поясницы и пронзил сзади сердце, разом покончив со страданиями бедняги.

— Кхм... — Законник за моей спиной прокашлялся и извиняющимся тоном сказал: — Головы. Полумесяцы всегда рубят врагам головы.

Я посмотрел на него, не веря своим ушам, и молча протянул трофейный нож. Шериф не сделал попытки притронуться к нему, и я зашвырнул оружие далеко в океан. Никакого желания пачкаться, чтобы имитировать разборки банд, я не испытывал. Кроме того, мы находились на пляже Полумесяцев, и найди они тела, уж как-нибудь сообразили, что это не их собственных рук дело. Кого еще могла заинтересовать смерть пяти бандитов мелкого пошиба, мне в голову не приходило.

Зайдя в море, я прополоскал футболку от крови. Это не заняло много времени — ткань ничего не впитывала. Отжав ее, я прицепил на пояс кобуру с пистолетом и, поколебавшись, прикрепил на грудь значок, наспех смастеренный гвардейцами по образцу жетона Маркуса. Может, специалист и заметил бы разницу, но, по мне, символы власти были идентичны.

Старик наблюдал за моими действиями с понятным неодобрением. Значок был фальшивкой, а для шерифов их символ почти священен. К тому же все законники знали друг друга в лицо, и появление новичка не могло остаться незамеченным. Но их оставалось всего несколько сотен на двадцать миллионов жителей острова, так что шанс встретить коллегу за пару дней был невелик. Гордо поблескивая своими звездами, мы нырнули в теплую мадагаскарскую ночь.

*Сингапурский университет. Факультет политологии, 1-й курс
143-й год Реформации*

Как историк, специализирующийся на эре протекторатов, профессор Фан Бао мог бы испытывать больше энтузиазма при описании такого загадочного и наполненного событиями времени, как Темный век. Тем не менее в его обычно суховатом тоне ощущалось скорее некоторое смущение. Скорее всего, оно было вызвано тем, что впервые в этом семестре его лекцию посещал инопланетный студент — анакалиец Тард Брамп.

— Итак, Темный век, — прокашлялся молодой ученый. — Темным веком называется период с момента окончания Восстания Четырнадцати и до начала Реформации, когда Всемирное правительство с помощью Шестнадцатого протектора вернуло себе контроль над планетой и создало современную цивилизацию в том виде, в каком мы ее знаем. Этот промежуток времени, занявший девяносто семь земных лет, часто называют наиболее жестоким веком в жизни планеты. Когда Четырнадцать сокрушили существовавший миропорядок, население Земли составляло около девяти миллиардов человек. Восстание, длившееся всего несколько недель, до сих пор является наиболее кровопролитной войной в истории человечества, унесшей около четырехсот миллионов жизней в результате военных действий и более двух миллиардов непосредственно по их окончании.

Запланированное как малокровный переворот, начавшийся с удачной атаки на Столицу, в ходе которой заговорщики уничтожили тогдашние составы Всемирного правительства и Сената, оно превратилось в хаотический геноцид после того, как клан Чжоу произвел ядерные бомбардировки двадцати производственных центров, а затем начал биологическую войну, распространив вирус ADF586, известный как «убийца рабов». Смертность от вируса, разработанного специально на случай восстаний в производственных центрах, среди варамайи превышала восемьдесят процентов, в то время как последствия для остального населения оказались сопоставимы с результатами эпидемий обычного гриппа.

В тех производственных центрах, что не были уничтожены ядерным оружием, гниющие трупы заполнили дома и улицы, выгнав остатки рабочих туда, где проживало остальное население Земли. Гибель соплеменников сделала варамайи необычайно жестокими, особенно к иным этническим группам, которых они считали коллективно ответственными за геноцид своей расы. В захваченных ими областях царил террор и насилие. Вновь сформированное Всемирное правительство, созвав добровольческую милицию, смогло удержать под своим контролем большую часть Европы, где не было производственных центров. Кроме того, свою верность идее единого мира подтвердил целый ряд анклавов по всему миру, включая Гавайи, Новую Зеландию, Японию, Филиппины, Реюньон и многие другие, в основном островные, автономии.

Финансовые кланы, рассорившись между собой на почве различий в определении виновных за провал плана «Полный круг», избрали путь сепаратизма и изоляционизма. Для этого им пришлось вернуться к старым идеям расовых и религиозных различий, с которыми они сами же боролись десятки лет в попытке построить глобальное общество. Клан Чжоу образовал империю, занявшую территорию, исторически известную как Китай, а также ряд областей Юго-Восточной, Центральной Азии, Сибирь и Дальний Восток. Клан Абу Джафа, объединивший роды шейхов, контролировавших нефть, создал Африканский Халифат, расположившийся на территориях Северной и Западной Африки, а также Ближнего Востока, Аравийского полуострова, Кавказа и Ирана. Халифат провозгласил идеи возврата к исламским ценностям в их наиболее реакционном виде, включая нетерпимость к любому иноверию и жестокость наказания за отступление от религиозных норм.

Клан Рокфельдов, основанный ведущими финансовыми семьями Северной Америки, также решил эксплуатировать религиозные догмы, провозгласив Королевство Истинных Христиан на территориях бывших США и Канады. Но клан Гутьерес, имевший сильные позиции в испаноязычном мире, оказался практически полностью уничтожен в ходе Восстания Четырнадцати, и территория Латинской Америки не получила собственной диктатуры.

Погрузившись во власть полного хаоса, она разделила эту участь с землями, известными ранее как Южная и Восточная Африка, Индия и Пакистан, а также Австралия.

Девяносто семь лет, на протяжении которых значительная часть Земли находилась в состоянии феодального безвластия, обернулись катастрофой для цивилизации. Вследствие постоянного насилия, краха систем здравоохранения и социального обеспечения население планеты сократилось до трех миллиардов человек.

Марш-бросок от пляжа занял у нас около пяти часов. Как я понял из отрывистых реплик Маркуса, нам стоило покинуть владения Черепов, Полумесяцев и еще пары достаточно агрессивных кланов, поскольку эта часть острова считалась небезопасной даже по местным меркам, а ее низкая заселенность привлекала к нам ненужное внимание. Нашей целью стал городишко под названием Саутленд. По словам Маркуса, в поселении проживали целых сто тысяч человек, а его статус торгового центра позволял двум путникам не вызывать слишком большого интереса к своим персонам. В городе жили три шерифа, но мой компаньон надеялся, что при достаточной осмотрительности мы не встретимся.

Перед нами стояла задача связаться с АСР и попросить об эвакуации. Вообще-то агентство не занималось филантропией, но Маркус пребывал в уверенности, что нас не бросят. От устройств связи, предложенных гвардейцами, старик вежливо отказался. Их стандартные рации, действующие через спутники протектората, использовать было нельзя, а времени на то, чтобы собрать любительскую имитацию, армейским техникам не хватило. Шериф полагал, что нам удастся найти необходимое на месте. По его словам, в любом заметном городе жил умелец, имеющий оборудование, позволяющее связываться с внешним миром. В конце концов, на острове обосновалось немало сосланных преступников, желающих поболтать с друзьями или родственниками на воле.

Взобравшись на небольшой холм, мы провели рекогносцировку. У черных гвардейцев нашелся исправный бинокль с функцией ночного видения аж двухсотлетней давности. Перед нами, окруженное заполненным водой рвом, раскинулось поселение из нескольких тысяч одноэтажных домиков. Уже светало, и город в окулярах бинокля заиграл вакханалией цветов и оттенков. Стандартные сборные конструкции из какого-то полимера пестрели разноцветными стенами, плоскими крышами и дверьми. Насколько я мог видеть, однотонных жилищ не существовало в принципе. Фиолетовая стена, зеленая стена, коричневая стена, розовая стена, пурпурная крыша и черная дверь — сочетания на любой вкус. Или, скорее, на отсутствие оно.

— Впечатляет, да? — усмехнулся за моей спиной Маркус. — В период после Реформации был жуткий дефицит жилья. Тогда Всемирное правительство аврально наклепало несколько сотен миллионов домиков, которые любая семья могла собрать за день. Не слишком уютные и комфортные, зато дешевые и почти вечные. Удачная мысль, с учетом того, как улучшился климат. Потом люди стали переселяться в мегаполисы, а эти дома бросали. Основную часть пустили в переплавку, но лет сто двадцать назад решили скинуть на остров какие-то остатки. На цвета при паковке внимания не обращали — крыши шли к крышам, задние стены — к задним стенам. Ну и местные не стали слишком заморачиваться и собирали что нашлось. Таких поселений несколько. Бандиты в них селиться не любят — пули прошивают стены, что бумагу. Так что живет здесь в основном работающий люд. Магистрат платит дань «Красным моголам» — это один из основных четырех кланов на острове, потомки Империи Чжоу. Юго-Восток в основном под их контролем.

— А как же наши друзья Черепа и Полумесяцы? — поинтересовался я.

— Это мелочь, — скривился шериф. — На острове более двух тысяч группировок. Часть сложилась исторически, сразу после Реформации, но нет-нет да возникают новые, а старые распадаются. В бандах процентов десять населения, из них половина работают на четыре клана — «Красных моголов», «Воинов джихада», «Убийц господ», ну и барона, конечно. Шайки поменьше тоже стремятся оказаться под защитой кого-то из четверки. Черепа вот пользуются покровительством Моголов, Полумесяцы — «Воинов джихада».

— На острове двадцать миллионов жителей, — недоверчиво заметил я. — Хочешь сказать, что из них два миллиона — вооруженные бандиты? И как они за сто пятьдесят лет друг друга под корень не вырезали?

— Состоять в клане — не значит быть бойцом, — охотно пояснил мой спутник. — Так, пойдем после семи утра, что-то патрулей многовато, дождемся фермеров и торговцев. Ну так вот, принадлежность к клану не означает постоянное участие в войнах. Туда охотно принимают и ремесленников разных мастей — кланам нужно строить, чинить оружие, лечить собратьев. Так

что бойцы — меньшая часть сообщества. Но в кланах железная дисциплина, беспрекословное подчинение командирам, свои кодексы поведения и суровые наказания за проступки. Поэтому отнюдь не все стремятся попасть туда. У банд поменьше и нравы попроще. Ну а основная часть населения живет здесь вовсе не от желания постоянно с кем-то воевать. Они считают, что это остров свободы, где каждый отвечает за себя сам, не подчиняясь ни корпорациям, ни Всемирному правительству, ни протекторату. Принцип жизни здесь прост — не трогай других, и тебя не тронут.

— И как это соотносится с парой миллионов бандитов? — возразил я. — Или со статистикой убийств? Каждый третий вновь прибывший погибает в течение года, разве не так?

— Так, так, — пробормотал Маркус. — Всемирное правительство любит распространять страшилки о местной жизни. Иначе будет слишком много желающих перебраться сюда. Они надеялись, что население само по себе вымрет от войн, голода и болезней, но постоянный приток свежей крови этому мешает. Когда на острове установилось что-то вроде порядка, начали ссылать сюда наиболее опасных социопатов. Надеялись, те раскачают лодку. Но ты правильно сказал — долго они не живут. Думают, что именно здесь можно безнаказанно убивать, грабить и насиловать. Только вот людей защищают кланы, банды и общины. А суд на острове скорый и правый — если тебя поймали, повесят на следующий день. Тюрем нет, так что за любое серьезное насилие наказание одно. За воровство и мошенничество — штраф пять-десять размеров ущерба. Не выплатил в срок — веревка или «отработка», считай рабство. Исламисты за это руки рубят, так что у них красть особенно не рекомендуется.

— Ты хочешь сказать, что уровень преступности на Мадагаскаре низок? — спросил я, пытаюсь переварить полученную информацию. — А вы-то тогда что здесь делаете? И чем, собственно, занимаются миллионы головорезов?

— Такого я не говорил, — сплюнул шериф. — Понятно, в сравнении с остальным миром здесь всего больше — и убийств, и изнасилований, и краж. Но есть некий баланс. Кланы и банды иногда воюют, но их конфликты не затрагивают прочих островитян. За убийство без причины селянина члена банды казнят его же собраты. Родственникам достаточно обратиться к лидеру банды или к главе клана, который ее опекает. Мы же вершим правосудие для тех, кому некуда идти. Таких тоже немало. Идейные одиночки или семьи, не желающие зависеть от кого-либо. В основном те, кто добровольно переселяется с Большой земли. Открыто трогать нельзя и их, но умри они без свидетелей — никто из банд не станет выяснять, кто это сделал и почему. А переезжают они с ценностями, продав все, чем владели в вашем мире. Еще нас нередко привлекают к расследованиям кланы.

— Разве шерифы не находятся в оппозиции к местным порядкам? — недоуменно поинтересовался я. — И не пытаются утвердить здесь царство закона?

— Да чушь все это, — равнодушно парировал достойный представитель упомянутого сословия. — Нас и в лучшие годы набиралось чуть больше тысячи, что мы тут можем утвердить. Мы в политику не играем и не пытаемся изменить остров или оспорить чью-то власть. Мы — правосудие для незащитных, не более того. С кланами у нас пакт о ненападении. Вообще-то они часто помогают нам, если это не идет вразрез с их интересами. С мелкими бандами — по-разному. Вот Черепа и Полумесяцы, например, довольно бедовые. Многие группировки в жизни не решились бы поднять руку на шерифа.

В банды идут те, у кого тестостерон зашкаливает — не мыслят жизнь без драки. Или, наоборот, слишком трусливые, да еще и ленивые, тупые и бесполезные для нормальной жизни. Банда их кормит-поит, дает кров, женщин и статус. Но эти группировки, несмотря на названия, не занимаются бандитизмом. Обычно они собирают дань с поселений, которым покровительствуют. Причем дело это добровольное, под строгим надзором кланов. Если банда плохо справляется с защитой, поселение может свободно перейти к другим. Тогда у банды возникнут проблемы с пропитанием, а у ее лидера — с главой клана. Это бизнес, просто бизнес. Не единственный, конечно. Многие шайки занимаются организацией проституции, азартных игр, боев без правил, наркотиками, даже контрабандой на материк и с него. Организуют решение проблем во внешнем мире.

— Каких, например? — глухо спросил я.

Маркус отвлекся от окуляров бинокля и внимательно посмотрел на меня.

— Разных, юноша, разных. Правильно мыслите... говорят, что решить могут любую проблему, вопрос лишь в цене. У них на связи Кварталы Радости, а там всегда можно найти достаточно глупого или жадного, в том числе и для убийства. Но инопланетники — это не их

уровень, нет. Не думайте, что я тут последние недели дурака валял. Как раз прорабатывал местную версию. Ничего. Даниэль, когда была здесь, пользовалась защитой людей барона. Не нашел ни у кого мотива, вообще никакого.

Многовато новостей для утра. Как важных для моего будущего на острове, так и для понимания событий прошлого.

— Она об этом не упоминала, — небрежно бросил я. — О людях барона. Я-то думал, ее вы защищали все это время.

— Шерифы не занимаются защитой туристов, — рассеянно сказал законник, вновь припав к биноклю. — Это популярный бизнес среди кланов. Бандам его не доверяют — многие из них конфликтуют, а туристу нужен пропуск на все территории с минимальным риском. Этот пропуск — пара громил с татуировками клана. Стоит обычно двести — триста юнов в день. Недешево, да. Но без этого пришлый здесь легкая жертва. На них в общем-то обычные правила общежития не распространяются, они же не местные. Частенько их захватывают банды и требуют выкуп с родни на материке. Полиция ничего сделать не может. Ну, передают информацию нам, но мы тоже бессильны — штурмовать штаб-квартиру шайки ради идиота, нашедшего приключений на свой зад, у нас возможностей нет.

Иногда просто убивают забавы ради, особенно если денег не находится. Девушек насилуют и продают в бордели. Этих мы всегда находим и вытаскиваем... через несколько месяцев или лет. Ну а обобранными до нитки в итоге оказываются почти сто процентов. Так что бедным сюда дорога заказана. Не знаю, на что они рассчитывают, — я лично участвовал в подготовке ролика с инструктажем по местному туризму. Может, его им не показывают? На самом деле большое количество жертв в интересах Всемирного правительства — не дай бог возникнет хотя бы намек на положительный имидж острова.

— Вижу, вы не фанат Всемирного правительства, — заметил я.

— Как и любой на этом острове, — пробурчал шериф. — Ладно, вон крестьяне потянулись со своими повозками, пора и нам.

Полагаю, привлечь архитекторов к планированию Саутленда забыли. Да и планирование как таковое не состоялось. Ров с водой, перед ним и за ним — полосы отчуждения по сто метров, с десятком мостов, ведущих в город со всех сторон, а внутри периметра — стройся кто как хочет. Многие дома стояли почти впритык друг к другу, улицы образовывались спонтанно, в основном в виде узких проходов между домами, бросающих вызов всем мыслимым законам геометрии. Магистрату удалось лишь прорубить четыре относительно широких проспекта, ведущих к торговой площади в центре города, где возвышалось сложенное из добротного камня здание ратуши и пестрели красками ряды шатров желающих сбыть свой товар. С восходом солнца патрули из местных жителей исчезли, и нашему проходу в поселение ничто не препятствовало.

Маркус нырнул в лабиринт домишек, увлекая меня за собой. Правила корпуса запрещали скрывать звезды на груди, и мы двигались достаточно быстро, стараясь отворачиваться при виде местных или закрывать символы шерифов пластиковыми мешками в руках. Минут через пятнадцать блужданий мой проводник резко остановился перед ярко-оранжевой дверью и с сомнением посмотрел на нее. Его колебания были мне понятны. Запомнить конкретный дом в этой вакханалии красок — дело не из легких. Оранжевых дверей я по пути заметил не меньше пары десятков. Ах да, нумерация домов или названия улиц в Саутленде были не в чести. Учреди кто-нибудь на острове почту, ее служители давно сошли бы с ума.

Торчать в проулке смысла не имело, и шериф тихо, но настойчиво постучал в дверь. Не меньше чем через пару минут занавеска ближайшего окна слегка одернулась, и некто достаточно долго таранился на незваных гостей. Затем дверь нехотя приотворилась, явив свету небритого детину под два метра ростом, с ярко-красными глазами, выдавшими, впрочем, не его принадлежность к расе опасных инопланетников, а скорее пристрастие к местным сортам пива.

— Чего вам? — недовольно процедил разбуженный нами субъект. — На дворе семь утра, чтоб вас. Я так рано не встаю.

— Ты Джамбо, — обличающе заявил шериф. — Ты должен услугу шерифу Томасу Барксу. Я шериф Маркус Смайт и пришел взыскать долг.

Я почему-то пребывал в убеждении, что мы идем к некоему старому знакомому моего спутника, и формулировка приветствия меня озадачила. Шериф и детина оказались незнакомы. Слова Маркуса, однако, нашли отклик в душе владельца оранжевой двери, поскольку он без дальнейших пререканий отступил в сторону, пропуская нас внутрь.

— Что вам нужно? — неожиданно жалобно проскулил хозяин дома. — Еды почти нет, выпивки тоже. Вот думал на рынок сходить, так с деньгами беда.

— Ты умелец. — Видимо, ношение звезды способствовало общению на языке утверждений и приказов. — Нам нужно передать сообщение на материк. Ты нам поможешь. Это небольшая помощь за услугу, которую тебе оказал Баркс.

— Так-то оно так, — неохотно признал наш собеседник, задумчиво почесывая лохматую голову. — Да только вот оборудования у меня нет. Пропил я его в прошлом месяце.

Маркус помрачнел. Похоже, мы столкнулись с серьезной проблемой.

— У кого в городе еще есть передатчик? — резко спросил шериф. — Дело у нас срочное.

— Да вот рад бы помочь, но не могу, — развел руками Джамбо. — Продал-то я его парню с востока, он его и увез. А больше в городе ничего такого нет. Вы ведь знаете — кланы не любят, когда с большим миром связываются за их спиной. Кто из соседей сболтнет — придут ночью, все разгромят задаром, да еще и меня отделают. Я и так три года этим занимался — сколько нервов извел, от каждого шороха просыпался. Зачем мне такая жизнь? Теперь вот починаю людям разные штуки. Деньги небольшие, да на пиво хватает, и сон всегда крепкий.

— Ну что, план Б? — кисло спросил Маркус, обращаясь ко мне.

— План Б, — охотно согласился я. Знать бы еще, о чем он говорил.

Глава 9

Граната влетела в оконный проем и волчком завертелась на полу. Мне потребовалась добрая доля секунды для того, чтобы понять, что это такое. Продолговатый цилиндр длиной не менее тридцати сантиметров был сработан из грубого металла, с поверхностью, испещренной трещинами и ржавыми потеками. Очевидно, ее и носить-то с собой было небезопасно, не говоря уже о попытках применения. Тем не менее мои гости явно надеялись на убойный эффект своего детища. Я не стал их разочаровывать, и через мгновение подарок вылетел из окна в ту сторону, откуда прибыл. Послышался вполне внушительный «бабах», сопровождающийся криками боли и руганью. Кажется, голосили двое. Проблема состояла в том, что снаружи их окопалось куда больше.

Я с унынием оглядел свое убежище. Нас загнали в давно заброшенный город, оставленный жителями на заре создания местного производственного центра. Время от времени его использовали как военную базу различные группировки, и поселение переходило из рук в руки отнюдь не мирным путем, о чем свидетельствовали многочисленные следы от пуль на стенах, частично разрушенные фасады и воронки от гранат и снарядов на улицах.

Добежали мы сюда из отчаяния, поскольку не видели шансов скрыться от конной погони в местном редколесье. Стрелял я неплохо, и количество врагов сократилось на треть. Но в пистолете оставалась последняя обойма, уже опустошенная наполовину, а Маркус, стрелявший чаще, но попадавший реже, и вовсе почти лишился патронов. Шериф прятался в смежной комнате, контролируя заднюю стену. С его стороны перед домишком, в котором мы укрылись, простирался большой пустырь, а идти в лобовую противник не решался, окружив нашу позицию по периметру. Помимо пистолетов у мерзавцев имелся десяток винтовок, оснащенных оптикой, так что высунуться из окон было невозможно без риска стать жертвой снайпера.

Результат эксперимента с гранатой вызвал приступ задумчивости в стане врага, и над улицей повисла тишина. Мне тоже не мешало подумать о том, как же мы оказались в подобной ситуации.

Не получив ожидаемой помощи от Джамбо, Маркус принял решение навестить местных шерифов с профессиональным визитом вежливости. Идея засветиться даже перед своими не приводила его в восторг, но лишь они могли навести на передатчики, способные пробить глушилки вокруг острова. О том, чтобы сопровождать его, и речи не шло, так что мне пришлось несколько часов наслаждаться интерьером жилища Джамбо — весьма сомнительное удовольствие как с точки зрения визуальных, так и обонятельных ощущений.

Вернулся шериф мрачнее тучи. Выяснилось, что последнее время кланы устраняли конкурентов, и делали это крайне эффективно. В близлежащих районах из десятка известных частных умельцев не осталось ни одного. Кто-то, как Джамбо, предпочел сбить свое добро по сходной цене, кто-то перебрался в другие части острова, а кого-то нашли с переломанными руками и ногами в собственных домах в гряде раскрошенных деталей.

Теперь, чтобы получить помощь, нам предстояло преодолеть несколько сотен километров

пути на север. По прикидкам Маркуса, в пешем режиме это заняло бы не меньше недели, что означало полную утрату преимущества во времени. Каждый час на острове увеличивал шансы того, что нас обнаружит неизвестный враг, умеющий оперативно мобилизовать ударные отряды в самых разных точках планеты. На лошадях мы бы добрались быстрее, но неспешное передвижение по дорогам делало нас отличными мишенями.

В Саутленде и окрестностях имелись три автомобиля, работающих на солнечных батареях и способных развивать на полуразрушенных дорогах скорость в пятьдесят — шестьдесят километров в час. Один из них находился в пользовании магистрата, который, по словам знакомых Маркуса, ни за что не согласится одолжить его для такой авантюры, как поездка шерифа в Главный город. Два других принадлежали главарям мелких банд, базирующихся неподалеку. Увы, офицеры гвардии смогли наскрести лишь несколько серебряных монет из своих коллекций, так что приобрести благосклонность бандитов нам было не на что. Помимо Мадагаскара и Опенгейта, наличность на планете давно не использовалась. Тем более наличность из драгметаллов.

Закончив обсуждение, мы с Маркусом грустно посмотрели друг на друга. Возвращение откладывалось на неопределенный срок, что не сулило нам ничего хорошего. Ни здесь, ни в Спейстауне, где политическая ситуация за неделю могла измениться коренным образом. Но кроме пешей прогулки вариантов не было. Шериф отправил Джамбо на рынок с парой монет разжиться провиантом, а по возвращении потребовал предоставить нам ночлег. Тот нехотя согласился, и ранним утром следующего дня мы уже маршировали вдоль дороги, ведущей в глубь острова, таща на спинах запас еды, достаточный для недельного путешествия.

Не сказать, чтобы от рюкзаков в итоге не оказалось никакого проку. Первая пуля, выпущенная с нескольких сотен метров, угодила в сочный окорок, сохранив Маркусу наверняка ценную для него часть позвоночника. Я не видел нападавших, но глухой удар о поклажу попутчика заставил меня резко нырнуть вправо, чтобы через долю секунды услышать свист пары пуль, пролетевших там, где недавно находилась моя голова. Действовали мы почти синхронно и, скинув рюкзаки, бросились в ближайшую лесопосадку. За спинами послышались гиканье и топот копыт — вдогонку ринулся отряд всадников. Но стрельба на скаку — дело вообще не легкое, и я не заметил, чтобы нападающие в нем преуспели. Пули свистели на расстоянии, изредка откалывая куски коры от стволов деревьев.

Я развил очень приличную для человека скорость и, возможно, даже сумел бы оторваться от конников на пересеченной местности. Но Маркусу такой темп оказался не по силам, и вскоре он стал заметно отставать. Когда от преследователей его отделяло менее сотни метров, я резко остановился и, развернувшись, открыл огонь. Они потеряли пятерых всадников за пару секунд, а остальные ринулись врассыпную, прячась за стволами деревьев. Задыхающийся старик догнал меня, и мы продолжили путь легкой трусцой, пока противник обходил нас с флангов, пытаясь взять в кольцо.

Когда они приближались, я начинал стрелять, постепенно доведя счет потерь врагов до десятка. Маркус тоже палил почем зря, но мог похвастать лишь парой попаданий. Зато он знал местность, и теперь мы находились под защитой стен. Впрочем, назвать наше положение выигрышным было сложно. К конному авангарду присоединились пешие стрелки, так что, несмотря на полтора десятка выведенных из строя бандитов, мы до сих пор находились в окружении тридцати-сорока неплохо вооруженных подонков. Более того, они могли вызвать подкрепление, что практически обнуляло наши шансы на выживание.

Нам же по-прежнему рассчитывать было не на кого. По словам Маркуса, в этом районе находилось несколько ферм, но их обитатели не стали бы вмешиваться в конфликт со стрельбой. Сообщить они о нашем положении шерифам — те могли созвать свое ополчение, которое неизбежно опоздало бы. Но о том, что мы шерифы, знали только атакующие. Во всяком случае, вряд ли штурмовой отряд «Кающихся черепов» ни с того ни с сего решил пристрелить двух мирных путников на сельской дороге. У меня были проблемы с верой в карму.

Солнце уже клонилось к закату, а противник не спешил приступать к активным действиям. Я слышал, как они осторожно ходят за заборами и близлежащими строениями, но было похоже, что перед ними поставлена лишь задача по удержанию периметра. Насчитав на слух не более двадцати бойцов, я предположил, что остальные отдыхают, чтобы составить ночную смену. Поведение Черепов свидетельствовало об одном — они ждут подкрепления.

Это не могло меня устроить, и я не намеревался пускать ситуацию на самотек. Счет шел на

часы, но рисковать, поспешив, мне не хотелось. Я сидел у окна, тщательно вслушиваясь в тишину. Солнце село достаточно рано, и пересменок пока не произошел. Двадцать три часа. Метрах в восьмидесяти от меня уставший караул грубо, но действенно расталкивал спящих, определенных в ночную стражу. Те, недовольно ругаясь, расползались по периметру, занимая позиции, защищенные от пуль из нашего домика. Освобожденные от службы делали именно то, что и любая шпана в их ситуации, — напивались, играли в карты, травили непристойные байки о женщинах и о своих вымышленных подвигах.

Основной лагерь, укрытый от меня несколькими стенами, находился слишком далеко для того, чтобы разобрать все сказанное, но после часа выслушивания различного бреда я узнал то, что хотел. Ночью они действительно ждали подкрепления во главе с лидером «Кающихся черепов», так что стоило готовиться к весьма представительной делегации.

Время шло к двум часам, когда разговоры в лагере затихли, сменившись храпом. Судя по сладкому посапыванию как минимум в четырех точках периметра, многие стражи также предпочли отдых долгу. Я не мог их винить — все равно из выбранных укрытий ничего не было видно без риска получить мою пулю. Это они усвоили в самом начале осады, когда я пристрелил номера одиннадцать. Что ж, наше время было на исходе — мое и их. На диск полной луны очень кстати напозла внушительная туча, покрыв мраком город-призрак. Я неслышно поднялся на полуразрушенный третий этаж.

Некогда это была добротная каменная конструкция, не чета пластиковым сооружениям Саутленда. Время и чьи-то снаряды не пощадили крышу, открывая вид на иссиня-черное небо, сейчас лишенное звезд. Я аккуратно высунулся, осмотрев окрестности. Стража неплохо спряталась — я не видел их и отсюда. Но и они не могли видеть меня. Отойдя чуть назад, я практически без разбега прыгнул. Тело не подвело, и я приземлился за забором в паре десятков метров от дома. Удар конечно же пришелся на сломанную ногу, но боль была терпима. На мгновение я замер, прислушиваясь. Мои акробатические упражнения никого не заинтересовали. Ладно, дело есть дело.

Первый найденный мною не спал, но и не проявлял достаточной осмотрительности в карауле, раскуривая самокрутку со свайксом. Бесшумно подойдя сзади, я какое-то мгновение колебался, после чего уже апробированным движением свернул ему шею. Раз. Второй дремал и отправился на встречу со своим богом, ничего не почувствовав.

Когда в моих руках обмякло теплое тело, я уже чувствовал себя как в дурном сне. Пять лет в академии, десять лет службы законником — во что я превращаюсь? Трое черано, розовоглазый, варамайи на Мальте, пятеро Черепов на пляже и уже два десятка после него — я мог найти оправдание каждому из этих убийств, но куда это меня заведет? Я убеждал себя в том, что все происходящее — лишь самооборона, но теперь ясно видел, как изменился за последние три месяца. Мне это нравилось. Я был сильнее и быстрее их. Я знал, что могу убивать их десятками безнаказанно, тем более здесь, на Мадагаскаре. И вовсе не потому, что они пытались убить меня. Подонки заслуживали смерти. Того, чтобы на мгновения ощутить себя такими же беспомощными, как и все их прошлые жертвы.

Занимаясь таким серьезным делом, как лишение жизни своих ближних, не стоит отвлекаться и забивать себе голову невеселыми псевдофилософскими мыслями. Я остро осознал это, скользнув за очередной забор, где, по моим расчетам, притаился шестой караульный. Его там не было. Пару секунд я паялся на примятую траву между камней, пока не услышал за спиной щелчок затвора. Выстрела не последовало, и я медленно обернулся.

Он стоял в двух метрах, целясь мне в грудь. Приклад плотно прижат к плечу, глаза спокойны и холодны. Здоровенный малый, черный как смоль, он напомнил мне моего приятеля Нгубо. Оружие было в прекрасном состоянии, насколько я мог судить — какая-то снайперская винтовка начала двадцать первого века. Я не замечал в нем каких-либо признаков страха, но стрелять гигант не торопился. Конструкция винтовки требовала досыл патрона, и он понимал, что в случае промаха времени на перезарядку у него не будет.

Шанс выстрелить мне в спину он почему-то упустил, а я не сомневался, что успею уклониться от пули, а потом пристрелить его из болтающегося в кобуре пистолета. Вот только поведение бойца меня озадачивало. Пауза затянулась на добрых пять секунд, и я несколько раздраженно спросил:

— Ну?

Мой противник отступил на шаг, увеличив расстояние между нами, и предложил:

— Ты первый.

Мне нравились его наглость и спокойствие на фоне того, что я только что сделал с его товарищами, но я не видел у него шансов.

Выхватывая пистолет, я метнулся вправо. Грохнул винтовочный выстрел, и левую руку обожгло болью. Надо же, попал, мерзавец. Посылая две пули в его сторону, я с изумлением увидел, как они ушли в молоко — передо мной больше никого не было. В лагере, слышав стрельбу, заголосили проснувшиеся бандиты. Его пуля лишь оцарапала предплечье, но в отличие от многих товарищей парень с винтовкой явно умел ею пользоваться, и план побега был сорван.

Шериф ждал меня с недовольно-растерянным лицом. Я не стал предупреждать его о своей миссии, надеясь, что здравомыслие удержит законника в стенах дома. Ну, я не ошибся.

— Какого черта там происходит? — прошипел старик, увидев меня. — Ты там чем занимался? Совсем рехнулся?

— Уменьшал размеры проблемы, — пробормотал я. — Но нужно придумать способ выбраться, пока сюда не подтянулись основные силы.

— Основные си... — Метрах в пятистах к югу громко ударил барабан, прервав шерифа на полуслове.

Через секунду ему ответил собрат на востоке, а следом включились север и запад. Лес вокруг города наполнился криками множества голосов и озарился факелами. Быстро насчитав сотни три, я бросил это занятие. Я ожидал, что босс «Кающихся черепов» придет с большой свитой. Этот подонок привел всю свою армию.

Глава 10

Я не совсем понимал, чего они ждут. Отряд прибыл четыре часа назад, и уже давно стало достаточно светло для атаки. Но они лишь укрепили периметр, расставив вокруг нас две сотни бойцов, в то время как остальные разбивали лагерь. Возможно, после вчерашнего нас хотели не просто убить, а скальпировать, или изжарить живьем, а потом съесть. Я мало что знал о местных нравах, да и у Маркуса никаких ценных идей не обнаружилось.

Длительную осаду, где мы становимся жертвами жажды и голода, я себе не представлял. Над островом минимум раз в день проходил дождь. Из еды остались питательные батончики, но их можно растянуть надолго.

— Эй, шерифы, — неожиданно заорал низкий голос из-за одного из ближайших домов. — Сдавайтесь. Вы убили кучу братьев, но о ваших подвигах никто не узнает. Нас слишком много, ваши штучки больше не пройдут. Выходите сейчас, и я обещаю вам быструю смерть. Мы похороним вас, как подобает воинам. Я, Кай Вурсо, вождь «Кающихся черепов», обещаю вам это, да будет мне Христос свидетель.

Призыв Мессии в свидетели несправедного убийства показался мне несколько противоречащим всему, что я знал о христианстве, но время было неподходящим для теологических диспутов.

— Я, шериф Эрик Смайт, — не менее пафосно, хотя и на более высоких нотах, заголосил в ответ я, представившись именем согласно разработанной легенде о родстве с Маркусом, — вызываю тебя, Кай Вурсо, на честный бой. Выходи драться один на один с любым оружием, если ты мужчина. Это предписывает тебе твоя Библия и твоя честь. Прими вызов или умри трусом перед глазами твоих товарищей.

Что предписывает Библия, я понятия не имел, поскольку никогда ее не читал. Тем не менее, как следовало из дореформаторских книг, апеллирование к мужскому началу всегда должно иметь успех в бандитской среде. Впрочем, грустный взгляд Маркуса подсказал мне, что я, вероятно, заблуждаюсь.

— Ты что, шериф, совсем дурак? — озадаченно ответил мне голос вожака после некоторой паузы. — С какой стати мне драться с тобой один на один? Ты на пляже уложил пять моих людей за раз. Думаешь, я совсем из ума выжил? Даю вам пятнадцать минут на раздумье. После этого мы вас изжарим, а это очень неприятная смерть.

Ну вот оно. В нескольких точках вокруг нас зажглись факелы, и я уловил слабый запах какой-то горючей смеси. Оказывается, предыдущие часы шайка занималась изготовлением напалма, который боялась перевозить в готовом виде. Смерть, действительно, представлялась неприятной. И несвоевременной. Как и любая смерть от рук шайки дикарей. Нужен новый план. Правда, я думал о нем последние четыре часа и не слишком преуспел. Допустим, я мог бы повторить свои акробатические упражнения и запрыгнуть за периметр. Там, с божьей помощью

или без оной, в рукопашной ли или при помощи пистолета, мне удалось бы лишить жизни десяток-другой Черепов. Многовато «бы» и «если», а результат один — геройская смерть от пуль или мачете. Потом, что делать с Маркусом? Пока я буду развлекаться, его точно поджарят.

Часы на руке тихо пискнули, возвещая окончание отведенного нам времени. Округу вновь огласили дикие вопли и барабанные дробы. Ну что за люди, никакого христианского милосердия.

— Ваше время вышло! — заорал мой приятель Кай. — Пора умирать!

Я засек его позицию и уже определил главаря как свою главную цель. Может, если удастся его прикончить, остальные ступают. Только я изготовился к прыжку, как в воздух взлетел пяток бочек с зажженными фитилями. Запущенные с каких-то метательных устройств снаряды выглядели внушительно, но несколько патронов у меня еще осталось.

Особенно удачно получилось с первыми двумя — пули взорвали их на взлете, и огненное облако накрыло позиции метателей. Жуткие вопли прозвучали музыкой в моих ушах. Две бочки рванули в воздухе на полпути, никому не причинив вреда, а вот пятая почти достигла цели, поскольку находилась в слепой зоне, и мне пришлось прыжком сменить позицию, чтобы подстрелить ее прежде, чем она врежется в крышу. Долети она — наверняка выжгла бы наше убежище дотла, а так лишь опалила верхний этаж, устроив небольшой костер над нами.

Со стороны это наверняка казалось прямым попаданием, и ликующая орда бандитов высыпала из своих укрытий, чтобы полюбоваться зрелищем поверженного врага. Меня интересовал только один субъект, и спустя некоторое время он тоже выполз на видное место, окруженный свитой из десятка прихлебателей. Я отчетливо видел его в щель в стене — двухметровый варамай с мышцами культуриста, весь увешанный побрякушками, в богато отделанных кожаных штанах и с голым торсом, заменяющим боевое облачение. Метров шестьдесят. Вот и славно — у меня еще целых пять патронов, и прыгать не нужно. Я вставил в щель пистолет и не спеша прицелился — обзор был ограничен, а промахнуться я не хотел.

Откуда-то сбоку ударила пулеметная очередь, и тело почтенного Кая Вурсо в мгновение ока оказалось растерзано на десятки кусков, как и тела всей его свиты, попавшей под первый залп. Разобравшись с руководством, адская машина бог весть какого калибра продолжала палить по Черепам, прошивая насквозь каменную кладку строений и оград, за которыми те пытались укрываться. К первому орудию присоединились еще два, с других сторон. Я швырнул Маркуса вниз и прыгнул следом на первый этаж, вжавшись в землю. Пулеметы молотили без разбору, постепенно превращая стены над нами в сито.

Снаружи бушевал бой. На фоне пулеметов звучала канонада беспорядочных винтовочных и пистолетных выстрелов, раздавалось несколько взрывов. Кто побеждал, видно нам не было, но пулеметы не умолкали — похоже, их хозяева контролировали ход схватки и не испытывали недостатка в боеприпасах. Минут через пять сеющие смерть орудия, как по команде, разом отключились, передав площадку команде по зачистке. Следующие четверть часа раздавались лишь одиночные выстрелы, периодически сопровождаемые криками и мольбами о пощаде. Пощады не получал никто.

Выстрелы прекратились, но я слышал, как за стенами снуют несколько десятков нападавших. Насколько я мог судить, теперь их задачей стал сбор трупов. Самое время подумать о том, что делать дальше. Можно попробовать отлежаться, надеясь, что нас не заметят. Или окликнуть нежданных спасителей и представиться. Они явно не были дружны с Черепами и могли иметь предубеждение против убийства шерифов. А могли, напротив, с радостью избавиться от парочки свидетелей. Даже на Мадагаскаре уничтожение банды из нескольких сотен членов вряд ли являлось рядовым событием. Черепам покровительствовал один из старших кланов, и нападение попахивало большой войной.

— Шериф Смайт, — прогудел низкий голос за стеной дома. — Шериф, вы живы? Выходите, вы в безопасности.

Прекрасно, мне уже надоело принимать сложные решения. Приятно, когда это делают за тебя.

Им стоило учредить Дорожную службу или какой-нибудь департамент транспорта, как в мегаполисах. Некогда ровное покрытие было изрыто огромным количеством ям и выбоин, и каждые пару секунд меня подкидывало сантиметров на десять в воздух. Не сказать, чтобы конвой двигался быстро — попытка сделать более пятидесяти-шестидесяти километров в час на местной трассе означала неизбежную аварию. Я подумал, что лучше бы нас посадили в один из броневиков, а не в командный джип, но не стал оспаривать статус почетных гостей.

Колесный танк, вооруженный крупнокалиберным пулеметом, возглавлял колонну, за ним следовали два джипа, в первом из которых передвигался командор Фрэнк Тутс, руководивший спасательной операцией, а во втором — изрядно помятые и перепачканные шерифы в моем и Маркуса лице. За нами тащился грузовик с командос, а замыкали процессию два броневика. При виде нас селяне со своими телегами испуганно жались к обочине, а немногочисленные конные и пешие патрули мелких банд спешили скрыться в подлеске. На всех машинах гордо реял голубой флаг с золотистой буквой «М» на фоне красной цифры «24». Итак, мы превратились то ли в гостей, то ли в пленников Цезаря Корса, Восьмого барона Мадагаскара.

По мере продвижения к центру острова покрытие улучшалось, а скорость колонны увеличивалась. Последний час прошел почти безболезненно для моей спины, а унылый ландшафт сельскохозяйственных угодий сменился более веселыми зелеными полями, украшенными многочисленными искусственными озерами, на берегах которых расположились добротные двух- и трехэтажные каменные домишки, окруженные внушительными заборами.

— Это поместья знати, — проорал мне в ухо Маркус, заметив, как я завистливо разглядываю идиллические строения, как будто сошедшие с полотен дореформаторских художников. — Здесь живут высшие командиры кланов, богатые торговцы и ремесленники. Уже близко.

Мы направлялись в Главный город, бывшую конгломерацию местного производственного центра, а ныне столицу острова. Остальные поселения подобного рода уничтожили сотни лет назад, и, несмотря на то что на уроках истории нам показывали немало роликов старых хроник, при виде открывшегося зрелища с трудом смог скрыть свои эмоции. Анклав окружала стена добрых тридцати метров высотой. Сооружение подвергалось многочисленным штоккам, и редкие участки сохранили однородность. Тем не менее стена поддерживалась в отличном состоянии, через каждые полкилометра виднелись солидного вида сторожевые башни, над которыми реяли гигантские флаги.

Полоса отчуждения перед стеной занимала не менее двухсот метров, заканчиваясь заполненным водой рвом метров пятидесяти в ширину. С наружной стороны рва шла широкая дорога — грунтовая, но сделанная на совесть. Достигнув ее, наш кортеж резко повернул налево и понесся вдоль стены. На ближайших башнях красовались зеленые флаги «Воинов джихада». Я знал, что город территориально поделен между четырьмя кланами, и, хотя войн между ними сейчас не шло, въезд через ворота потенциального противника, очевидно, являлся признаком дурного тона.

По населению столица Мадагаскара значительно уступала современным мегаполисам, но площадь занимала не меньшую. Мы неслись по окружной дороге уже минут двадцать, зеленые флаги сменились знаменами «Красных моголов», и только. Наконец вдали замелькали знакомые голубые стяги, и конвой свернул к ближайшей дружественной башне, беспрепятственно проскочив в гостеприимно распахнутые ворота. Внутри город производил смешанное впечатление. Строители производственных центров отказались от небоскребов, сделав упор на безликие серые пятнадцатизэтажные квадратные здания, каждое из которых вмещало до десяти тысяч таких же безликих варамай, уютившихся в маленьких каморках по несколько квадратных метров, с общими туалетами и душевыми на этажах. Подобных муравейников в городе были сотни, что не добавляло ему живописности.

Но ближе к центру картина менялась. Появлялись внушительного вида административные здания, ряды живописных домиков старейшин на берегах облицованных плиткой каналов. Город строился по принципу лучевых проспектов, сходящихся у огромной центральной площади и пересекаемых улицами, образующими гигантские сквозные окружности. Нейтральный центр не являлся целью конвоя, и, углубившись в город на пару километров, мы свернули к величественному дворцу, имитирующему то ли древнегреческий, то ли древнеримский стиль с его огромными колоннами и статуями диковинных зверей под ними. Гарпии, горгульи, грифоны, минотавры, русалки — какой-то безумный архитектор намешал здесь все, что мог почерпнуть из мифологии. Замок, по сути, находился на острове, отгороженном от остального города каналами. На крыше, естественно, гордо реял голубой стяг.

Подъемные мосты к резиденции барона были опущены, но у каждого толпился пяток бойцов в униформе из черной кожи с вышитым гербом хозяина острова и бронезилетах, скорее всего, позаимствованных у уничтоженной полиции производственного центра — большинство из них выглядели древними и много раз латанными. Современный пневмопистолет прошивал подобную защиту насквозь, но против громоздких стреляющих конструкций, популярных на

острове, они годились. У каждого расчета имелось что-то вроде небольшой пушки на лафете. Орудия выглядели самодельными и наверняка были собраны местными умельцами уже после получения островом независимости. На территории дворца также расположились два броневика — близнецы тех, что выручили нас несколько часов назад.

Джипы направились прямо к центральному входу, а остальной конвой — куда-то направо, огибая здание. Как только машины остановились, я с наслаждением выполз наружу, не дожидаясь приглашения. Гостей никто не встречал, а командор Тутс, не проявляя особого интереса к нашим персонам, громко инструктировал своего адъютанта относительно меню праздничного ужина, который он намеревался устроить сегодня же вечером по поводу своей блестящей победы над шавками с юга. Хм, похоже, операция по ликвидации «Кающихся черепов» отнюдь не носила грифа «секретно».

Мы стояли на ступеньках, не понимая, что последует дальше. Солдаты барона слегка косились на нас, снуя вокруг, но в разговоры вступать избегали. Наконец из дверей появился худошавый субъект лет сорока, на носу которого красовались самые настоящие очки, невиданные в прочих частях Земли уже сотни лет, и приветственно замахал нам. В отличие от солдат, большинство из которых ожидаемо составляли варамайи и черные, встречающий был белокож и светловолос, а кожаной униформе предпочитал хлопковые брюки и рубашку.

— Я Томас Грей, — представился очкарик. — Руководитель администрации барона. Добро пожаловать в Главный город. Вижу, наши ребята подросли вовремя и вы не пострадали... ну, почти. — Он мельком взглянул на наши чумазные лица, повязки, украшающие мою ногу и руку, и продолжил: — Им пришлось гнать всю ночь. Но хорошо, что трусливые собаки не решились атаковать вас, пока не соберется вся банда. Барон остался бы недоволен, не сумеют наши люди вас спасти.

Подручный владыки острова сокрушенно покачал головой, намекая на то, что последствия для вызвавших недовольство его босса обычно весьма печальны. Я начал понимать, почему командор Тутс решил закатить вечеринку с обилием спиртного. Возможно, вернись он без нас, вместо праздничного пира его родичам и друзьям пришлось бы организовывать поминальный. Мы не успели толком пообщаться, лишь проблевав «спасибо». Как только все трупы Черепов собрали и подпалили их собственным горючим зельем, конвой унесся с места схватки. Пленных бойцы барона не брали, а значит, некому было рассказать о моих подвигах. Может, к лучшему. Я и без того не понимал, чем вызван столь пристальный интерес к нашим персонам. Или откуда барон вообще знает о моем существовании.

Мы проследовали за мистером Греем внутрь. В здании имелись лифты, но поднимались мы по широким мраморным лестницам, устланным коврами из натуральной шерсти. Нас вели куда-то наверх, и в районе десятого этажа я уже начал сочувствовать нашему сопровождающему — оставалось надеяться, что барон принимал гостей подобным образом не каждый день. Впрочем, Грей не демонстрировал каких-либо признаков усталости, в отличие от Маркуса, который после бессонной ночи и многочасовой тряски в джипе был бледен как полотно.

Наконец внезапно остановившись возле какой-то ничем не примечательной двери, Грей резко постучал. Нам открыла юная и привлекательная темнокожая особа, гостеприимно улыбнувшаяся при виде наперсника барона. Тот не стал тратить время на приветствия и сухо скомандовал:

— Майра, это шериф Маркус Смайт. Шерифу нужна горячая ванна, достойный ужин и отдых. Шериф, прошу вас.

— Я не оставлю Эрика, — вяло ощерился Маркус. — Мы пойдем вместе.

— Сейчас барон желает видеть только его, — бесстрастно констатировал Грей. — Вам следует отдохнуть, вы плохо выглядите. С бароном вы уже знакомы, можете поговорить и завтра. Обещаю, вас примут. Прощу вас.

Шериф с сомнением посмотрел на меня. Я кивнул — препираться было бессмысленно. Если хозяин дворца желает посекретничать — я только «за». Оказывается, никого не зная на острове, я успел стать популярным среди его владык. Что весьма кстати, поскольку наличие у барона средств связи с Большой землей не вызывало сомнений. Если разговор сложится, уже завтра мы попадем в Спейстаун. Конечно, оставалась возможность, что наш спаситель состоит в сговоре с загадочной ложей и готовится продать нас ее представителям, но тогда непонятно, зачем же потребовалось прилагать столько усилий для нашего спасения. Маркус крепко пожал мне руку и скрылся в сопровождении прислуги.

Мы поднялись еще на два этажа. Лестницу на последний преграждала стальная плита, а

количество охранников увеличилось в разы. Очередной длинный коридор привел нас к тяжелым массивным дверям, богато украшенным искусной резьбой с гербом барона в центре. Грей позвонил в колокольчик, и одна из створок распахнулась. После встречи с Майрой я почему-то ожидал, что по ту сторону нас будет ждать длинноногая красавица с ослепительной улыбкой. Однако открыл нам огромный негр весьма недружелюбного вида, вооруженный аж четырьмя пистолетами, два из которых покоились в кобурах на поясе, а два — в наплечных. Я не заметил у него пары лишних рук, которая позволила бы воспользоваться всеми наличными орудиями смерти одновременно, но зрелище, конечно, впечатляло.

Грей протиснулся мимо здоровяка, не обращая на того никакого внимания, я уверенно направился следом. В приемной ютились еще трое громил, не вставших с кресел при нашем появлении. Увешанные оружием с ног до головы, все трое смотрели на манер голодных доберманов. В следующем зале мой взор наконец усладили две вполне привлекательных особы, с сосредоточенным видом что-то печатающие на кустарного вида панелях. Грей шикнул, и одна из девиц незамедлительно нажала кнопку коммуникатора, не иначе двадцать первого века производства, громко возвестив: «Мистер Грей и его спутник». Динамик прокашлял что-то невразумительное в ответ, и глава администрации распахнул следующую дверь.

Рабочий кабинет барона занимал более сотни квадратных метров тщательно отполированного деревянного паркета, тут и там устланного коврами из шерсти, искусно сотканными мастерами разных культур и эпох. На стенах картины, в основном неплохо выполненные пейзажи. Позолоченная мебель. Ну и, разумеется, вездесущий стол из красного дерева в противоположном от входа конце комнаты.

За столом восседал величественного вида седовласый старик, насмешливо плящущийся на меня пронзительно-голубыми глазами на лице, лишенном каких-либо следов загара. С виду хозяин давно отпраздновал восьмидесятилетие, но впечатления, что он одной ногой в могиле, не создавалось. У меня снова возникло неприятное ощущение дежавю. При встрече с протектором мое внимание куда больше занимал шайн, нежели Брайсворт. Сейчас я столкнулся с похожим эффектом.

По правую руку от барона, расставив ноги на ширине плеч и скрестив руки за спиной, неподвижно стоял черный негодяй, чуть не пристреливший меня накануне. От украшения в виде креста с черепом он избавился и теперь был затянут в черную кожаную форму местной солдатни. Количество золотистых нашивок на рукаве, судя по всему, свидетельствовало о каком-то высоком звании.

Как ни странно, на входе никто не предложил мне сдать пистолет. В нем оставалось всего пять патронов, но, по моим представлениям, этого должно было хватить на всех находившихся в комнате.

— Расслабьтесь. — Старик довольно ехидно ухмыльнулся. — Вижу, вы не забыли вашего друга Авраама. Он вас тоже. Мир? Виски, бренди, коньяк?

— Этот тип чуть не пристрелил меня, — охотно наябедничал я. — По какой-то причине я не чувствую себя в безопасности в одном помещении с ним. И пить с ним не хочу.

— А он и не будет, он на службе, — радостно возвестил хозяин. — Пить вы будете со мной. — Жестом руки барон отослал из кабинета Грея, аккуратно прикрывшего за собой тяжелую дверь, и поставил на стол бутылку угрожающе древнего вида.

Я счел, что мое положение недостаточно прочно для того, чтобы отказываться от знаков внимания столь влиятельной персоны, и уселся в кресло напротив старика. Тот плеснул немного темно-коричневого зелья себе, затем мне и поднял стакан, намереваясь произнести тост:

— Итак, за вас.

Стаканы дзинькнули, соприкоснувшись.

— За вас, *Невидимый*.

Скотч застрял в горле, а рука нырнула вниз, к кобуре. Я полагал, что чертовски быстр, и уже не раз доказал это себе на протяжении последних месяцев. Но за ту долю секунды, что мои пальцы тянулись к оружию, сознание зафиксировало дуло пистолета, смотрящего мне прямо в лицо. Мозг отдал команду «отбой» рефлексам, и я замер, неловко обмякнув в кресле. Авраам с некоторым сожалением посмотрел мне в глаза и перевел вопросительный взгляд на босса. Тот раздраженно кивнул, и пистолет исчез так же быстро, как и появился.

— Как вы можете убедиться, — барон был явно раздосадован началом беседы, —

полковник Стокс мог без труда лишить вас жизни несколько часов назад, но не собирался этого делать. Собственно, вы живы именно благодаря ему. Ради вашего спасения нам пришлось прервать достаточно сложную операцию по внедрению и вырезать целую банду идиотов. Что, скорее всего, приведет к войне в ближайшие сорок восемь часов.

— Два месяца, — процедил полковник, который с виду был младше меня года на три. — Два месяца с этими животными.

Старик устало посмотрел на него:

— Да, два месяца, Авраам. И я уверен, что в твоей жизни, если мы доживем до конца недели, будет еще немало впустую потраченного времени и разочарований. Как это было в моей. Мудрость в том, чтобы оставлять подобные моменты позади и извлекать уроки. Во всяком случае, я утешаю себя именно этим.

— Где вы это слышали? — Барон внезапно обратился ко мне. — Она не собиралась вам говорить.

Насколько я знал, у нас имелась лишь одна общая знакомая, хотя то, что моя скромная особа была предметом неких обсуждений между ней и хозяином Мадагаскара, стало очередной новостью. Я не понимал, на чьей стороне старик, но тайны и загадки изрядно мне надоели.

— Меня так называли занятные розовоглазые инопланетники. Перед тем как попытались убить в Спейстауне.

Теперь уже я мог наслаждаться произведенным эффектом. Глаза барона практически вылезли на лоб, а у его подручного, наоборот, сузились до состояния двух щелочек.

— Разрушители здесь, на Земле? В Спейстауне? — Старик горестно вздохнул и печально посмотрел на полковника. — Кажется, мы неправильно оценили ситуацию. Все гораздо, гораздо хуже. А мы не готовы. Еще бы пара месяцев...

Мысли человека в униформе, похоже, были достаточно далеко от стратегического планирования:

— Ты убил Разрушителя? Как?

Мне даже послышался намек на уважение в его голосе.

— Свернул шею, — небрежно сказал я. Страсть к правде в итоге возобладала, и я неохотно процедил следом: — Он успел пырнуть меня в плечо и сломать ногу. С ним заявили еще двое, но не стали меня добивать, просто ушли.

— Да-да, — пробормотал барон. — Они хотели убедиться, конечно. Возможно, все не настолько плохо. Это не их война, им просто нравится охотиться на сильных.

— За последние несколько дней меня пытались убить трижды, — несколько агрессивно вклинился я. — Какие-то инопланетники в Спейстауне, выраженные в черных гвардейцев варамайи в Хоуптауне и целая толпа отморозков здесь. То, что вы там сейчас прокручиваете в своем мозгу, наверняка крайне занимательно. Для вас. Мне же хотелось бы понять, что, мать вашу, происходит. Вопросы у меня самые несложные. Кто такие эти Разрушители? Если уж на то пошло — кто такие шайны? Почему-то мне кажется, что вы знаете. И вы-то сам кто? Понятия не имею, чем вы здесь занимаетесь, но точно не управляете разудалой бандой и не собираете предметы искусства. Какого черта от вас нужно было Даниэль? Кто ее убил? Кто такой ее дядюшка Маркус и Совет, на который он работает? И что за треклятую Книгу вы прячете? Даниэль хотела, чтобы я ее у вас выкрал, невзирая на жертвы. А сейчас этой Книгой, знаете ли, очень интересуются протекторат, Совет и шайны — все вместе.

Последней фразой я их определенно достал. Глаза юного полковника вновь превратились в щелочки, а на до того почти благодушном лице барона появилось плохо скрываемое раздражение.

— Много болтаете, — прошипел черный джентльмен. — Что-то вы туповаты для своего рода.

— Зато не хожу в шестерках не пойми у кого и зачем, — вполне логично парировал я. — Вы перебили кучу народу ради моего спасения. Я вам зачем-то нужен. Понятия не имею зачем, но, пока не узнаю, с моей стороны вы никакой информации не получите. У вас там вроде война намечается? Удачи. А мы с Маркусом утром уходим. Надеюсь, успеем убраться до того, как ваш милый домик сровняют с землей.

— У нас нет на это времени. — На сей раз Стокс, или как его там звали на самом деле, обращался к хозяину. — Нужно подготовиться. По одной проблеме за раз. Время для разговоров еще придет. А если мы не справимся, ему знать незачем.

— Ты всегда думаешь о том, что происходит здесь и сейчас, Авраам. И всегда только о себе. — Старик выглядел несколько утомленным, но голос его звучал твердо. — Наша миссия

важней, чем мы сами. Если мы не справимся, кто-то должен будет занять наше место. У тебя есть другие кандидаты? У меня нет.

— Он не готов, — возразил Авраам. — Даже чтобы рассказать, вы готовили меня годы. И годы тренировали. С чего вы взяли, что он захочет пойти нашим путем?

— У нас нет выбора. — Барон уже явно все решил для себя. — Они придут за нами — за всеми нами. Кто-то должен нести дальше знание. Хотя бы знание.

— Да-да, знания вовсе не помешают, — довольно некстати поддакнул я, вызвав очередной яростный взгляд полковника.

— Тебе нужно идти готовиться, — подвел черту под дискуссией хозяин замка, обращаясь к своему подчиненному. — План готов, ты знаешь, что нужно делать. Помни, наша основная цель — агенты. Чем больше мы уничтожим или захватим, тем лучше. Большой войны не было уже десятилетия, надо постараться, чтобы эта закончилась быстро и тихо.

Протеже барона кивнул и, одарив меня последним неприязненным взглядом, исчез за дверью.

— Что ж, юноша, — почти весело сказал человек, известный миру под именем Цезарь Корс. — Давайте поговорим о мироздании. Для этого нам, пожалуй, придется допить эту бутылку.

Глава 11

Старик отхлебнул виски и откинулся в кресле, собираясь с мыслями.

— У меня нет ответа на все ваши вопросы, — наконец сказал он. — Мы точно не знаем, кто нам противостоит. Но они убили Даниэль и пытались убить вас. И, не зная кто, я могу предположить почему. Потому что она нашла вас. А потом нашла и меня. И узнала про Книгу. Вы сейчас спросите, что же такого в этой Книге. Уф. Для этого нам придется перенестись на несколько сотен тысяч лет назад. Да-да, я не оговорился. Задолго до того, как возникла любая из известных цивилизаций. Вы знаете официальную версию истории развития человечества. Считается, что все гуманоиды — потомки одной расы, расселившейся по космосу, но почему-то утратившей древние знания и связь с планетой предков. Что ж, лучшая ложь — это сказка, приправленная правдой.

Хотите узнать кое-что новое о мироздании, юноша? Ну, извольте.

Жила-была раса. Посвященные обычно именуют их Творцами, хотя история знавала и иные имена. Понятия не имею, как они сами себя называли, или сколько лет существовала их цивилизация. Возможно, сотни тысяч. А может, и миллионов. Откуда они взялись? А никто не в курсе, где находится их родина — эта самая Первая планета. Шайны да, знают, но ведь они никогда ничем не делятся, не имея с того выгоды. Выглядели вот они примерно как мы.

Считается, что планета Творцов была небольшой, а населения на ней — немного. Они ведь очень долго жили — одни и те же имена всплывают в летописях с разницей в сотни лет. Творцы были вполне довольны жизнью, занимаясь искусствами и науками. Путешествовали по Галактике, но не стремились к созданию где-либо постоянных баз.

Но потом все изменилось. Когда? Ну откуда нам точно знать когда. Во время своих странствий Творцы столкнулись с Демонами. Да, вот именно так в летописях предки тех и именовали. Демоны не похожи на Творцов или нас. Кто-то писал, что это были разумные пауки, другие — ящеры, третьи — слизни. В общем, нечисть какая-то. Правда, ни одного достоверного свидетельства о том, как выглядел этот враг, не существует. Сохранились обрывочные данные об их кораблях, но не о них самих. Возможно, их никто никогда и не видел.

Началась космическая война рас — до полного уничтожения флота противника и его родной планеты. Творцы вроде бы сами точно не знали, из-за чего возник конфликт. Думали, что это недоразумение. Что появление их разведчиков у своих границ Демоны восприняли как вторжение. Сторонам так и не удалось вступить в переговоры, хотя Творцы пытались. Может, у Демонов такого понятия и не было.

В общем, Демоны сожгли пару кораблей Творцов, и их флот теперь шнырял по всей Галактике, пытаясь отыскать Первую планету. Воевать Творцы то ли отродясь не умели, то ли разучились за сотни тысяч лет. Но речь шла об их выживании как вида, и они принялись за дело. Начали создавать флот звездолетов, предназначенных специально для войны. Здесь они столкнулись с проблемой — автоматизация труда отсутствовала. Напрочь.

— Это у развитой-то цивилизации? — вклинился я. — Покорившей космос?

— Ну, летописцы объясняют это их малой численностью, долголетием, да и качеством

изделий. Живя сотни или тысячи лет в небольшой общине, те предпочитали штучные вещи, служившие им чуть ли не до смерти. «Общество потребления» отсутствовало, как и конвейерные производства. Придумать проект боевого звездолета и собрать опытный образец — легко. А как сделать семь тысяч крейсеров в короткий срок? Да, именно столько упомянуто в летописях о той войне. Каждый требовал экипажа в триста душ. Где найти двести тысяч бойцов в маленькой цивилизации, которая никогда не воевала? Возможно ли вообще послать на смерть соплеменников?

Мы не знаем, как Творцы обсуждали эти вопросы. Не знаем, какие именно варианты рассматривали. Но знаем, какое решение они приняли. Генетические эксперименты проводились ими и раньше. Так вот и появились мы — Созданные, оружие Творцов в их войне, изготовленное в лабораториях. О да — по их образу и подобию. Новые игрушки четко разделили по функционалу.

Фамулы стали простой заменой конвейеру, способной выполнять лишь то, чему их научили, — несложные механические операции, да обслуживание себя и других.

Но обучать глупых фамулов и руководить ими было ниже достоинства Творцов. Тогда появились анцианы — куда более смысленные пастухи стада. Их делали немного, один-два процента от числа Созданных.

Ну и главное — требовались те, кто не знает страха в битве. Их оружием служили звездолеты, потому их сделали не только агрессивными, но и умными. Заложив заодно беспрекословное подчинение авторитетам. Так создали герреров.

— Да уж, неприятные товарищи. — Мне вспомнились рассказы Нгубо о Джарте и свой собственный опыт на аллее в Спейстауне.

— Всех Созданных наградили внешностью Творцов, а также разумом, — продолжил старик. — На этом сходство заканчивалось. Даже анцианы и лучшие из герреров не получили мозгов, хотя бы отдаленно сопоставимых с интеллектом Творцов. Они не могли постичь законы мироздания и лишь пользовались плодами науки и культуры высшей расы. Зато Созданные, в отличие от хозяев, быстро размножались, а их потомство работало уже с двенадцати лет. Но людской век короток, да и дожившие до полусотни лет поначалу просто уничтожались, как бесполезные.

Физически Созданные получились гораздо слабее хозяев, а их организмы — хрупкими и легко разрушаемыми. Творцы были куда сильнее и могли выживать даже после самых тяжелых травм. Есть много упоминаний их сверхспособностей: пирокинез, телекинез, левитация, телепатия. Да, знаю, сейчас сложно сказать, сколько из этого относится к фольклору. Но одна способность точно известна — это Голос. Возможность отдать любой приказ любому Созданному, который тот выполнит бы без колебаний.

Война? Ах да, война. Она длилась столетия. Стороны копили силы, чтобы потом встретиться в крупном сражении. Победа в каждом случае оставалась за Творцами, чьи новые боевые звездолеты оказались куда лучше кораблей Демонов. Но флот врага был велик, и свои потери они возмещали быстро. Разведчики обоих миров рыскали по Галактике, пытаясь найти дом противника. Творцам удалось это первым. Те самые семь тысяч кораблей обрушились на родную планету Демонов, полностью ее уничтожив.

Но следующие века стали началом краха Творцов. Община ученых и художников, где тысячелетия каждый сам заботился о своих нуждах, вдруг обнаружила, как это удобно — иметь рабов. Мы ведь видели все то же самое в миниатюре на примерах наших империй — от Древнего Рима до Британии, не так ли?

Другой причиной, разрушавшей их общество, стал страх. Да, они разбили флот Демонов, уничтожили их планету и те колонии, которые смогли отыскать. Но был ли геноцид полностью успешен? Творцы не сомневались, что какому-то количеству кораблей Демонов удалось скрыться. Не было уверенности и в том, что обнаружены все колонии. Во что Творцы верили, так это в то, что рано или поздно Демоны вернуться, чтобы взыскать должок. Поэтому строительство флота продолжалось. Другой мерой предосторожности стала колонизация, призванная распределить группы Творцов по сотням миров. Так они думали исключить возможность одного фатального удара. А еще новые миры затрудняли для врага обнаружение материнской планеты в море других, населенных Созданными.

— Если так, то они неплохо постарались, — констатировал я. — Нашли и заселили почти каждый пригодный мир. Во всяком случае, планет с полным отсутствием признаков цивилизации обнаружено немного.

— Вы путаете причину и следствие, юноша, — захихикал барон. — Нас веками пичкают

чушь о миллиардах лет эволюции жизни на Земле и других планетах. Уж не знаю, как возникла жизнь на Первой планете, но на остальных ее создали Творцы. И не миллиарды, а несколько десятков тысяч лет назад. Они умели делать атмосферу, наполняли планеты водой и обеспечивали ее круговорот. Населяли сушу и моря тысячами видов животных, создавая экосистемы и пищевые цепочки. Неизменным оставалось одно — нахождение на верху пирамиды Творцов и служивших им Созданных.

Занимал ли этот процесс шесть дней, как в анцианских байках? Полагаю, это преувеличение. Скорее, несколько лет до того, как планета становилась пригодной для приема хозяев. Сколько те создали планет? Никто не знает. Сотни. Или тысячи.

Расселение привело к появлению нового общества. В каждом мире жили всего два-три семейства Творцов. Их сопровождала свита из нескольких тысяч анцианов и герреров, а под ними трудились миллионы фамулов. Так возникло кастовое общество, где боги жили среди своих созданий в замках на вершинах гор.

Текущими делами заправляли анцианские правители, опиравшиеся на войско герреров. Создавалась квазицивилизация, изображающая ложную цель на случай вторжения Демонов. Возводились величественные города, прокладывались дороги. Велось сельское хозяйство для прокорма населения. А еще строились заводы — огромные цеха по сборке звездолетов. Большинство из них консервировали до времен новой войны. Обучить фамула работе на таком заводе много времени не занимало. Ну а поскольку было неясно, пригодятся ли эти навыки данному поколению крепостных, никаких знаний впрок им не передавали. Те и занимались своими посевами, охотой да примитивными ремеслами.

Со временем и анцианы, и герреры утратили доступ к знаниям цивилизации Творцов. В конце концов, чтобы править фамулами, им не требовались летающие лодки или стреляющие устройства сложнее лука. Параллельно шел процесс их замещения на флоте.

— Замещения кем? — Я уже знал, каков будет ответ.

— У них появились новые игрушки — те, кого мы знаем как шайнов, — не обманул моих ожиданий Цезарь. — Улучшенная модификация Созданных. Почти не уступающая Творцам по интеллекту и способная подменять их в важных делах. К тому же владеющая Голосом в отношении Созданных. Новая порода астронавтов, разведчиков, защитников. Была ли эта идея хорошо продумана? Творцы наверняка полагали, что да. Шайнов сделали немного — куда меньше, чем прочих Созданных. Их воспитанием занимались лично Творцы. Реальная сила шайнов сосредоточилась в звездном флоте, где они заняли позиции офицерского состава. Но их создали слишком мало, чтобы полностью заменить герреров. Поэтому обычный экипаж состоял из дюжины офицеров-шайнов и трех сотен наследственных звездолетчиков-герреров, подчинявшихся им. Излишне говорить, что любовь между кланами не сложилась.

Шли века, и началось самое интересное. Шайнам поручили процесс создания планет — так сказать, подготовка «под ключ» до прибытия Творцов. Но поколения рабства не укрепили шайнов в их покорности. Зато создали коктейль из обиды на господ и ненависти к прочим Созданным. В их рядах возникло сектантское движение, быстро набравшее силу и называвшееся «Свой путь».

Собственно, это не было попыткой заговора против Творцов, которых шайны по-прежнему почитали. Просто они считали, что Создатели сбились с пути, тратя время и ресурсы на бесполезные колонизации и разведение низших видов. А заниматься надо модернизацией флота и разведкой тех областей Галактики, куда Творцы избегали летать. Ну а поскольку шайны свято верили в то, что спасти Творцов от нового нападения Демонов могут только они, их также крайне заботили генетические исследования. Повышение рождаемости своего вида, скрещивание с другими расами и все в том же духе. Заниматься подобным в метрополии они не рисковали, а вот новые колонии открывали для них неограниченный доступ к генетическому материалу.

Эксперименты проводились во многих мирах. Фамулы шли под нож тысячами, анцианы и герреры, ответственные за сохранность популяции и имевшие возражения, — тоже. Попутно уничтожались несогласные шайны, которые могли донести о шалостях «Своего пути» Творцам. Чтобы доказать несостоятельность низших видов и заодно скрыть свои эксперименты, шайны подарили человечеству такое изобретение, как эпидемия. Сами они, понятно, отличались устойчивостью к создаваемым паразитам, бактериям и вирусам. Творцов отчеты о массовой гибели населения в новых колониях поначалу не заботили. Все могло быть объяснено недостатками экосистем, которые теперь создавали не сами Творцы, а шайны — существа в их глазах по определению менее совершенные.

Но генетикой исследования шайнов не ограничивались. Раз Творцы не хотели

модернизировать звездолеты, они взяли процесс в свои руки. Так появились «Грозовые облака», ставшие основной шайнского флота. Проблемой стала комплектация экипажей. Заговорщиков было немного, и несколько тысяч из них не могли незаметно исчезнуть, чтобы обслуживать свои корабли. Поэтому они стали активно похищать потомство анцианов и герреров. Детей воспитывали в спартанских условиях, чтобы они служили на «Грозовых облаках». Где базировался мятежный флот? Понятно, что, научившись делать планеты, шайны тайно соорудили себе собственный мир.

В итоге, на момент, когда их занятые шалости вскрылись, добрую треть кораблей Творцов контролировали адепты «Своего пути». И еще у них имелись «Грозовые облака». Нет, восстание не входило в планы шайнов. Но заговор такого масштаба не мог существовать вечно. Рвануло, когда на одной из планет от неизвестной болезни погибли нескольких семейств Творцов. Вирус поразил заодно и большую часть Созданных — но не шайнов. Несчастный случай — белобрысы увлеклись, и какой-то их штамм мутировал. Есть, правда, и более занятая версия. Согласно ей шайны сделали это осознанно, по приказу некоей группы Творцов, имевшей зуб на погибших. Вообще, многие летописцы думали, что «Свой путь» взрастили тайные силы среди самих Творцов. Может, именно те, что стояли за самой идеей создания нового вида слуг. Во всяком случае, это объясняет, как подпольная организация шайнов могла столь разрастись и скрытно существовать десятки лет.

Так или иначе, списать гибель Творцов на ошибки в создании экосистемы не удалось. Хозяева сами провели расследование и установили факт создания искусственного вируса. Причастных шайнов схватили, и существование «Своего пути» перестало быть тайной. Для Создателей ситуация могла иметь лишь одно решение. В конце концов, если вас пытается укусить генетически выведенная вами же собака, в голову первым делом приходит усыпление. На Первой планете начался геноцид шайнов-слуг. Параллельно уничтожались шайны-звездолетчики, а их места занимали сами Творцы — ведь герреры более не имели навыков командования кораблями.

Поначалу процесс проходил достаточно гладко. Но затем в рядах Творцов возникли разногласия. Многие выступили против тотального истребления, предлагая ограничиться казнью заговорщиков. Нет, не из гуманности, а из нежелания брать на себя заботы, давно перепорученные шайнам. Общество Творцов раскололось на три части — сторонников статус-кво, приверженцев геноцида шайнов и радикалов, предлагавших уничтожить вообще всех Созданных.

Раскол перерос в конфликт, споры — в стычки, драки — в убийства, смерти — в гражданскую войну. Разногласия дали шайнам время перегруппироваться. Они объединили флот «Грозовых облаков» и, вступив в союз с той частью Творцов, что поддерживала сохранение их расы, напали на метрополию. Мятежникам не удалось прорвать систему планетарной обороны, и они устроили осаду.

Новая война, на сей раз против собственных созданий, разом покончила с междоусобицами в рядах Творцов. Заговорщиков, поддержавших шайнов, раскрыли и изолировали. Осада продолжалась несколько лет, на протяжении которых ни одна из сторон не могла добиться преимущества. В итоге хозяева и слуги согласовали условия перемирия. Шайны снимали осаду, в обмен на что им позволялось иметь свою цивилизацию на их тайной планете. Тогда они ушли и долго не появлялись в известных частях Галактики. Творцы же вернулись к укладу, существовавшему до их появления.

Но, обжегшись раз, Творцы позаботились о предотвращении нового мятежа. Во время осады хозяева вывели еще один вид Созданных, названный фидатами. Не такие умные, как шайны, но и не глупее анцианов и герреров. Не отличимые от других видов, фидаты предназначались для внедрения в их среду. Зачем? Чтобы противостоять любым попыткам посеять недовольство Творцами или поднять мятеж. Не выделяясь из толпы Созданных, фидаты обладали большой силой и многими способностями Творцов, включая Голос. Тайную полицию распределили по колониям. Пусть фидаты не составляли и доли процента от населения, новая игрушка Творцов оказалась эффективной. Люди, ставившие под сомнение власть Творцов, теперь просто исчезали. Это приписывали фидатам, хотя само их существование долго оставалось слухом для прочих Созданных.

А потом наступил Крах. Причин его Созданные так и не узнали. Все Творцы получили приказ срочно вернуться на материнскую планету. Звездолеты покинули орбиты колоний и не вернулись. Через несколько месяцев мир заполонила черная саранча. Не причинив вреда людям, животным или растениям, она дочиста сожрала все то, что представляло собой суть цивилизации Творцов. Заводы по строительству звездных крейсеров, затем поселения хозяев, их инструменты и

оружие — все, что могло стать материальным свидетельством пребывания Творцов на планете.

Летописцы думали, что в каждой колонии имелись тайники с генетически выведенным вредителем, созданным специально для поедания суперпластиков и сплавов, использовавшихся Творцами. Получив команду, а может, не получив сигнал об отбое, тайники активировались. Теперь понятно, что это была одна из мер предосторожности Творцов — при попытке восстания бунтари оставались без оружия, транспорта и энергии. А заодно и без шансов выйти в космос или связаться с другими колониями в ближайшие тысячелетия. Сделав свое дело, саранча бесследно исчезла.

Предки веками спорили о том, почему ушли Творцы, пока само их существование не стало мифом. Кто-то полагал, что Творцы решили вернуться в свой мир и предоставили колонии сами себе. Другие верили, что они вообще покинули Галактику. Третьи — что причиной стала какая-то катастрофа. Обсуждались и взрывы сверхновой, и вторая гражданская война, и нападение Демонов, и месть шайнов. Эти вот наверняка знают, что случилось. Многие убеждены, что шайны нашли способ уничтожить Творцов. А может, им просто нравится поддерживать этот имидж. Лучше прослыть сокрушителями богов, чем ненужными игрушками, брошенными создателями.

— С детства обожаю разные сказки, — вежливо сказал я, посмотрев на часы. — Понимаю, на острове скучно. А практические выводы будут? Ну, я понял, что мы результат генетических экспериментов высшей расы. Эта гипотеза давно блуждает в научных кругах, пусть и считается маргинальной. Правда, этой самой расой обычно считают шайнов. То, что они сами чьи-то поделки, многим наверняка понравится. Герреры — это розовоглазые? Допустим. Это все написано в загадочной Книге? И из-за этого весь сыр-бор? Найти книжку, чтобы народ не дай бог не узнал то, что тысячи историков уже полторы сотни лет обсуждают на всяких симпозиумах да конференциях?

— Нет, розовоглазые — это Разрушители. Не просто герреры. Это подвид, специально созданный шайнами для экипажей своих кораблей. И да, это написано в Книге. В ней вообще много чего написано. Например, в ней есть имена всех летописцев за двадцать тысяч лет. От них можно проследить до сегодняшних времен двадцать четыре рода фидатов, стражей Творцов, ненавидимых шайнами, геррерами и анцианами. Клань, чья сила передавалась из поколения в поколение без каких-либо изменений, с кем бы они ни скрещивались. Тех, кто быстрее и сильнее любого человека. Кто не подвержен Голосу шайнов и может убивать Разрушителей голыми руками. Кого боятся тайные силы, правящие нашим миром, и стремятся устранить при любой возможности. Знакомое описание?

Расстались мы далеко за полночь, но больше ничего значимого вытянуть из старика мне не удалось. Столкнувшись с моим скепсисом, он замкнулся и перевел разговор на дела текущие. Я рассказал об истории с Даниэль, о покушениях в Спейстауне и на Мальте. Он лишь хмурился, кивал, да отпускал односложные комментарии, не имевшие для меня большого смысла. Мои вопросы хозяин замка предложил обсудить утром, сославшись на усталость. Старый лис лукавил, но отдых после бессонной ночи не помешал бы и мне.

По звонку Цезаря появилась очередная симпатичная негритянка, проводившая меня в покои, располагавшиеся на том же этаже, что и кабинет. Предоставив теплую ванну и удобную постель со свежим бельем, нимфа намекнула на то, что ее обязанности не ограничиваются услугами горничной, но мои мысли по-прежнему занимала погибшая блондинка, и я как мог вежливо отказался. Убедившись, что через окна в комнату никто не проникнет, и подперев дверь изнутри стулом, я неплохо выспался.

Склад в Опенгейте мне больше не снился. Ушли и жуткий страх, и липкие трясущиеся руки, и ощущение тоскливой пустоты от отнятых жизней, и опасения возможных последствий. Теперь я бодро рубил головы варамайи — то на пляже, то в заброшенном городе, то в каких-то полузабытых трущобах в Кварталах Радости, куда меня заносило в бытность патрульным. Я чувствовал лишь кураж, а собственная неуязвимость придавала сил. Я мог убить их, убить их всех. Они ничего не могли мне противопоставить, все эти подонки, оскверняющие Землю своим существованием. Никакой жалости. Никакой пощады. Никаких сомнений.

Проснулся я около девяти утра от громких голосов в коридоре. Гвардейские футболку и шорты у меня изъяли, предоставив взамен широкие кожаные штаны — местный шик, и льняную рубашку с затейливым орнаментом. Размер был подобран неплохо. Быстро натянув одежду, я не забыл запихнуть в один из карманов штанов поддельный шерифский значок, а во второй — пистолет, в обойме которого оставались пять патронов. Тихо приоткрыв дверь, я обнаружил в

коридоре весьма представительную делегацию. Или, точнее, делегации — и притом недружелюбно настроенные. По три представителя «Красных моголов» и «Убийц господ», пара воинов джихада и дуэт шерифов в возрасте. Очевидно, на переговоры собрались сливки местного общества.

Рядом с ними испуганно жался мускулистый варамайи, на шее у которого болтался кулон в виде креста с черепом, — не иначе, выживший свидетель побоища. Напротив, величественный в своем возрасте и положении, возвышался Цезарь Корс, презрительно взирая на ропщущую толпу перед ним. По бокам, удачно имитируя уничижительный взгляд шефа, стояли Авраам и мистер Грей. Чуть поодаль к стене прислонился Маркус. Напарник выглядел довольно помятым и избегал смотреть на своих коллег. Похоже, обсуждение было бурным, началось с первыми лучами солнца, но уже подошло к концу.

Делегации наперебой угрожающе скулили что-то вроде «вы должны», «мы требуем», «уплата компенсации», «новый договор». Я не стал вслушиваться, поскольку барону их нытье явно было не интересно, а значит, и меня не касалось. Наконец хозяин раздраженно и, видимо, уже не первый раз объявил об окончании встречи, подозвав замершую в другом конце коридора охрану. Жалобщики недовольно отступили, и основным словом в какофонии их голосов стало «завтра». Кажется, переговоры шли активно и предполагали второй раунд. Мне же нужно было получить некоторые ответы и срочно выбраться с острова.

Цезарь заметил приоткрытую дверь и, как только делегаты покинули этаж, приглашающе махнул рукой. Я выполз в коридор под кислые взгляды полковника и главы администрации и немногим более приветливый взгляд Маркуса. Намечалась знатная заварушка, и виновником единогласно признали мою скромную особу. Проигнорировав недовольство подчиненных, я проследовал за их боссом в знакомый кабинет, где милостивые служанки расторопно накрыли нам завтрак, включавший свежавыжатый апельсиновый сок, сочные стейки из отличной говядины и массу овощей и фруктов на любой вкус. Родиться бароном совсем неплохо. На сей раз компанию нам составил и Маркус, по мере поглощения мяса и сока постепенно возвращавший себе человеческий облик.

Видимо, говорить о делах деликатных за завтраком считалось среди местных моветоном, и законник с аристократом сосредоточились на обсуждении таких важных материй, как обеспечение правопорядка на грядущем Празднике урожая и прискорбное нервное расстройство некоего шерифа Лопеса, более не позволяющее тому выполнять свои обязанности. Насытившись, мы откинулись в своих креслах. Жалованье служащего не позволяло мне регулярно питаться натуральными продуктами, а местное пиршество превосходило и отличные завтраки в госпитале АСР. Шериф с благодарностью принял из рук барона сигару, и достойные мужи дружно задымили в потолок, окутав комнату клубами ароматного смога. Набор джентльмена также включал стаканчик бренди. Я отказался и от сигары, и от спиртного. Время шло, а ответы, которые я ждал много месяцев, засели где-то в черепах двух мужчин, находившихся со мной в одной комнате.

— Я вчера рассказал ему о Происхождении, — наконец изрек Цезарь, искусно выдув колечко дыма. — Он не верит. Вот подумал, что стоит пообщаться с ним вдвоем.

— Чего ради? — отозвался Маркус. — Лично я ему ничего не говорил. Что-то, наверное, рассказала Даниэль, но явно немного. Может, ему и не стоит знать?

— Ради того, — весьма раздраженно заметил барон, — что он один из последних наших. Ради его предков и того, что они сделали. Для вас и вашего гребучего Совета. И ради того, что будет дальше. А ты знаешь, что будет. Вы полторы сотни лет почивали на лаврах и прозевали дракона. Сейчас он проснулся и желает сожрать всех нас. Начнет с меня здесь, потом доберется и до ваших старейшин в их роскошных особняках на золотистых пляжах. Протектора они уже убрали, и мы не можем быть уверены в том, кто придет ему на смену. Шайны, зуб даю, сейчас исчезнут и вновь появятся только для того, чтобы создать союз с победителями. Или вообще не появятся.

— Ты преувеличиваешь, — неуверенно возразил шериф. — Ну, они добились некоторых успехов — заманили сюда Разрушителей, убили протектора, нескольких мелких сошек. Но теперь никто не станет недооценивать угрозу. Их наверняка много, а значит, они не смогут эффективно прятаться. Мы их толком и не искали, но сейчас мобилизуют все силы и ликвидируют заговор. А нам нужно вернуться в АСР. Там одно из основных гнезд, и, когда мы его вычистим, они потеряют выходы в космос. Без розовоглазых или черано это просто очередная кучка смутьянов.

— Мы с Даниэль, возможно, и мелкие сошки, — меня крайне покорибили слова Маркуса о подруге, — но сидящая перед вами сошка пока еще жива. И ей очень важно знать, кто и за что

убил родственницу господина Смайта и почему охотится за ним самим. Обсуждение некомпетентности хозяев Маркуса меня волнует мало. Понятия не имею, кто они, но толку от них чуть. Начнем с намеков на то, что я, как вы их там называли — фидат, тайное орудие Творцов в борьбе с шайнами и прочими видами гуманоидов, сколько их там есть. Я понял, что полковник Стокс тоже фидат. А как насчет Цезаря Корса? Число «двадцать четыре» на баронском флаге — это ведь указание на количество семейств, не так ли?

— И верно, давайте к делу, — на сей раз вполне благодушно согласился хозяин кабинета. — Я буду говорить. Люблю по-стариковски это дело. А Маркус не даст соврать, если что. Лады?

Маркус неохотно кивнул, избегая смотреть на меня. Видимо, упоминание племянницы пробудило что-то вроде совести. А может, на самом деле я ему не слишком нравился.

Глава 12

— Итак, Книга, — барон радостно посмотрел на мигом восторженно уставшего шерифа. — Та самая, которую наш друг Маркус и его боссы, как и те, кто был до них, ищут уже несколько веков. Даже не знаю, сколько они подсылали шпионов во дворец, чтобы узнать, где ее прячут. И к баронам до меня, само собой, тоже. Дело в том, что ребята из Совета никогда не были уверены в том, что она у нас, пусть мы и первые кандидаты на роль хранителей. Но еще Четвертый вроде сумел убедить их в том, что летописец — не он. Тут они начали шерстить округу, и занимаются этим уже больше сотни лет. Вот каких-то шерифов придумали под это дело.

— Давай без этого, — протестующе замотал головой законник. — Не все шерифы работают на Совет. Большинство понятия не имеет, что происходит.

— А сначала можно? — поинтересовался я. — Ну вот примерно с того места, где закончили вчера. О том, что чтиву двадцать тысяч лет, и о летописцах.

Барон недовольно посмотрел на меня, но через несколько секунд кивнул.

— Хорошо, давайте наш друг Маркус поскушает. Остальное-то он знает, а вот где книжка — нет. Ну, пусть еще помучается. Когда начался Крах, мир распался. Все передрались. Возвышались и гибли царства. Никто не знал, как восстановить порядок, а главное — зачем. Без Творцов жизнь Созданных лишилась смысла. А потом пришел День Смерти. С небес посыпались шары, которые при ударе о твердь или воды раскалывались, извергая из себя полчища до того невиданных гадов. За несколько дней кусок планеты превратился в ад, где людей убивали и жрали тысячи видов насекомых и пресноводных. Созданные бежали — кто на восток, кто на запад, а ад следовал за ними. Но внезапно в небесах возникла огромная черная туча, и на Землю пролился огненный дождь, уничтожив гнездилища нечисти.

— Это вы сейчас Книгу цитируете, что ли? — раздраженно спросил я. — А человеческим языком можно объяснить, что произошло?

— Можно, — обиженно сказал Цезарь. — Никакого воображения у молодежи. Вы ведь изучали всякие там ксенонауки в университете, юноша? Термин «загадка Земли» вам знаком? Я так и думал. Терраформирование производилось Творцами по шаблону. Планету заполнял пресный океан, потом из него поднимался единый континент. В центре располагалось внутреннее море, в нем — остров, на острове — гора, где и гнездились хозяева. Климат во многом зависит от типа звезды и близости планеты к ней, но катаклизмы — дело нечастое. Флора и фауна образуют несложные, но эффективные экологические системы. Животные и растения, опасные для людей, практически отсутствуют.

Население — этнически и лингвистически более-менее единообразная масса, исторически разделенная на касты, кланы или сословия. Будь гуманоиды белыми, желтыми, черными, красными или голубоватыми с виду — все они разговаривают на диалектах, производных от одного языка, и могут понимать друг друга. То же самое с письменностью. То же самое с местной мифологией, обычно лишенной религиозной подоплеки. Зато вполне последовательно описывающей некую Первую, или Исходную планету и путешествия между звездами.

Так выглядят почти все известные миры. Но не Земля. Когда-то и она была такой. До Дня Смерти, когда Демоны скинули на нее тонны враждебного биоматериала. Пресмыкающиеся и насекомые не живут на других крупных планетах. Почему естественной реакцией большинства людей на них является отвращение или страх? Земным ученым в итоге пришлось согласиться с тем, что присутствие этих видов на нашей планете — аномалия, пусть тем и удалось встроиться в местную экосистему. Ну а уж сколько теорий наплодили по этому поводу. Самой близкой,

конечно, является метеоритная, по которой их на Землю занесло из космоса. Возникла даже гипотеза о том, что неподалеку существовала еще одна планета с жизнью. Чушь. Несколько тысяч снарядов, а в них — пауки, скорпионы, змеи, динозавры...

— Динозавры? — поперхнулся я соком. — Это вы серьезно? А баньши и оборотни там были?

— Неверие не есть признак мудрости, — сухо ответил старик. — Обнаруженные скелеты — научный факт. Манипулирование относилось к данным о возрасте находок. Гигантские ящеры показали себя весьма эффективным оружием против людского рода. Об этом тоже немало написано в Книге, включая свидетельства выживших. В общем, зараза распространялась по планете, человечество отступало. Тогда появилось «Грозное облако». Что это такое, помнили лишь наши летописцы, да представители древних анцианских родов. Те вели свои книги, впоследствии переименованные в Библию, Коран и прочие инструменты религиозной пропаганды.

Шайны нанесли термоядерный удар по планете, уничтожив основные очаги заразы. За взрывами последовали цунами и потоп, далее наступил ледниковый период. Динозавры погибли полностью, поскольку основными целями стали их угодья. А вот мелкие гады уже расплозились по поверхности, чтобы портить нам жизнь и дальше. Что наши светловолосые друзья сделали с океаном, мы не знаем. Факт состоит в том, что вода в нем, в отличие от других планет, соленая. Может, тем самым они уничтожили каких-то морских тварей.

Сколько людей погибло в результате взрывов и катастроф после них, нам неизвестно. Вряд ли шайны сильно переживали по этому поводу. Но единый континент раскололся на части, отошедшие друг от друга. Или это шайны их развели — непонятно, как далеко простираются их возможности. Главный остров, известный в земной мифологии как Атлантида, сгинул в пучине вместе с последними свидетельствами Происхождения. Климатическая установка, или что там поддерживает нормальные условия жизни в других мирах, сломалась. Поэтому у нас тысячелетия джунгли соседствовали с пустынями, а ледники — с пустошами. Землетрясения, цунами, ураганы и смерчи, наводнения и засухи — больше нигде такого нет.

— Идея понятна. — У меня не было желания тратить время на занятные, но довольно сомнительные, с точки зрения современного обывателя, фантазии барона. — Радиация испарилась, облака пепла рассеялись, а мы получили цивилизацию, отброшенную в варварский век. Если забыть об участии неких Демонов и шайнов, получаем одну из разновидностей метеоритных теорий, притом слабо подтвержденную фактами. А что с этносами, языковыми и религиозными бедами? Негров и китайцев нам тоже Демоны сбросили?

— Достоверно это неизвестно, — невозмутимо откликнулся Цезарь. — После катастрофы происходящее в других частях света на тысячелетия стало недоступно летописцам. Предполагаю, что это переселенцы с других планет, привезенные и расселенные по разным континентам шайнами. Скорее всего, Демоны атаковали не только Землю, но и другие миры. Нашу планету шайны кое-как отбили, пусть и превратив ее в кунсткамеру. Другие не смогли — но подобрали остатки местного населения. Вообще-то гуманизм не их конек — сложно сказать, зачем им потребовался людской зоопарк.

Может, проверяли, сможем ли мы ужиться вместе. Надеюсь, это им помогло при создании Звездного сообщества, потому как земная история поводов для оптимизма не давала. Но и эта гипотеза не объясняет языковые различия. Хотя мы не знаем, в каком состоянии привозили гостей и как их перед этим обрабатывали. Возможно, при них не было ничего, кроме набедренных повязок и страха, и им пришлось изобретать себе культуру с чистого листа. Или это часть эксперимента — разобщить этнические анклавы и посмотреть, что будет.

— Допустим. — Мне было неинтересно спорить о доледниковых временах. — Что там с кланами и Книгой?

— Книгу начали писать еще до Краха, с целью сбора данных о семьях анцианов и герреров. Начал ее фидат по имени... впрочем, не важно. Он завещал рукопись своим детям, те продолжили его труд. Может, у нас в крови какой-то ген графомании, — осклабился старик. — В общем, первые сотни лет это история интриг среди знати. После Краха наступила некоторая растерянность, но писать Книгу продолжали. Сколько на Земле исходно жило фидатских родов, неизвестно, но до Средних веков Книга — это история одного из них. Понятно, со ссылками на более ранние анцианские летописи, из которых мы знаем подробности Происхождения. Потом фидаты научились находить друг друга.

— Каким образом? — восторженно спросил я. — Я думал, идея состояла в том, что они не были знакомы и сливались с толпой.

— О сем узнает тот, кто прочитает Книгу, — глумливо возвестил барон. — И это будет не наш друг Маркус и не его товарищи. Книга написана на фидатском. Нет, это не Древний язык, на котором с вами заговаривали шайны и герреры, юноша. Это что-то, заложенное в нас Творцами для тайных докладов, непонятных прочим Созданным. Мы этот язык не учим, но вы, юноша, сможете читать на нем, а после тренировки — и писать. В общем, постепенно кланы образовали что-то вроде сообщества, и родов в нем в период расцвета было двадцать четыре. Конечно, фидатских семейств наверняка больше — речь лишь о тех, кто нашел друг друга, выжив в Темный век. Остальные кланы не вели записей, полагая их слишком опасными. Но истории Происхождения передавались из поколения в поколение, неизбежно искажаясь и обрастая мифами.

Поэтому Книга так ценна для нас, да и для истории планеты в целом — она написана сухим языком фактов. Объединившись в Союз Двадцати Четырех, каждый клан стал вести свою летопись. Раз в семь лет представители семейств собирались и отдавали написанное за прошедшие годы. Так Книга стала историей всех родов. Тогда же приняли правила жизни фидатов — скрытность и невмешательство. Но мы не бездействовали — мы открывали секреты управления миром, когда нужно, взламывая их с помощью грубой силы. А логи и не подозревали о нашем существовании, не так ли, Маркус?

— Вы всегда умели перевести подозрения на других, — сухо согласился шериф. — Мы, разумеется, слышали о фидатах. Но прошли тысячелетия, и ваш род превратился в очередную страшилку. Мы были слишком заняты двусторонней войной и не думали о наличии третьей силы. А ведь объединись мы века назад, все могло сложиться совсем по-другому. Ни мировых войн, ни Восстания Четырнадцати, ни Темного века. Мы вместе разобрались бы с зелеными мерзавцами и дали понять их хозяевам, что время экспериментов на Земле прошло.

— Да черта с два, — весело огрызнулся Цезарь. — Вас, да и нас передушили бы, как котят. Шайны успокоились только тогда, когда сами поняли, что их рецепты не работают. Вырежи мы Зеленую ложу в Средние века, нас всех перебили бы, а потом создали какую-нибудь, ну не знаю, Оранжевую ложу. Готовые служить не перевелись бы.

— Сначала, сначала, — вклинился я. — Для непосвященных, если можно.

На сей раз в меня вперились уже две пары недовольных глаз.

— Чего тратить на него время, — снова завел свою пластинку Маркус. — Он же ничему не верит. Ну вот, может, если показать ему Книгу...

— Очень хитро, — пробурчал барон. — Продолжай мечтать. В общем, через какое-то время после Дня Разрушения шайны объявились вновь. Под «каким-то временем» я имею в виду несколько тысяч лет. Где они пропадали, мы не знаем. Может, следили за планетой, а может, занимались другими. Но с информацией у них, как всегда, был порядок. Они собрали оставшихся старейшин родов анцианов и герреров, помнивших о Происхождении, и предложили тем править планетой под своим патронажем.

Тогда и произошел раскол. Все знали, кто такие шайны — предатели Творцов. Темные ангелы, низвергнутые из рая. А значит, служение им — предательство Творцов. Но прошли уже тысячи лет, и сами Творцы стали мифом. Так что часть приглашенных согласилась присягнуть шайнам, часть — отказалась. Лоялисты получили «божественную» поддержку и начали создавать империи — Египет, Греция, Рим... Почему-то их окрестили Зеленой ложей. Несогласные ушли в подполье и скрывались там, периодически нанося удары по шайнским слугам. Сейчас они известны как Красная ложа, и наш друг Маркус служит им.

Мы не участвовали в войне, хоть и следили за ее ходом. Для нас она была лишена смысла. Присоединиться к красным из желания насолить шайнам? Мы не считали себя обязанными кому-либо. Двадцать четыре рода пришли к тому, что хозяев у них нет. Творцы нас бросили, не оставив инструкций. Шансы на их возвращение с веками выглядели все призрачней.

Да и стремление шайнов объединить мир не вызывало у нас протеста — ведь это имело смысл для прогресса цивилизации. Мы не были в восторге от их методов — ни от религий, ни от войн, ни от рабства. Но красные ничего, кроме партизанщины, толком не предлагали. Ну, разрушили они Римскую империю с помощью варваров — выиграло ли человечество? Зачем они добивались независимости США — чтобы со временем Британская империя сменилась еще более пугающей Американской?

— Свобода стоит любых жертв, — выпендрено заявил шериф. — Мы не хотели стать марионетками. Ни шайнов, ни Творцов, вернись те в наш мир. Не важно, как возникло человечество. У нас есть достоинство, и мы не намерены от него отказываться. Мы не хотим,

чтобы планета оставалась ареной для кровавых экспериментов. И вы в итоге не захотели — иначе не подняли бы свое восстание...

— Знай предки, чем закончится это дело, определенно воздержались бы, — грустно констатировал хозяин замка. — Гибель половины населения в их планы точно не входила. Может, стоило выйти на шайнов и попросить их угомонить зеленых. Хотя от идеи варамайи так и прет самими белобрысыми, пусть они в этом никогда не сознавались.

— Мы ведь сейчас о Восстании Четырнадцати, правда? — уточнил я. — Это фидатских рук дело? Почему тогда четырнадцати, а не двадцати четырех?

— А не было на момент его начала уже никаких двадцати четырех. Шесть кланов целиком погибли в ходе мировых войн. Еще четыре перестали выходить на связь, и нам не удалось точно узнать, что с ними случилось. Не иначе, очередное поколение предпочло забыть о своем наследии — так ведь проще. — Барон горестно покачал головой. — Зато теперь, юноша, вы понимаете, почему стали известны не все участники. Историки искали связи между членами комитета в их настоящем, а не организацию, тайно существовавшую тысячелетия. Наше восстание и бунт варамайи, затеянный друзьями из Красной ложи, уничтожили верхушку зеленых. Красные спелись с протектором и с тех пор правят планетой. Когда шайны объявились и помогли покончить с Темным веком, они признали статус-кво и обещали не вмешиваться.

— Ничего они не признавали и не обещали, — пробормотал Маркус. — Просто теперь, когда хотят сделать какую-нибудь гадость, бегут к протектору или к нам. Что не исключает того, что они делают массу пакостей за нашими спинами. Возможно, это мы и наблюдаем сейчас. Кто бы ни был наш противник — зеленые или ваши гипотетические оранжевые, очень удивлюсь, если к их становлению не приобщились шайны. И к бунту варамайи мы не причастны. Вроде и вам говорили, и вашим предшественникам.

— Ну, коли так, дело совсем плохо, — хладнокровно резюмировал барон. — Поскольку если столь масштабное восстание не ваших и не наших рук дело, значит, за ним стояла третья сила. И она куда старше Реформации или Восстания Четырнадцати. И если мы все не замечали ее как минимум три сотни лет, ваш оптимизм по поводу противостояния с ней ни на чем не основан.

— Давайте перейдем к персоналиям. — Время близилось к полудню, а я еще не утратил надежду покинуть остров ближайшей ночью. — Чем так ценна моя персона, и каково ее место в этой шараде? И раз уж она стоит того, чтобы истребить целую банду, может ли эта персона узнать, есть ли шанс вызвать эвакуацию из этого райского места?

— Все уже сделано, — встрепенулся Маркус. — Цезарь любезно предоставил мне канал связи. Нас будут ждать ровно в полночь на пляже к западу. Транспорт нам предоставят.

— Всегда пожалуйста. — Барон жестом пресек готовые сорваться с моих уст слова благодарности. — А теперь поговорим без свидетелей. Замри. Усни. Слепни. Оглохни. Дыши.

К счастью, рот шерифа в этот момент не был занят ни сигарой, ни выпивкой. Его тело мгновенно напряглось в неловкой позе, левая рука продолжала судорожно сжимать стакан с бренди, а в правой, немного не донесенной до пепельницы, тлела торпеда из местного табака. Глаза Маркуса смотрели в одну точку, из признаков жизни оставалось только чуть слышное дыхание. Легко перегнувшись через стол, Цезарь выдернул сигару из пальцев бедняги и затушил.

— Потом докурит, — пояснил он. — Неплохой фокус, правда? Ты тоже так можешь, хотя вряд ли знаешь об этом. Если не сработает — перед тобой или другой фидат, или вовсе не человек. Но лучше не злоупотреблять. Наше главное оружие — скрытность. Это первый раз, когда мы применили Голос в отношении члена ложи. Ну, пусть разболтает своим — пуще бояться будут. А вот о том, что мы сейчас обсудим, ему знать вовсе не нужно.

— Он так долго будет сидеть? — Я неловко заерзал на стуле, как будто неудобная поза Маркуса причиняла беспокойство и мне.

— Обычное время — от двух с половиной до трех часов. Это же не точная наука, — захихикал барон. — Но я много практиковался на своих, да. Он ничего не видит и не слышит. Если повезет, то, когда очухается, подумает, что задремал. Наверное, ему даже будет неловко. В принципе, можно попробовать дать команду забыть. Но это уже настоящее искусство, увы, почти утраченное. Если ошибешься — можно стереть чего лишнего, или пуще того — сделать человека идиотом. Но мы ведь не хотим такой судьбы старине Маркусу. Он, в принципе, вполне приличный малый для красного. У него просто с жизненными приоритетами проблема, да и видит не дальше своего носа.

— Собираетесь поведать мне о происхождении от одного из двадцати четырех кланов? —

осведомился я. — Надеюсь, я каких-то аристократических кровей. Всегда мечтал оказаться принцем.

— Зря надеетесь. — Жизнерадостность старика уже начинала меня бесить. — Впрочем... Но давайте все же начнем с основ, как вы любите. И откуда в нашем роду такой зануда. Фидатский ген передается от любого из родителей к любому отпрыску, хоть по женской, хоть по мужской линии. Обычно все же рождаются мальчики — сложно сказать, с чем это связано. Скорее всего, механизм, гарантирующий воспроизводство. Но наличие гена само по себе недостаточно. Вам, юноша, это прекрасно известно, не так ли? Вы ведь у нас не с рождения такой крутой?

— Полагаю, вы знаете, что и как произошло, — холодно сказал я.

— Знаю, — на сей раз печально откликнулся барон. — В общих чертах. Она попросила меня сделать запись. Удивительно, но раньше никому в голову не приходило, что Голос может подействовать вне личного контакта. Но гляди ж — подействовал.

Мои пальцы непроизвольно сжали подлокотники кресла. Я снова был там же, где и три месяца назад, — в своей квартирке в Опенгейте. Полчаса назад закончилась двенадцатичасовая смена, и мне безумно хотелось спать. Виртуальный дом активировался, когда я переступил порог.

— Вам зашифрованное личное сообщение, — пропел мелодичный приятный голос. — Поступило два часа назад. Отправитель — Даниэль Свенсон.

Меня не удивило, что Даниэль предпочла оставить сообщение для дома, не воспользовавшись служебным каналом. С учетом нашей последней беседы информация могла быть вовсе не для посторонних ушей. Я дал команду воспроизвести запись, параллельно выбираясь из форменного комбинезона и соображая, какой сорт питательного желе предпочел бы получить на ужин.

— Здравствуй, Эрик. — К моему удивлению, это оказалась не короткая аудиопросьба перезвонить. На экране Даниэль сидела у себя на кухне в элегантном черном платье, но было не похоже, что она куда-то собирается. В ушах сережки с бриллиантами — вряд ли она часто их надевала, хотя подарок на ее двадцатипятилетие обошелся мне в двухмесячное жалованье. Я замер в дурном предчувствии. Оно меня не обмануло.

— Ты всегда был хорошим другом, — Даниэль едва заметно улыбнулась, видимо вспомнив сцену в ресторане. — И я знаю, что ты хотел большего. Я... я много думала об этом все эти годы. Есть причины, по которым нам стоило быть вместе, веские причины. Но ты же знаешь меня — я не умею долго притворяться. Мне жаль, что я не чувствовала того же, что ты. Тогда сейчас я была бы жива. Ты защитил бы меня. Но если ты смотришь эту запись — значит, меня больше нет.

— Ты должен дослушать до конца, прежде чем что-то предпримешь. — Ее голос звучал настойчиво, даже повелительно, и моя рука замерла на полпути к интеркому для вызова Центральной. — Если они начали действовать — ты тоже в опасности. Ты помнишь, о чем мы говорили. Ты знаешь, что тебе нужно найти. Ты спрашивал, как тебе справиться с этим, — ты поймешь, когда закончится запись. Прости меня за все эти годы. Я казалась себе очень хитрой. Я думала, что приручаю медведя, но на медведей охотятся, и быть их друзьями — не всегда безопасно. Я знала тебя как хорошего человека, который всегда стремится поступать правильно. Это в твоей природе. Но я также знаю, что, выйдя на свой путь, ты направишься туда, куда поведут гнев и ярость. Они бушуют в тебе под личиной спокойствия и здравого смысла, и, получив предлог для действия, ты не остановишься, пока пожар не угаснет. Я не стану говорить тебе, что делать, а что нет. Я знаю, ты станешь искать причастных, и не завидую их судьбе. Они также будут охотиться на тебя, и никто не сможет предсказать исход этой схватки. Но ты должен помнить о том, что твоя природа — не просто разрушать. Что твои способности могут изменить мир. Прощай, друг. Наше знакомство не было случайным. Надеюсь, ты сможешь простить меня за это. И за то, что играла с тобой, но так и не стала твоей.

Даниэль продолжала смотреть с экрана, но голос, звучащий в комнате, уже не принадлежал подруге.

Вкрадчивый потусторонний шепот произнес на неизвестном, но почему-то понятном мне языке: «Твое время пришло, Эрик Старгарт. Пробудись. Займи свое место», и я отключился.

Судя по часам, на полу я провалялся минут пятьдесят. Тот, кто поднялся на ноги, уже не был человеком. После сообщения на экране пошла запись убийства, и я наблюдал разгар сцены пыток. Не знаю, как она выдержала все это. К такому нельзя подготовиться. Мой мозг фиксировал мельчайшие детали происходящего, и откуда-то я знал, что уже не забуду их. Слегка мешал шум

ругани соседа со своей подружкой, теперь отчетливо доносившийся сквозь звуконепроницаемые стены. Бросив взгляд в окно, я ясно разглядел лица детей, игравших у бассейна соседнего кондоминиума, расположенного в добром километре от моего. Подняв с пола сверхпрочные полимерные наручники, входившие в стандартный комплект агента, одним движением я разорвал связующую цепочку, после чего, сжав кольца в руках и приложив небольшие усилия, деформировал их до овала. Что-то изменилось.

Путешествие в мир воспоминаний длилось не слишком долго и прервалось легким покашливанием барона.

— «Займи свое место?» — пробурчал я. — Вы это серьезно говорили? И где оно, среди двадцати четырех, как и у моих предков? Сколько там вообще от ваших двадцати четырех осталось?

— Слова вообще-то не важны, — осклабился старик. — Подумал, нужно произнести что-то торжественное по случаю. Я десятилетиями искал наших на острове. Обычно приходил в местную школу и говорил детишкам: «Вы кучка маленьких идиотов». Знаете, сколько грохнулись в обморок? Один. Шестилетний сиротка по имени Авраам. Черный сиротка. Вы ведь понимаете, что все известные кланы состояли из белых? Конечно, можно предположить наличие фидатов и у черных, и у азиатов. Но там, видимо, были утрачены знания. Гены продолжают передаваться, да вот запустить их некому. Родители Авраама перебрались на остров после Восстания откуда-то из Южной Африки. Отследить родственников, увы, не удалось.

— А моих, значит, удалось? — Я был немало озадачен. — Поисками наследников Четырнадцати занимались многие. Некоторые построили на этом академические карьеры.

— И не случайно, — сухо согласился барон. — Когда в ходе Реформации из архивов зеленых победители узнали о нашем существовании, была поставлена задача установить личности всех Четырнадцати и их потомков. Насколько мне известно, за полторы сотни лет им удалось найти семерых, проживавших вне острова. Все семеро погибли при весьма загадочных обстоятельствах. У троих из семи были дети. Они также погибли. Не забывайте об этом, когда будете поворачиваться спиной к вашему другу Маркусу. В Восстании мы потеряли большую часть наших. Захват власти никогда не был целью, предки хотели лишь остановить «Полный круг».

Когда взбунтовались варамайи, зеленые применили бомбы и вирус, а в драку вступили красные с протектором, четыре выживших семьи укрылись на Мадагаскаре. Кто-то должен был взять в свои руки власть на острове, и этими «кем-то» стал мой клан. Общение с остальными тремя родами прекратилось, но они до сих пор здесь, и я тайно слежу за их судьбой. Красные так и не узнали, кто они, — мы неплохо запутали следы. А я... я был глуп. У меня родились пятеро детей, четыре мальчика и дочка. По настоящему соглашению о независимости острова, которое вы не найдете в архивах Всемирного правительства, барону запрещалось иметь более одного наследника. Вообще предписывалось скрывать династический характер власти. В остальном мире мало кто знает, что она передается от отца к сыну. Все ведь думают, что ее захватывают в результате дворцовых переворотов, хотя еще ни один барон не был убит или свергнут. Даже имена мы принимаем разные.

Но очень давно мне удалось договориться с красными и протектором. Они прекратили охоту на фидатов и сняли ограничения по рождаемости. Только вот мальчиков моих всех убили. Сначала думал, мерзавцы нарушили уговор. Перебил в то время немало шерифов. Но нет, никто и под пытками не сознался. Тогда решил, что это шайны. Ну, до этих добраться у меня руки коротки, даже выберись я с острова. А теперь вот думаю, что и они ни при чем. Пока мы лаялись и охотились друг на дружку, «оранжевые» делали свое дело. Не знаю, почему меня пощадили. Думаю, им нужен остров, как он есть. Смерть последнего барона вызовет большую войну за власть и может послужить предлогом для аннуляции соглашения. Тогда им станет негде прятать свои грязные секретки. Но сейчас они осмелели и сделали ставку на Моголов. Ну, скоро узнаем, не прогадали ли.

— О каких секретах речь? — осведомился я.

— Мир за морем очень технологичен, — туманно откликнулся старик. — Там сложно скрыть людей и вещи, которым не место на виду. Вас отслеживают миллиарды камер и устройств, что вы таскаете с собой. Сверху на вас смотрят тысячи спутников. Чтобы действовать тайно, нужно либо контролировать всю систему, либо искать лазейки. Остров — большая черная дыра, слепое пятно для систем слежки остального мира. Здесь живут те, кого не должно существовать. Иногда они выбираются с острова для того, чтобы делать дела, о которых никому не станет

известно. И возвращаются обратно.

— Например, убийцы? — предположил я, напрягшись. — Которые устраняют жертв на материке и остаются неопознанными?

— Ты правильно понял. — Барон грустно посмотрел на меня. — Знай я, что они пошлют их за Даниэль, передал бы всех, конечно. Но я не предполагал, на чьей они стороне. Всегда думал, что они работают на АСР, а значит, на Красную ложу, вот и не трогал...

— Вы хотите сказать, что АСР держит на острове отряд убийц? — При всем скептическом отношении к агентству, новость плохо укладывалась в моем сознании. — И эти люди ликвидируют граждан Земли? Это невозможно без участия высшего руководства службы. С чего вы это взяли?

— Я правлю этим островом большую часть жизни, — сухо ответил хозяин замка. — До меня им правил мой отец. Здесь для нас мало тайн. Вы высадились на южных пляжах с подлодки протектората. Я знал об этом через несколько часов. Люди, о которых я говорю, родились на острове, но исчезли с него в младенчестве. Затем они вернулись — уже юношами. Произошло это довольно давно, и новых с тех пор не появлялось. Но эти шестеро живут здесь, притворяясь крестьянами и ремесленниками. Иногда один из них отправляется на безлюдный пляж, где плывет в океан, и его подбирают. Через день или два он возвращается, а в период его отсутствия на Земле загадочно гибнет какая-нибудь важная или не очень персона. Я не знаю, является ли данная деятельность официальной. Вряд ли, ведь она очевидно незаконна. Но Красной ложе нужны ликвидаторы-невидимки. Это куда проще, чем каждый раз унимать полицейское расследование.

— У вас есть основания полагать, что Даниэль устранила Красная ложа? — Я посмотрел на сидевшего рядом представителя данной организации, пялящегося в стену остекленевшими глазами.

— После последних событий понятно, что АСР сгнило, и запашок идет от головы. — Цезарь, напротив, не проявлял никакого интереса к телу Маркуса, замершему в кресле. — Кто знает, чьи приказы теперь исполняют эти люди? Возможно, они и сами не в курсе. Но того, кого ты ищешь, зовут Дэймон Кроуз. Он фермер и живет в получасе езды отсюда в маленьком домике с милашкой-женой и двумя взрослыми сыновьями. Двадцать третьего июня он уплыл в море, а двадцать пятого июня высадился на одном из северных пляжей. Мне нравилась Даниэль, но я не хотел лезть в дела красных из-за нее. Но коль скоро это не они, полагаю, ты можешь захотеть нанести ему визит.

Глава 13

Вода в бойлере закончилась, а я так и не успел отмыть руки. Они заметно дрожали, особенно правая, до сих пор обильно покрытая потеками крови. Сконцентрировавшись, я унял дрожь. Ставшее ненадолго как будто ватным тело вновь налилось пока еще непривычной для меня силой. Выйдя через парадный вход, я погрузил предплечья в бочку с дождевой водой и насухо вытер аккуратно повешенным кем-то рядом полотенцем.

Авраам бесстрастно наблюдал за мной, прислонившись к капоту джипа. Хорошо, что ферма располагалась на отшибе, — свидетели разговора были нам ни к чему. Я направился к нему, по пути переступив через тело Пита Кроуза, до сих пор судорожно сжимавшего в руках дробовик, а потом и его младшего брата Кайла, которому аккуратно вложил в руки мачете, выбранное возле первого трупа.

— Соседи на это не купятся, — неодобрительно заметил Авраам, оценив мои усилия. — Семья была дружной. Потом, у младшего сломана шея, а у старшего в руках дробовик. И главное — что с телами в доме?

— Тебе бы только критиковать, — пробурчал я. Вообще-то он был прав — сцена сработана на редкость топорно. Вздохнув, я вернулся к телу Пита и, вытащив из онемевших рук дробовик, всадил заряд в грудь Кайла. В тишине звук прозвучал оглушительно громко. Из окон дома начали пробиваться первые языки пламени, отвечая на второй вопрос моего спутника.

— Младший заколол старшего мачете, тот успел спустить курок, — подытожил я. — Загадка лишь в том, у кого из детей снесло крышу и он поубивал родичей. Это ведь ваша земля, и вы сможете пресечь дурацкие вопросы?

— Как будто тебе не плевать, — холодно откликнулся полковник. — Тебя через несколько часов здесь не будет. Не переживай, эту версию никто не посмеет оспаривать, даже если и не поверит в нее. Ты что-то узнал или просто получил удовольствие?

Я промолчал, переваривая произошедшее. Встретивший нас около часа назад мужчина не обладал сколь-нибудь примечательной внешностью. Среднего роста, возраста и телосложения, с темными волосами, карими глазами и кожей, слегка тронутой африканским загаром, в своих кожаных штанах и хлопковой рубаше он мало отличался от десятков встреченных мною за последние дни европеоидов-островитян. Его лицо освещала угодливая улыбка, вполне уместная для любого селянина при виде джипа с эмблемой барона.

— Что угодно друзьям Правителя? — с деланным радушием осведомился субъект, не забыв о политесе. Безусловно, «друзья» звучало куда лучше, чем «слуги».

Я смотрел на него и думал, что подзревал это с самого начала. Где еще он мог прятаться. Землянин, чье лицо не значилось ни в одной базе. Он выглядел точно так же, как и на видеозаписи, где был одет в соответствии с материковой модой. За спиной хозяина дома возникла его молодая жена в длинном цветастом платье, и тоже расплылась в приветливой улыбке, выглядевшей куда более естественно, чем у мужа. Их детей видно нигде не было.

— Не хотят ли господа зайти и отведать холодного лимонаду? — взяла на себя инициативу хозяйка. — А Дэймон пока вымоет руки, он с утра возится с генератором.

Действительно, руки мужчины были покрыты слоем пыли и машинного масла. Но он наверняка знал, кто мы такие, и понимал, зачем мы здесь. Сдали ли у него нервы, или агент решил, что другого шанса уже не будет, но его рука быстро метнулась за спину, туда, где за поясом торчал невидимый нам пистолет. Наверное, он был очень хорош по людским меркам, но для меня его попытка выглядела как нелепая сцена в замедленном кино. Сделав шаг вперед, я слегка ткнул мэтра Кроуза в диафрагму, и он рухнул как подкошенный, пытаясь уловить ртом глоток жаркого дневного воздуха.

Выдернув у него из-за пояса пистолет, я нагнулся и рукояткой раздробил ему кисти обеих рук. Он наверняка закричал бы, если бы мог. За него это попыталась сделать жена, и я ударил ее ребром ладони по горлу. Она была мертва еще до того, как тело коснулось пола. Я знал, что у киллера есть семья, когда ехал сюда, но почему-то не думал об этом. Наверное, подсознательно понимал, что произойдет. У меня оставалось много вопросов и мало времени. Я швырнул Кроуза в комнату, и он рухнул на пол, сбив по пути пару грубо сработанных стульев. Труп жены последовал за ним, упав сверху, и я вошел внутрь, аккуратно прикрыв за собой входную дверь.

Управиться до прихода детей мне не удалось. Они появились примерно через полчаса, о чем меня предупредил Авраам, погудев из джипа. Вряд ли полковник чурался грязной работы — просто полагал, что это не его дело. Зрелище баронского джипа на дорожке и тишина в доме дали братьям понять, что что-то не так. Но смелости напасть на водителя у них не нашлось, как и ума для того, чтобы тихо убраться обратно в подлесок. Вместо этого они начали осторожно продвигаться к дому, сжимая в руках дробовик и мачете. Что ж, упрекнуть их за сыновние чувства сирота в моем лице не решился бы. Выйдя через дверь на кухне, я незаметно обошел братьев сзади. Старший даже не услышал, как я свернул шею Кайлу, и умер, так и не узнав, что происходит, когда мачете брата вонзилось ему в горло.

Дэймон понял, что произошло, когда я вернулся. Лежащий на столе кусок плоти уже сложно было назвать человеком — целых костей в руках и ногах не осталось, на полу валялись три десятка удаленных отнюдь не хирургическим путем зубов. Но только теперь на его глазах появились настоящие слезы. Похоже, я избрал неверную тактику. Стоило привести одного из детей живым.

— Ну вот, — вздохнул я. — Теперь нас ничто не отвлечет. Что ты с друзьями там еще сделал с Даниэль? Изнасилование, пожалуй, пропустим. Перейдем сразу к свежеванию.

Кто-то ломается из страха потерять все. Кто-то потому, что все уже потеряно.

Им пришлось использовать черано потому, что Кроуза этому не учили. Его обычная работа состояла в том, чтобы люди переходили из этого мира в иной тихо, не вызывая лишних вопросов у полиции или прессы. Политик, утонувший в собственном бассейне. Журналист, упавший с обрыва на прогулке в парке. Ученый, вколовший себе слишком большую дозу необработанного сырца свайкса.

Но приказ есть приказ, бормотали окровавленные губы. Приказы приходят по передатчику, и он не знает, кто их отдает. Его готовили долгие годы, прежде чем вернуть на остров. Нет, он не знает, кто, где и зачем. АСР? Что это такое? А, да... он видел название в газетах. Другие? Он ничего не знает про других. Есть только он и файлы, которые ему присылают. Сколько? Много... сорок или пятьдесят.

Файл Даниэль Свенсон пришел за пять дней до срока. Его, как обычно, за день до

операции подобрала подложка по заданным координатам. Он не видел, кто ею управляет, никогда не видел. Его высадили в порту Бангкокской конгломерации. Он встретился с черано в каком-то офисном здании в центре. Нет, они не шли за ней, это же невозможно — трое инопланетников в незнакомом городе. Им дали сигнал на коммуникатор, переданный для миссии. Они использовали его для того, чтобы открыть дверь в квартиру — в прибор кто-то зашил код, отключивший запоры и сигнализацию. Их послали узнать имя, одно имя. Он не знает, чье и зачем, но в инструкции говорилось, что она поймет. Имя, которое она так и не назвала. Зачем? Что зачем? Зачем он это делал... он был должен. Это его работа. Этому его учили.

Он все еще бормотал, когда я поливал его тело низкосортным бензином из сломанного генератора. Зажигая спичку, я уже не чувствовал гнева. Это было правосудие, а кроме мести у меня в жизни мало что осталось.

— Я не получил удовольствия, — наконец сказал я. — Но я сделал кое-что для старого друга. Тебе разве не нравится отдавать долги?

— Я никому ничего не должен, — процедил полковник, и джип рванул в места, унося нас обратно в Главный город.

Нас не было около двух часов, но барон все еще сидел в своем кабинете. Статуи Маркуса в комнате больше не наблюдалось. Как со смешком заметил хозяин, шериф, очнувшись, немного расстроился и решил прогуляться.

— Он ничего не знал. — Я снова почувствовал себя опустошенным. — Я лишь убедился в том, что убийство спланировали заранее. Им нужно было имя — мое имя. Его они не получили. Впрочем, знают его сейчас. Значит, она умерла напрасно. Мне, наверное, следовало сидеть тихо. Но это немного не в моем духе, особенно сейчас. Мне нужны ответы. И очень нужен тот, кто отдал приказ.

— Ты в самом начале своего пути. — Цезарь горестно покачал головой. — Я завидую тебе, ведь у тебя есть шанс получить то, что не удалось мне, — отмщение. Но я порадуюсь, когда ты доберешься до них. Может, тех, кто убил моих мальчиков, уже и нет в живых, но их отродья наверняка процветают и занимаются тем же. Я мало чем могу тебе помочь.

— Вы можете научить меня, — возразил я. — Вы научили Авраама. Он гораздо лучше меня. Я не знаю, достаточно ли силен.

— Он не лучше тебя, — с сожалением сказал барон. — И я сомневаюсь, что он продолжит наш путь, когда меня не станет. Малыш себе на уме и не считает, что кому-то хоть чем-то обязан. Наша история для него — не более чем собрание баек белых придурков. Ему нужны власть и почести, нужен мой титул. Он нарушит равновесие, попытавшись подчинить себе весь остров. Не доверяй ему. А то, что он быстрее... я пробудил его много лет назад, и все это время он провел в упорных тренировках. Наша сила растет постепенно.

Мы всегда пробуждали подростков не раньше четырнадцати лет, и полное становление занимало два-три года. Мудро со стороны Творцов. Будь дар врожденным, его не удавалось бы скрыть — малыши или проявляли бы себя, или просто разбалтывали всем вокруг. Так что не расстраивайся — с тренировками или без, ты скоро во всем превзойдешь Авраама.

— На чем основана ваша уверенность? — поинтересовался я. — Вы полагаете, что гены двадцати четырех сильнее генов черных фидатов?

— Этого я не знаю, — ответил старик. — Но точно знаю, что крови двадцати четырех в тебе нет. Я рассказал, как красные десятилетия охотились на наших. Убили ли они всех потомков членов сообщества, живших вне острова? Возможно. Бароны, по крайней мере, больше никого не нашли. Но был род, который преследовали еще до Восстания, не щадя никого.

Барон неловко поерзал в кресле и, вздохнув, продолжил:

— Мне нелегко говорить об этом, ибо начали все мои предки. Но я расскажу то, о чем не подозревают красные и наш друг Маркус. И знать им не следует, даже если это не секрет для нашего общего врага. Как я говорил, фидаты ордена особо не лезли в дела красных и зеленых. Но когда шайны объявились открыто и учредили протекторат... для некоторых это оказалось слишком. Они полагали, что это первый шаг к колонизации, а жить в шайнской колонии им не хотелось.

Оставшиеся к тому времени восемнадцать родов собрались, чтобы обсудить проблему. Четырнадцать из них выступили за то, чтобы сохранить тысячелетнюю традицию невмешательства. Но четыре клана решили не подчиниться. Первый протектор в то время осваивал Мальту, и они отправились туда — семнадцать человек. Чтобы убить человека, пусть и

охраняемого, не нужно столько фидатов. Хотели после протектора перебить и всю его администрацию — тогда это было несколько сотен человек.

В общем, они разобрались с охраной и притащили его в какой-то зал для совещаний. Он не сопротивлялся. Только спрашивал, кто они такие. Те секретничать не стали, объяснили ему все как есть. Свечки с собой притащили, по углам расставили. Каждый взял по кинжалу. Запись включили. Хотели сделать что-то вроде того, что красные устроили моему тезке Цезарю пару тысяч лет назад, а видео послать шайнам в качестве предостережения. Ну, протектор подождал, пока они не наговорятся, а потом взял да поубивал их. Шестнадцать вооруженных фидатов, голыми руками за несколько секунд. Оставил в живых одну шестнадцатилетнюю девушку. Дал ей копию видео и велел отнести остальным — чтобы знали. Бедняжку казнили предки за послушание и чтобы не вывела на орден. Грустная история, в общем. Так прервались четыре рода, да.

— И что это было? — Старик снова попытался взять паузу, не договорив, и мне пришлось вмешаться с вопросами. — Сейчас угадаю... Первый протектор оказался каким-то суперфидатом, а я его потомок?

— Понятия не имею, кем он был, — с досадой сказал старик. — Фидат? Наверное. Супер? Возможно. Древние легенды говорили, что существовал особый род, прозванный другими Невидимыми. Сильнее нас. Только вот помимо пары строк в Книге, о них ничего не известно. Как и зачем его нашли шайны? Как заставили служить себе? Факт в том, что он убил шестнадцать наших, на что никто другой неспособен, сколько ни тренируйся. Предки не считали, что должны мстить за погибших — те сами сделали свой выбор. Но существование столь сильного рода на службе у шайнов признали неприемлемым. Посылать новых убийц к протектору не стали. Но с тех пор внимательно следили за его личной жизнью.

Первый был известный ловелас и путался почти со всеми своими помощницами. Две из них родили пару здоровых ребятшек. Жили они на Мальте, тогда попасть на остров было куда проще. Узнав о детях, предки послали наемника разобраться. Один из детей утонул в море, все прошло тихо. Мать горевала, протектор — неизвестно, но шума никакого не было. А вот со вторым вышла промашка. Наш человек сбросил ребенка со скалы, да нашлись свидетели. Уйти живым убийце не удалось. На орден он не вывел, но протектор понял, что на его детей идет охота. С тех пор каждая забеременевшая от него получала новую личность и отправлялась с острова в неизвестном никому направлении.

Так протектор укрывал как минимум семерых матерей со своим потомством. Конечно, он мог брехатить не только личных помощниц, но отследить всю его половую жизнь на закрытом острове никак не получалось. Со временем к охоте на протекторских детей присоединились и зеленые, особенно когда их пути окончательно разошлись, и они все же сумели взорвать его на церемонии. После восстания, насколько я знаю, поиски прекратились. Потомки двадцати четырех застряли на острове. Зеленых уничтожили. Красным же до детей протектора не было особого дела.

Что до вас, юноша... да, вы потомок одного из семи выживших, и Даниэль это знала. Неизвестно, единственный или нет, — прошло две с половиной сотни лет, включая Темный век. Общался ли Первый протектор с кем-то из детей, успел ли их пробудить и передать свои знания — нам неизвестно. Возможно, они и их дети росли как обычные люди.

— И каким же образом это вскрылось? — полюбопытствовал я. — Через двести с лишним лет, когда все ресурсы корпоративной власти в свое время не смогли обнаружить моих предков?

— Даниэль была умной девочкой, — уклончиво заметил барон. — С детства помешанной на истории и шайнах. И на Первом протекторе, разумеется. Его любвеобилие было широко известно еще при жизни, и зеленые пытались донельзя раздуть каждую из амурных историй, как доказательство его распущенности и аморальности. Ну и чтобы отыскать потомков, конечно. Подозревали они в нем фидата или нет, но тогда бродила теория о том, что доступ в командный центр связан с ДНК протектора.

А значит, его потомок теоретически мог унаследовать контроль над шайнскими спутниками. Но когда зеленые и протекторат окончательно разругались, об этом забыли. Командный центр располагался на Мальте, и протащить туда своего протеже никому не удалось бы, даже найди они следы одной из мамаш. Ну а после Реформации протекторская генеалогия вообще перестала кого-либо волновать. Шайны предоставили доступ к системе выборным протекторам, конец истории.

— Да будет вам. — Я с досадой посмотрел на старика. — Вы всерьез верите в то, что девочка-тинейджер, посидев в библиотеке, узнала то, до чего тысячи ищек не докопались за сотни лет? Наш друг Маркус, например, убежден, что ее завербовали на проект «Эрик Старгарт»

еще в Академии АСР. А значит, нашел меня кто-то из агентства. Кто-то достаточно умный и влиятельный, чтобы приставить ко мне соглядатая семь лет назад. И это не оранжевая оппозиция, которой мое имя было неизвестно. Видимо, несколько месяцев назад кто-то из оранжевых внутри АСР узнал о проекте, и они забегали.

Наверное, это была базука. Я не слышал выстрел, лишь приближение ракеты за мгновения до того, как она, разбив вдребезги окно, взорвалась посередине комнаты. Мы врзались в стекло почти одновременно: я — вылетая наружу, а снаряд — влетая внутрь. Падая, я успел заметить, что кабинет барона и несколько соседних помещений перестали существовать вместе со всеми обитателями.

Хотя моя новая эйдетическая память не позволяла забыть ни одного момента из прошлого, последние несколько часов на Мадагаскаре запечатлелись в ней как рваный калейдоскоп разрозненных событий. Возможно, причина была в том, что, пролетев восемь этажей, я врзался в крону кстати оказавшегося перед дворцом дерева. Не знаю, хватило ли бы моей ударопрочности, приземлился я на булыжники придворцовой площади.

Атака последовала сразу за ракетным ударом. Со всех сторон к островку ринулись вопящие толпы, облаченные в доспехи с символикой «Красных моголов» и «Воинов джихада», на ходу беспорядочно паля из ружей и пистолетов. Даже будучи оглушен взрывом и наблюдая эту сцену кверху ногами с высоты второго этажа, я не мог не удивиться полному отсутствию осмысленности в организации нападения. Стоящие у мостов орудия рывкнули, потом еще раз. Похоже, стреляли они шрапнелью с широким углом поражения. Первые два залпа прокосили пятиметровые просеки в рядах атакующих, мгновенно вызвав ужас и панику. Часть из них повернула назад, к выходящим на площадь проулкам. Но окна верхних этажей близлежащих зданий внезапно распахнулись, и в хаотично движущийся поток, зажатый в узких улочках, полетели десятки самодельных гранат, выгоняя пытающихся скрыться обратно к каналу.

Там их уже ждали знакомые мне бронемшины, оснащенные крупнокалиберными пулеметами. Вчера я лишь слышал их работу из укрытия, а сейчас мог наблюдать воочию. Машин было пять, и они заговорили одновременно. Пространство методично заливалось свинцом, а пули насквозь прошивали самодельные бронежилеты солдат, как бумагу. Многие падали на колени, с поднятыми над головой руками, но взятие пленных в повестке дня не значилось. Другие пытались вжаться в мостовую, прикрываясь телами товарищей. Пулеметы просто стали бить чуть ниже. Когда они умолкли, метатели гранат из соседних зданий превратились в стрелков, методично добивая из окон всех, кто еще подавал признаки жизни.

Бойня не заняла и пяти минут. Мое место среди ветвей предоставляло отличный обзор, но также делало меня прекрасной мишенью для любого снайпера, и я счел за благо спрыгнуть вниз. Кожа была прилично изрезана стеклами и ободрана о дерево, но в остальном я не пострадал. Со стороны одного из проулков на площадь перед мостами вышла представительная делегация в черных комбинезонах войск барона, дабы осмотреть плоды своей победы. Возглавлял ее, разумеется, мой друг Авраам. Мерзавца в момент ракетного удара даже не было во дворце. Похоже, сделанные им приготовления пошли впрок, хотя вряд ли гибель босса стоило отнести к числу его достижений как солдата. Нас разделяли добрые три сотни метров хаоса, но он конечно же заметил меня и повелительным жестом отправил в мою сторону пару прихвостней. Мальчик любил командовать.

Я пошел им навстречу, не дожидаясь приглашения. Мы не слишком нравились друг другу, а смерть барона делала мой статус весьма неопределенным. Но я не видел смысла бежать или сопротивляться. Вне зависимости от того, что мы с Авраамом думали друг о друге, он стал единственным, кто мог доставить меня в срок в точку эвакуации.

— Он не выбрался? — Полковник сразу перешел к делу, хотя уже знал ответ.

— Я сидел ближе к окну, — пояснил я. — Успел допрыгнуть. Он — нет.

— Что это, на хрен, было? — Я не заметил, чтобы мой собеседник был убит горем из-за смерти учителя, но его голос выдавал крайнее раздражение человека, который сделал все правильно, но что-то пошло не так.

— Думаю, армейская базука. — Я не был силен в определении типов ракетного оружия, которое никогда не фигурировало в криминальных сводках мегаполисов. — Выстрел можно произвести с расстояния в несколько километров, вне зоны прямой видимости. Искать стрелка бесполезно. Он мог стрелять и из-за города. Все равно здесь такого оружия ни у кого нет, ты же понимаешь.

— Да, мы этого не предвидели. — Авраам на секунду задумался. — Что ж, он предполагал, что они так или иначе до него доберутся. Видно, решили не оставлять вопрос на милость этих клоунов.

Он презрительно пнул первое попавшееся тело, лишенное одной из рук и половины головы то ли шрапнелью, то ли пулеметной очередью. Его подчиненные уже начали перетаскивать тела в центр площади. Возможно, большой костер являлся здесь частью обязательного ритуала празднования победы.

— Всех перебили? — любопытствовал я.

— Это просто кучка смертников, — пожал плечами полковник. — Человек триста, наверное. Послали чем-то провинившихся или совсем никчемных. Да не хотят их боссы воевать. Их заставляют — и кукловоды с материка, и собственные горячие головы. Сейчас расскажут на военных советах, что баронат слишком силен, но им удалось убить самого барона, и объявят это эпическим подвигом. Потом прибегут мириться. Я все-таки pošлю людей пошарить за городом. Хочу такую базуку.

— Договор насчет меня и Маркуса в силе? — Я остановил его, прежде чем новоиспеченный барон, уже отвернувшись, направился к своей резиденции. — Нам нужно убраться с острова, и сегодня.

— Да, — с некоторым удивлением откликнулся тот. — Конечно, я исполню волю старика. Но ты должен знать, брат — о чем бы вы там с ним еще ни договаривались, — это не мое дело. Я сохранию его флаг и назовусь бароном, но помни: я не один из потомков двадцати четырех. Мне эти поросшие мхом легенды не интересны. Я возьму пять жен и сделаю все, чтобы основать собственную династию. И я не буду рассказывать своим детям о Творцах и прочей ерунде. У меня есть пятьдесят лет, пока договор в силе. И я превращу за это время остров в место, куда материковые не сунутся и через полвека.

— А что с остальными потомками? — Я не был уверен, что хочу знать ответ.

— Я не стану убивать их, если ты об этом, — пробурчал Авраам. — Пусть живут, как живут. Когда-нибудь, глядишь, пригодятся. Мне пора идти, нужно разгрести бардак во дворце. Мы еще увидимся перед отъездом.

Через несколько часов мы с Маркусом стояли в полной темноте на одном из западных пляжей острова. Доставивший нас джип умчался так же быстро, как и гнал последний час по безлюдным проселкам. После нападения на дворец барона мы не обмолвились и парой слов. То ли старик все еще дулся из-за фокусов Цезаря, то ли был слишком потрясен случившимся. А может, просто опасался лишних ушей — до посадки в джип за каждым из нас как приклеенные ходили парни в черном.

Эвакуация запаздывала уже минут на сорок, когда я услышал шаги в нескольких сотнях метров от пляжа. Крадущихся было не меньше десятка. Оружие у нас изъяли еще в резиденции — Авраам рассудил, что оно нам больше не понадобится. Он оказался бы прав, прибуди подлодка вовремя.

Спасатели появились на небольшой надувной моторке, тихо выскользнувшей из-за ближайшего мыска. Вряд ли она могла вместить больше, чем четверых, и сейчас в ней сидели двое. Неприятель высыпал из подлеска метрах в двухстах от нас и бросился в атаку, на ходу стреляя из пистолетов. Мерзавцев оказалось двенадцать, и я не увидел на них знаков какого-либо клана.

На открытом и залитом лунным светом пляже наш выбор был небогат. Мы побежали по песку, стремясь не дать сократить расстояние до дистанции прицельной стрельбы. Лодка заурчала громче и прибавила скорости. Высокий силуэт поднялся и, прижав приклад к плечу, на ходу открыл огонь одиночными из снайперской винтовки. Стрелял он быстро, я насчитал восемнадцать почти неслышных за шумом мотора и прибоя хлопков, сделанных менее чем за полминуты. Пистолетная какофония за спиной стихла. Я обернулся и увидел четверых, убегающих обратно к лесу. Неплохо для стрельбы из лодки по движущимся мишеням.

Только сейчас я понял, что последние несколько секунд не слышал за собой неуклюжий топот шерифа. Я не бежал так быстро, как мог бы, но старик все равно отставал на пару десятков метров. Теперь он лежал навзничь на песке без движения. Я подошел, чтобы убедиться. Его глаза были открыты и смотрели на звезды.

Облаченный в черный гидрокостюм, Нгубо практически сливался с ночью, если бы не предательски блестящие белки глаз. Моторкой ловко управлял китаец небольшого роста, подводя

ее прямо к кромке прибора.

— Где Маркус Смайт? — проорал Нгубо, когда до них оставалось меньше полусотни метров.

— Мертв. Мы сможем забрать тело, чтобы доставить семье?

— Его место здесь. — Нгубо покачал головой, выражая сожаление. — О нем позаботятся его люди. Нам нужно двигаться дальше. Тебе нужно.

Я перевалился через борт, маленький китаец нажал кнопку, снова почти бесшумно заурчал гидромотор, и лодка понеслась в открытое море — туда, где нас ждали.

Глава 14

Брифинг проходил в теплой и непринужденной атмосфере. Координатор миссии, нервного вида тщедушный индус за сорок, единственной запоминающейся чертой лица которого были франтоватые усики, очевидно, считал приветствия и представления ниже своего достоинства. Ворвавшись в переговорную, он быстро кивнул Рамиресу, присутствовавшему скорее для придания веса мероприятию, и перешел к делу.

— Ваша миссия, — меня не удивило, что говорил субъект неприятным писклявым голосом, постоянно повторяясь, — ваша миссия состоит в том, чтобы, прибыв на планету МА3568, известную как Вальгалла, установить, располагают ли местные жители какими-либо сведениями об убийстве сотрудницы АСР Даниэль Свенсон, и причастны ли они к организации данного преступления. Вы уполномочены лишь, подчеркиваю для новичков, — он уставился на меня недружелюбным взглядом, — уполномочены лишь осуществить сбор сведений. В случае обнаружения доказательств вовлеченности кого-либо из местных в убийство, а равно иную деятельность, направленную на подрыв безопасности Земли, вам запрещается предпринимать какие-либо действия по их допросу, задержанию либо ликвидации.

Координатор вновь враждебно уставился на меня под смехи развалившегося в кресле Нгубо. Кроме нас четверых, в комнате никого не было, и инструктаж смахивал на какой-то бюрократический фарс, предназначенный для сторонней аудитории.

— Все понятно, — смиренно сказал я.

Удовлетворившись ответом, владелец усиков продолжил:

— Вашей легендой будет научно-исследовательская экспедиция, направленная на изучение взаимодействия общин, сложившихся на планете с момента колонизации. Возглавит экспедицию доктор Сото, признанный специалист в области ксеносоциологии.

Нгубо осклабился и несколько раз ударил себя кулаком в грудь, удачно имитируя вожака стаи горилл. Его официоз мероприятия явно забавлял. Координатор одарил «доктора» неодобрительным взглядом, после чего переключился на меня:

— Агент Старгарт не имеет каких-либо ученых степеней и неизвестен в научных кругах. Зато известен как законник, чье лицо и фамилия многократно фигурировали в новостях, а также судебных и административных материалах. Изъятие подобного объема информации само по себе способно привлечь ненужное внимание и поэтому не рассматривается.

Докладчик отпил воды из большого стакана на столе и продолжил. Записями он не пользовался, что внушало уважение. Очевидно, его работа подразумевала хорошую память.

— Тем не менее, — на сей раз взгляд Координатора выражал нечто среднее между легким удивлением и поощрительным одобрением, — тем не менее принято решение о возможности использовать агента Старгарта для оперативной работы на планетах категории D и ниже.

Нгубо зевнул — свою порцию инструкций он определенно получил в других кабинетах и ничего нового для себя пока не услышал. Рамирес молча сидел за моей спиной, его присутствия в комнате вообще не ощущалось.

— При принятии данного решения... — Голос руководителя брифинга неожиданно сорвался на фальцет, и он счел за благо прокашляться. — При принятии данного решения была учтена подлинная биография агента Старгарта, окончившего факультет социологии Сингапурского университета, с общим баллом... э-э-э... девяносто два. Что достаточно для продолжения научной карьеры в качестве ассистента профессора кафедры социологии. Агент Старгарт занимался данной деятельностью, разрешенной для законников, с момента окончания университета, то есть на протяжении трех последних лет. Его научным руководителем все это время являлся профессор Ндоу Ванг.

Докторская диссертация по теме «Девиантное поведение в социумах планет категорий D, E

и F» поступила на рассмотрение ученого совета Сингапурского университета неделю назад, защита назначена на следующий вторник. Имеются положительные отзывы профессоров Майкла Трампа из Нового Гарварда и Виктории Власовой из Московского университета. Как ожидается, защита диссертации пройдет в спокойной и дружественной атмосфере, после чего в следующую пятницу господину Старгарту будет присвоена степень «доктор ксеносоциологии».

— Поздравляю вас, доктор! — заорал Нгубо, изо всех сил хлопнув меня по недавно зажившему плечу. — Добро пожаловать в наш академический мир! Вечеринка в субботу, выпивку и девочек беру на себя. Нужно же передавать знания в массы.

Рамирес кашлянул из-за наших спин, и Нгубо унялся. Я, в свою очередь, воздержался от глупых вопросов о том, каким образом мои восемьдесят три академических балла вдруг превратились в девяносто два, кто написал за меня диссертацию, и каким образом АСР удалось вовлечь в этот шабаш как минимум трех светил ксеносоциологии, не говоря уже об ученом совете уважаемого университета.

— Таким образом, — повысив голос, Координатор снова сорвался на визг, — таким образом, смена деятельности господина Старгарта, по оценкам аналитиков, выглядит достаточно естественной. Незамедлительно по получении агентом Старгартом докторской степени властям Вальгаллы будет направлен запрос о выдаче разрешения на проведение экспедиции. Инициатором исследования выступит Мельбурнский университет, где доктор Сото занимает должность профессора на протяжении последних лет.

Как мы полагаем, запрос рассмотрят в течение двух-трех недель. Вальгалла — небогатый мир, и любые валютные поступления там приветствуются, тем более в виде щедрого сбора за выдачу разрешения, который готов уплатить университет. Исходя из этого экспедиция должна быть полностью подготовлена в течение четырех недель, что совпадает со временем отбытия на Вальгаллу транспортника «Один» — единственного звездолета, имеющегося в распоряжении этой планеты и названного в честь какого-то древнего скандинавского бога.

Осушив стакан, Координатор перевел дух. Было непохоже, что публичные выступления являются его коньком. Нгубо дремал в своем кресле. Рамиреса я не видел, но исходя из ровного сопения за моей спиной предположил, что тот погрузился в глубокую медитацию.

— Перейдем к обсуждению конкретных задач. — Докладчик сделал чуть заметное движение рукой, и над столом повисла голограмма с тремя лицами.

На нас смотрели суровый мужественный субъект лет пятидесяти, чем-то неуловимо напомнивший мне Маркуса, жизнерадостный загорелый блондин примерно того же возраста, излучающий обаяние профессионального продавца или политика, и красивая голубоглазая брюнетка, слегка насмешливо улыбающаяся уголками губ. Первые два изображения, судя по качеству, попали в базы АСР из местной прессы, а вот юная леди засветилась при визите на Землю, поскольку формат картинка очевидно свидетельствовал о том, что сделана она для получения въездной визы моими коллегами из СКИП.

При виде брюнетки Нгубо заметно оживился и тихим свистом выразил свое одобрение, удостоившись очередной порции недовольных взглядов старших коллег.

— В соответствии с полученной оперативной информацией, — многозначительно продолжил Координатор, — именно эти лица и неустановленный круг их сообщников на Вальгалле и в других мирах могут быть причастны к... э-э-э... инциденту с агентом Свенсон. Господин Томас Кейн, пятьдесят два года, на протяжении последних пятнадцати лет является бессменным главным администратором Внутренней территории Вальгаллы. Выборы проходят каждые три года, и его недавно переизбрали на шестой срок. Наши источники характеризуют господина Кейна как человека умного, обаятельного, дружелюбного и вместе с тем волевого и жесткого, когда это необходимо. Население Внутренней территории составляет всего триста тысяч человек, но за год ее посещают около пятидесяти тысяч инопланетных туристов, ученых и предпринимателей. По нашим данным, администратор Кейн никогда не покидал Вальгаллу. Планета ведет ограниченную торговлю с рядом миров, и какой-либо интерес со стороны ее руководства к внешней политике никогда не фиксировался.

Образ блондина уменьшился, и на первый план выдвинулась фотография волевого субъекта.

— Джереми Блэкстоун, пятьдесят четыре года, шериф. Занимает свою должность почти десять лет. Формально она является выборной, но фактически семейство Блэкстоун руководит поддержанием порядка на острове с момента колонизации. Из прессы известно, что шериф

человек жесткий и скорый на расправу. Его авторитет очень высок, несмотря на свободные нравы местных. Получить какие-либо достоверные сведения о его личности от посещавших планету землян нам не удалось, поскольку он в принципе избегает общения с инопланетниками. За него это делает его заместитель, Кристина Блэкстоун, двадцать четыре года.

Изображение брюнетки теперь заняло всю проекцию, и Нгубо довольно зачмокал.

— Как нам известно, госпожа Блэкстоун, являющаяся племянницей шерифа, в его ведомстве возглавляет подразделение, отвечающее за допуск на планету, а также расследование правонарушений, совершаемых инопланетниками либо в отношении них. По сути, речь идет о местном аналоге СКИП. Функция это достаточно важная, поскольку промышленное производство на Внутренней территории развито слабо, отношения у острова с материком напряженные, а значит, местная экономика зависит от импорта, который невозможен без доходов от туризма и исследовательских экспедиций.

Госпожа Блэкстоун, насколько нам известно, не замужем. Три года назад окончила единственный на острове колледж, где помимо местных профессоров преподают и инопланетники, прибывшие на планету в составе долгосрочных экспедиций. Имевшие с ней дело в ходе различных... э-э-э... ситуаций туристы характеризуют ее как умную, жесткую, циничную, хорошо знающую свое дело. А также как, хм, «горячую штучку». Возможно, последнее обстоятельство в глазах трех опрошенных явилось фактором, который позволил им сохранить позитивные воспоминания о визите на Вальгаллу, несмотря на то что у одного из них в результате общения с госпожой Блэкстоун оказалась сломана рука, у другого — запястье, а у третьего выбиты четыре зуба.

Нгубо теперь смотрел на висящую в воздухе женскую головку с признаками явного обожания.

— Как установлено Оперативной службой, — интонация Координатора теперь взывала к полному вниманию, — двадцать первого марта сто пятидесятого года Кристина Блэкстоун прибыла на Землю. Поводом к визиту стала трехмесячная стажировка в полицейском управлении Бангкока, согласованная с земными властями. Финансировалась поездка за счет ведомства главного администратора Внутренней территории Вальгаллы по представлению шерифа Блэкстоуна.

В ходе пребывания на планете, и в частности в городе Бангкок, госпожа Блэкстоун неоднократно вступала в контакт с агентом Свенсон. АСР располагает свидетельствами их совместного посещения ресторанов, клубов и поездок в пять других мегаполисов, включая расположенные в них Кварталы Радости. При этом Оперативной службе не удалось установить, когда, при каких обстоятельствах и по чьей инициативе состоялось это знакомство.

По месту прохождения стажировки офицер Блэкстоун в неформальной беседе охарактеризована как «умная бестия», «очень крутая», «далеко пойдет» и «да я бы променял пяток своих ребят на нее одну». С этой блестящей рекомендацией, выраженной в соответствующем виде в официальной форме, двадцать пятого июня сто пятидесятого года она отбыла на родную планету. Более никакими данными в ее отношении на текущий момент мы не располагаем.

И правда, у них имелось полно фото с камер наблюдения в самых различных местах, да будет благословенен наш электронный век. Вот Даниэль и Кристина в вечерних нарядах в каком-то гламурном баре. Вот они в ресторане — брюнетка в полицейской форме, блондинка — в строгом деловом платье. Вот девушки в шортах бегут по набережной где-то в Бангкоке. Вот какое-то светское мероприятие, где вокруг них вьется толпа кавалеров.

Меня привлекли к миссии как знакомого Даниэль, но я ничем не мог им помочь. Нет, я не знаю Кристину Блэкстоун. Лицо выглядит смутно знакомым, но я первый раз вижу такую красивую коллегу. Нет, Даниэль никогда о ней не упоминала. Да, я слышал о Вальгалле. Я же ходил в университет, и на ксеносоциологию — тоже. Единственная мультиобщинная планета класса D, Девятислойная гора — одно из двенадцати чудес обитаемых миров. Нет, никогда не обсуждал этот мир с Даниэль. Нет, у меня нет знакомых с Вальгаллы. Никогда не слышал, чтобы такие контакты водились и у агента Свенсон.

Брифинг слегка оживился, когда Нгубо неожиданно подал голос, вступив в перебранку с Координатором. Как оказалось, сама идея миссии представлялась ему пустой тратой времени и ресурсов.

— Так что у нас есть-то? — агрессивно начал он. — Оперативная служба не располагает вообще никакими доказательствами того, что эта особа каким-либо образом связана с гибелью

Свенсон. Ну прилетела она за три месяца до того. Ну понравились девушки друг другу. Неудивительно — обе красотки, обе умницы, да и пинков любому мужику каждая из них надавать может. Тоже мне «инопланетница» — колонистка с планетки типа D, ага, угроза земной безопасности. Да где бы она с этими черано познакомилась? А мотив-то в чем может состоять у этой деревенской? Свенсон обманом выманила у нее семейный секрет яблочного пирога? Или мужика увела? Ее отрядил сельский мэр, чтобы убить тщательно законспирированного агента АСР, вообще никак не связанного с Вальгаллой?

К моему удивлению, на лице Координатора не дрогнул ни один мускул.

— Вы закончили, агент Нгубо? — почти ласково спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Хотелось бы напомнить присутствующим, что с момента убийства агента Свенсон прошло уже немало времени. Помимо полиции следствием занималась и специальная группа Оперативной службы. Весьма, уверяю вас, немалочисленная. И сколь ни была бы общительна убиенная, все ее контакты тщательно изучены. Черных дыр осталось немного, и госпожа Блэкстоун — одна из них.

Напоминаю также, если кто не в курсе, что Вальгалла — единственная известная планета, где оказались представители всех трех волн Исхода. А значит, там существуют три независимых друг от друга анклава без формирования единого правительства. И кто знает, какие мысли посещают головы их политиков, когда они смотрят через океан на недружественных соседей.

Наши аналитики выдвинули несколько версий того, что на самом деле делала госпожа Блэкстоун на Земле. Она могла пытаться заручиться политической поддержкой, необходимой Внутренней территории на случай конфликта с материком. Искать выходы на поставщиков вооружений для своего анклава. Ее могли послать, чтобы найти способы увеличить туристический поток. В свои двадцать четыре года она является третьим по значимости чиновником в своей стране и рано или поздно займет кресло шерифа, а то и главного администратора.

Нужно ли объяснять, что агент Свенсон, с ее обширными связями, была прекрасным кандидатом на роль лоббиста Вальгаллы на Земле? Безотносительно того, знала ли госпожа Блэкстоун о ее работе на АСР или нет. Но мы можем лишь гадать о том, что обсуждалось между ними. В таких чувствительных делах никогда не знаешь, чем закончится партнерство. Возможно, агент Свенсон узнала нечто, за что ее стоило ликвидировать. Или отказалась предоставить обещанные услуги. Или госпожа Блэкстоун решила избежать оплаты уже оказанной помощи.

Любому близко знавшему Даниэль эти теории показались бы бредом, но для стороннего слушателя звучали вполне убедительно. Нгубо скептически фыркнул, но помалкивал. Я был удивлен, что ему до такой степени не хочется ввязываться в эту операцию. Очень любопытно.

С брифинга я без каких-либо экзаменов вышел действующим агентом Оперативной службы АСР, готовящимся к своей первой миссии за пределами Земли. Четыре года подготовки к тестам, четыре попытки. Нужно было пристрелить кого-нибудь куда раньше.

Оставшуюся часть встречи заняло обсуждение скучных технических деталей наших легенд и постатейный разбор того, чего я не знал и не умел, а должен был бы знать и уметь согласно руководству Оперативной службы для полевых агентов. Итоговый список заданий для новичка состоял из необходимости освоить примерно двадцать тысяч страниц информации, пройти курсы рукопашного боя, стрельбы, вождения наземного и воздушного транспорта, механики, выживания в экстремальных условиях и еще бог знает чего. Ответственным за мою подготовку назначили доктора Нгубо, не продемонстрировавшего по этому поводу никаких признаков энтузиазма.

Мы выползли на дневной свет из неприметного здания в центре Спейстауна часов через шесть после начала совещания. Новоиспеченный напарник выглядел невесело, и дорога до нашей резиденции прошла в унылом молчании. Да, я именовал ее «резиденция». После кампуса Полицейской академии и полагавшихся мне по рангу служащего крохотных квартирок в Сингапуре и Опенгейте, это был настоящий дворец. Стилизованный под средневековый замок домик затерялся где-то в западной части города, отделенный от него рукотворным каналом. С другой стороны двухметрового забора и до внешней границы анклава простиралась километровая лесополоса.

Тщательно ухоженный участок перед домом занимал добрых полгектара, с множеством клумб поразительных по красоте цветов, названий многих из которых я не знал. Я понятия не имел, кто являлся владельцем особняка, но предполагал, что это жилище одного из заправил агентства. Впрочем, если и так, то оккупировавшая весь десяток спален публика не демонстрировала никакого почтения к собственности босса. Сейчас поместье больше смахивало

на казарму, где в гостиной расположился штаб, над обеденным столом постоянно вились голограммы и проекции с массивами информации, а по коридорам шлялись то с деловым видом, то явно без дела отвязные дружки Нгубо, для которых демонстрация собственной крутизны являлась основным жизненным приоритетом.

Парочка подобных персонажей встретила нас у входа, покуривая нелегальный свайкс и поигрывая пальцами на спусковых механизмах автоматов неизвестной мне модели. Я знал, что еще как минимум четверо в данный момент патрулируют внутренний периметр. Снаружи охрану несли двадцать дронов, которые Нгубо позаимствовал у Службы внутренней безопасности, лично проследив за тем, чтобы тех перепрограммировал его человек.

Я вздохнул и, упав на кровать, активировал планшет с информацией по предстоящей миссии. На меня смотрело красивое молодое лицо с чуть насмешливыми голубыми глазами. Да, именно таким я его и помнил с момента, когда впервые увидел в ресторане на нашей с Даниэль встрече...

За две недели в Спейстауне на меня не было совершено ни одного покушения, что даже разочаровывало. Думаю, не только меня, но и моих покровителей из АСР. Никакой медицинской необходимости держать меня в госпитале так долго не было. Несмотря на все приключения, нога заживала на удивление быстро, а от раны на плече остался лишь еле заметный шрам. Так что из больницы меня выписали на попечение Нгубо.

В мире же, если верить новостям, не происходило почти ничего интересного. Мальта скорбела о Двадцать седьмом протекторе, ставшем жертвой несчастного случая. Всемирное правительство и политиканы выражали приличествующие моменту соболезнования. Временным протектором стала моя знакомая Лиана Сторм, выборы постоянного должны были состояться через три месяца, но в ее победе никто из журналистов не сомневался. Война на Мадагаскаре и гибель восьмого барона в сводки и вовсе не попали.

Нгубо и его люди что-то расследовали. Вообще-то официальное следствие по факту покушения на мою жизнь снова вел Вахаднапул, но, как я понял из его последнего визита, оно превратилось в кучую папку с файлами на одном из серверов Службы внутренней безопасности. Формально они сделали что могли, а дергание неизвестных тигров за усы выходило за рамки их компетенции.

Зато входило в новую компетенцию доктора Сото. Населившие резиденцию полтора десятка таких же «ксеносоциологов» периодически отлучались по неким делам, докладывая о результатах своему черному владыке. Тот регулярно устраивал мозговые штурмы, собирая всех в обеденном зале, но меня на них не пускали. Вместо приглашения к участию то ли в расследовании, то ли в тайной спецоперации сомнительной степени законности, мне вручили планшет с Кратким вступительным курсом агента Оперативной службы Агентства стратегического развития, объемом каких-то двенадцать тысяч страниц.

Дней через пять учеба уже сидела у меня в печенках, и я предложил разузнать, как движется дело о покушении на Мальте. Меня выслушали, поскольку оперативных источников в протекторате у АСР не имелось.

Правая рука доктора Сото, долговязый тип, откликнувшись на имя Блейд, недоверчиво поинтересовался, как я собираюсь это сделать. У меня, собственно, была одна идея — позвонить и спросить. Кому? Лиане Сторм, разумеется. Следующие четверть часа я был вынужден выслушивать пошлые остроты и довольно обидные ремарки относительно моей мужской привлекательности, сводящиеся к тому, что красотка протектор вряд ли пожелает общаться с бедолагой вроде Эрика Неубиваемого. Кличка не иначе родилась во время одного из мозговых штурмов, после пары пинт пива на каждое участвовавшее в нем лицо. Я надеялся, что ее создание хотя бы не являлось единственной темой того совещания.

Нгубо и Блейд не смеялись, а, пошутукавшись в углу, объявили, что звонок состоится на следующий день. Как обещал местный спец по технологиям, его должны отследить до некоего домика в предместьях Новой Столицы. Сутки потребовались для того, чтобы организовать там ловушку. Один из агентов, примерно соответствующий мне по телосложению, нацепил полимерную маску, вполне удачно имитирующую мое лицо, и в сопровождении семи вооруженных до зубов коллег отбыл туда утром.

Ровно в полдень я активировал коммуникатор и предложил ему соединить меня с Лианой Сторм. Через секунду на экране появилось лицо миловидной девушки, совершенно определенно Лианой не являвшейся. Леди в устройстве вежливо поинтересовалась, чем может мне помочь, на

что я в соответствии с заранее оговоренной с ребятами из АСР легендой представился Эриком Кристиансенем, репортером «Всемирных новостей», желающим взять интервью у Временного протектора. Проверка в современном мире не заняла и минуты, после чего я был переключен на сурово выглядящего субъекта, который шипящим замогильным голосом сообщил мне, что беспокоить протектора под вымышленным именем — не лучшая моя затея.

Я полностью согласился с ним, предложив передать протектору, что с ней желает поговорить Эрик, которого она может помнить по недавней морской прогулке. Если, конечно, она сейчас не слишком занята в той комнате, где у всех статуй есть лица. Я не сомневался, что сведения о моем посещении острова тщательно удалены из всех местных систем, а в охране и аппарате протектора произведены радикальные чистки. Новички или нет, но дураками новые сотрудники не были. Последняя фраза давала понять, что звонящий в курсе относительно облика комнаты для совещаний высшего руководства, а это переводило вопрос на другой уровень.

Теперь я смотрел в темный экран, из-за которого молодой мужской голос вкрадчиво интересовался, какое же дело у агента СКИП Старгарта, звонящего по секретной линии АСР из Спейстауна, к его начальнице. Я скорчил рожу Нгубо и его технику, сидевшим вне зоны видимости устройства, и выразил убеждение в том, что в силу обстоятельств нашего знакомства протектор, безусловно, захочет принять мой звонок.

На этот раз пауза затянулась минут на пять. Поскольку экран деактивировали с той стороны, у меня даже появилось неприятное опасение, что сигнал не отключают лишь для того, чтобы точно выяснить наше местоположение и стереть замок в пыль ударом с одного из протекторских спутников. Но нет, в итоге на экране возникло лицо субъекта номер четыре, чрезвычайно серьезного с виду юноши, который объявил, что является ассистентом протектора по имени Роберт и соединит меня с ней через минуту.

Действительно, вскоре на меня уже смотрели два пронзительно-зеленых глаза на красивом лице в копне огненно-рыжих волос. Сигнал коммуникатора дублировался на экран, где его могли видеть Нгубо, Блейд, техник, имени которого никто и никогда не произносил в моем присутствии, и высокий тощий хмырь по кличке Ствол. Завидев Лиану, Нгубо ожидаемо выкатил глаза и плотоядно облизнулся, лицо Блейда, как обычно, осталось бесстрастным, а техник со вздохом вытащил из кармана серебряный долт и передал Стволу, принявшему выигрыш со снисходительной ухмылкой. Приятно, что в команде были люди, верящие в мое обаяние.

— Добрый день, протектор, — осторожно начал я.

— Какого черта вы звоните вот так, Эрик? — Кажется, какое-то время назад вежливые приветствия на этой планете просто отменили, забыв сообщить мне об этом. Хотя большому боссу в стрессе многое прощительно. Чуть умерив тон, Лиана продолжила: — Я ценю вашу осторожность, но с этими шпионскими штучками вы только подняли волну. В следующий раз скажите, что звонит Скиталец, и вас сразу соединят.

Ну вот, теперь еще и Скиталец. Прямо насмешка над моим текущим положением. Впрочем, в глазах подслушивающей четверки мой рейтинг прыгнул вверх на пару десятков пунктов. Вряд ли у кого-то из них имелся личный код для звонков сильным мира сего.

— Главное, что это сработало. — Она не поздоровалась, а я не стал извиняться. — Я хотел узнать, есть ли какие-нибудь новости относительно моей... ситуации.

— Маркус с вами?

Мне было любопытно узнать, что протекторат не всеведущ.

— Он погиб три недели назад на Мадагаскаре.

Она приняла новость молча, и я продолжил:

— Я теперь живу на конспиративной квартире под присмотром АСР.

Технически это было правдой. Но если в ее аппарате водились предатели, все еще оставалась надежда, что они заинтересуются другой квартирой, где их уже ждали.

— Это не тема для разговора по коммуникатору. — С последним сложно было не согласиться. — Я пришлю человека. Завтра вас устроит? Он может быть у вас в десять утра.

Мы надеялись на подобное развитие событий, и Нгубо одобрительно закивал головой как бешеный.

— Да, давайте мы с ним встретимся в кафе «Черчилль» в Спейстауне. Со мной будет охрана.

— Разумеется. — Разговор был окончен, но перед тем, как отключиться, рыжеволосая мечта половины мужчин планеты добавила: — Я рада, что вы живы, Эрик. Думаю, мы еще встретимся.

Кажется, мой личный рейтинг теперь взлетел до небес.

Глава 15

Кафе «Черчилль» было одним из множества расположенных в пляжной зоне заведений, где посетители могли насладиться видом океана, не вставая с удобных кресел возле старомодных столиков на трех ножках. Над входом красовалось изображение полного мужчины с сигарой в зубах, о роли которого в истории уже мало кто помнил. Мне он показался похожим на Честерфилда при нашей первой встрече. Клиентов обслуживали молоденькие официантки, по виду еще не окончившие школу, — членам семей обитателей города тоже нужно чем-то заниматься.

Приняв заказ, одна из них упорхнула к бару, а я комфортно развалился в ближайшем к дорожке променада кресле. Компанию мне составлял Блейд, изображающий телохранителя. Широко известного в узких кругах доктора Нгубо единодушно решили не светить. За прилегающей территорией следили двое снайперов, а из шести занятых столиков у трех расположилось наше прикрытие — якобы влюбленная парочка, работяга из службы сервиса в комбинезоне и увлеченный своим планшетом клерк.

Пляж в полусотне метров от веранды чистили три дрона-уборщика, а точнее, замаскированные под них боевые охранные модификации. Оснований расслабляться не имелось. На подставную квартиру никто нападать не торопился, что могло иметь несколько объяснений — то ли Лиана избавилась от вражеских агентов, то ли противник копил силы, то ли логично рассудил, что открытое кафе — куда лучшее место для проведения операции. У меня из головы не вылезал фокус с базуккой, но в воздухе где-то над нашими головами вились несколько десятков мини-дронов, которые, как уверял Нгубо, засекут и уничтожат любую ракету на подлете.

Посланника я узнал сразу. Это имело смысл — круг посвященных наверняка очень узок. Непонятно только, как ему удалось просто материализоваться в Спейстауне, прогулочным шагом выйдя из-за угла соседнего здания. Нгубо со вчерашнего дня отслеживал все КПП анклава, и представители протектората ни на одном из них не появлялись. Мне в голову пришел вариант с морским десантом в духе того, что я сам пережил на Мадагаскаре, но гость был совершенно сух и опрятно одет.

Кит плюхнулся на свободный стул рядом с нами, буркнув: «Привет».

— Ну привет. — Я уже настолько привык, что необходимость общения со мной не вызывает ни у кого энтузиазма, что перестал обращать на это внимание. — Как папа?

Юноша ошарашенно уставился на меня, потом уже несколько встревоженно — на Блейда. Очевидно, в протекторате разглашение подобного рода семейных связей не приветствовалось.

— Прекрасно, — наконец нервно ответил он. — У вас есть вопросы, Эрик?

— Хотел узнать, как движется ваше расследование. И кто конкретно им занимается. АСР беспокоит смерть их агента и покушения на мою персону. Нам стоит объединить усилия.

— Я передам ваше предложение. — На этот раз Кит отреагировал быстро и с видимым облегчением. — Расследованием занимается специальная группа в прямом подчинении протектора. Как вы понимаете, это все крайне конфиденциально.

— Он в курсе, — пояснил я, увидев вопросительный взгляд Кита, обращенный на Блейда. — У нас тут тоже что-то вроде специальной группы, и я ей все конфиденциально разболтал.

— На самом деле продвинулись мы не сильно, — нехотя признал подчиненный Лианы. —

Выжил один из нападавших, он сейчас у нас. Но знает не слишком много. Он с друзьями входил в банду «Серый трезубец», может, слышали о такой. Примерно за сутки до покушения к ним обратились некие лица с предложением работы. Сам он мелкая сошка, поэтому в контактах не участвовал, вопрос решался на уровне главарей банды. Каждому из бойцов заплатили авансом сто тысяч юнов. Сколько оставило себе руководство, неизвестно. Целью являлись вы, Эрик, и все, кто будет рядом. Они не предвидели, что вас пойдут провожать сам протектор.

— И как им удался их маскарад? — поинтересовался я.

— Защитные костюмы и оружие гвардии им передал заказчик вместе с планом операции. Помимо них они получили десантный бот, на котором прибыли на остров. Бот не гвардейский, это модификация транспортника космодесанта, с облицовкой, напоминающей нашу. Хорошая работа, с расстояния разница незаметна. При подлете к острову подали правильный опознавательный сигнал. Одновременно диспетчерская башни получила приказ протектора перевести охрану

площадки в гараж, поскольку гости якобы должны убыть на машинах в Валетту. Проследить источник приказа не удалось.

Особым умом эти ребята не отличались. Их уверили, что после расстрела они просто сядут в свой бот и улетят в начавшейся неразберихе. Думаем, по плану заказчиков их должны были уничтожить в воздухе, тогда исчезла бы и основная часть материальных доказательств.

Костюмы немного устаревшей модификации, но внешне от новых не отличаются. Эти восемь и еще четыре необнаруженных списал как дефектные и продал завскладом одного из отрядов три года назад. Бедняга думал, что покупатель — киностудия, снимающая фильм о Темном веке. Жаль, ему не пришло в голову, что тогда подобных костюмов не было и в помине — они появились после Реформации. Оплатил заказ известный кинопродюсер. Вскоре после этого скоропостижно скончавшийся от естественных причин. Дальше их проследить не удалось. Штурмовые винтовки — актуальные образцы, но после того, как полсотни лет назад вооружение гвардейцев и космодесанта решили унифицировать, их наклепали миллионы. У нас инвентаризация недостатков не выявила, до сих пор ждем результатов ваших воёк. Все маркировки тщательно уничтожены, восстановить невозможно.

— Вы занялись «Серым трезубцем»? — Мне, как бывшему полицейскому, название было хорошо известно. Организованную преступность на планете официально искоренили много десятилетий назад. Но мифы бессмертны, и некоторые из них вновь и вновь собирали последователей. К таковым относился и «Серый трезубец» — тайная организация варамайи, созданная полторы сотни лет назад для того, чтобы противостоять Реформации.

От националистической и террористической идеологии в ней осталось немного. Синдикат заправлял в Кварталах Радости десятка мегаполисов, не оставляя попыток расширения. Примерно раз в пять лет полиция проводила масштабные облавы на его лидеров, исправно пополнявших ряды жителей Мадагаскара. Группировка залегала на дно, но через пару лет оставшиеся на свободе сержанты и лейтенанты вырастали в боссов, и все начиналось по новой.

— Конечно, занялись, — с упреком посмотрел на меня Кит. — Только вот трое братьев из Калькутты, которые держали связь с заказчиками, сгорели заживо в тот самый момент, когда бот приблизился к Мальте. Денег мы не нашли, хотя Трезубцы не ввязались бы в такое без солидного аванса. Значит, они либо получили их на счета в инопланетных банках и собирались покинуть планету, или наличными в крадах. Наши ребята хорошо потрясли калькуттскую ячейку, уж поверьте. Больше никто ничего не знает.

— Значит, у вас ничего нет. — Печально, но после всех ухищрений встреча оказалась практический бесполезной. — Босс, наверное, в восторге?

— Вы даже не представляете себе, — вздрогнул гость. — Она лично проводит совещания через день. Сменилось уже двое руководителей следствия. Она очень, очень настойчива. Вы же понимаете, что она собирается стать первой женщиной-протектором в истории? На острове все знают, что протектора убили, пусть и не в курсе подробностей. Если она не сможет найти и покарать виновных в ближайшие пару месяцев, ее конкуренты представят это как доказательство ее слабости и некомпетентности. Тогда узнает и весь мир, а это плохо, очень плохо для протектората.

Меня удивила его откровенность. Впрочем, демократия на Мальте всегда была делом относительным, так что он вряд ли мог позволить себе выговориться на острове. Расстались мы вполне по-дружески, под обещания держать друг друга в курсе ведущихся расследований. Кит заверил меня, что я желанный гость в протекторском округе и, несмотря на предыдущий сомнительный опыт, предложение убежища и защиты исходит лично от протектора и носит бессрочный характер. Нгубо послал летающего дрона подсмотреть, куда денется посланник, но тот разочаровал всех, прогулявшись до ближайшего КПП и покинув Спейстаун после непродолжительного, но бурного обсуждения с охраной, пытавшейся понять, как чиновник протектората вообще оказался на территории поселения.

Убить меня в кафе никто не пытался. Устроенная Нгубо ловушка также никого не заинтересовала. Скучно.

Я увиделся с Честерфилдом за три дня до вылета. Теперь я стал одним из винтиков в системе, что обязывало прибывать в назначенное время к кабинетам вызывающих меня боссов. Со мной, как обычно, увязались Блейд и Ствол, не стеснявшиеся в моем присутствии обсуждать, на кой черт я понадобился заместителю директора по стратегическому планированию. Операция проходила по линии, подведомственной Рамиресу, именовавшемуся заместителем директора по

тактическим операциям. Третьим заместителем конечно же являлся Пон Так, отвечающий за аналитику и поддержку. Самого директора мало кто видел — он входил в семерку мудрецов, управлявших агентством. Я бы не удивился, окажись, что мы живем в его доме.

В приемной мы ждали недолго — хозяин кабинета возвращался то ли с совещания, то ли с обеда и легким для своего телосложения шагом выпорхнул из лифта. При виде его дореформаторской бородки мои отвязные спутники вытянулись в струнку и еле слышно выдохнули: «Здравствуйте, сэръ». Похоже, репутация старика не совсем соответствовала его облику доброго дедушки. Едва взглянув на эскорт, он жестом пригласил меня в кабинет, где с наслаждением плюхнулся в огромное кожаное кресло.

— Разумно ли нам видетсяя? — Возможно, я теперь и значился младшим агентом в платежных ведомостях Опса, но, трижды спустив курок в пустующем складе несколько месяцев назад, я перестал чувствовать свою принадлежность к чиновничеству. Я шел своим путем, а возжеленный некогда статус стал лишь одним из средств достижения цели. Авторитетов для меня больше не существовало.

— Переживут, — проворчал хозяин. — Ваше участие — исходно моя идея, так что подозрений не возникнет.

В кабинете повисла тишина. Мне казалось, что мы все обсудили еще в больнице, через день после моего возвращения с Мадагаскара.

Тогда он пришел один. Аккуратно положив на журнальный столик маленький шарик генератора помех, старик устало опустился в больничное кресло, слегка поморщившись от дискомфорта. Судя по выражению его лица, мне предстоял очередной долгий и непростой разговор.

— Вы все еще живы, — констатировал Честерфилд вместо приветствия. — С другим я считал бы это чудом. У вас же выживание определенно входит в привычку.

— Я очень на это надеюсь, — скромно сказал я. — Уж больно много желающих лишиться меня этой самой жизни. Зато теперь я зол еще больше. И пойду до конца. И если вдруг вы та самая крыса из АСР, которую пытался поймать Маркус, передайте это всему выводку.

— Мне нравится ваш настрой, — ухмыльнулся старик. — Крыса? Нет, я не крыса. Во всяком случае, не та крыса. Может, опоссум. Но я знаю вас давно, долгие годы. И об этом нам стоит поговорить.

— Это вы приставили ко мне Даниэль? — Общение полунамеками меня не устраивало.

— Да, — спокойно признался он. — И я пришел рассказать вам почему. Надеюсь, эти знания помогут вам выжить.

— Я знаю почему. — Демонстрация превосходства доставила мне некоторое удовольствие. — Я потомок Первого протектора. Не знаю только, что вам с этого. И почему после семи лет слежки все закончилось именно так — мой куратор мертв, а я — объект охоты.

— Кто вам рассказал? — Действительно, мне удалось его ошарашить. — В любом случае, я бы не стал вешать на стену портрет предка с надписью «Мой прапрадедушка». Сейчас вас пытается убить одна сила. Если информация распространится — желающих поохотиться станет куда больше.

— Я узнал об этом от барона, вместе с массой других не менее занимательных историй. — Я не был уверен, стоит ли пускаться в подробности. — А как об этом пронюхали вы?

— Вам ведь известно, что агентство уделяет много времени преемственности? — Кажется, вместо прямого ответа меня хотели угостить длинной лекцией, но я не стал перебивать. — Мои родители также работали в АСР. Отец занимал достаточно высокий пост. Есть вещи, которые мы получаем в наследство, и нас не очень-то спрашивают, нужны ли они нам. Вы вот получили свою ДНК, а я в нагрузку к ожидавшейся от меня карьере — начатый больше сотни лет назад проект с неблагозвучным названием «Помет».

Отношения Всемирного правительства и протектората, несмотря на союзничество, тогда оставались сложными, и Дирекция решила, что стоит озаботиться поиском вариантов, которые подстрахуют нас в неприятных ситуациях. Скажем, если контроль над спутниковой системой безопасности перейдет не в те руки или окажется заблокирован, как когда-то. Все понимали, что ДНК — отнюдь не гарантия доступа к системе. Но даже небольшой шанс на успех, по мнению боссов, стоил затрачиваемых усилий.

Увы, обычные детективные методы не принесли никаких результатов. Мы знали, что у Первого протектора остались дети от его помощниц. Парочка из них погибла при загадочных обстоятельствах, и папаша предпринял серьезные усилия для того, чтобы спрятать других.

Отследить потомков через триста лет — задача не из легких. Но АСР продолжало пытаться. Мне передали руководство проектом около тридцати лет назад, вместе с небольшой командой, занимавшейся им в свободное от прочих дел время.

Я решил подойти к вопросу, используя иные методы. Когда поиски начинались, геномная регистрация охватывала небольшую часть населения Земли. Да и когда она получила повсеместное распространение, благодаря законам о защите персональных данных информация оказалась рассеянной по сотням изолированных баз. Вам, как бывшему полицейскому, это хорошо известно. Ваши коллеги много раз просили о создании программы, позволяющей искать злоумышленников по следам ДНК. Но преступность десятилетия находится на низком уровне, и везде, кроме Кварталов Радости, есть камеры наблюдения, так что правительство постоянно отказывало в создании подобной системы.

Надо сказать, когда я был моложе, то весьма серьезно относился к своим обязанностям, даже если мне поручали безнадежные проекты. Расшифровка ДНК Первого протектора доступна многим — он сдал кровь на анализ, приняв пост, чтобы доказать миру, что сам является человеком. Моей команде удалось создать шпионскую программу, которая сигнализировала бы о появлении образцов ДНК, схожих с протекторской. Благодаря возможностям АСР мы подселили ее в значительное количество баз геномной регистрации. Увы, не во все. Тогда я очень гордился собой. Но шли годы, а сигналов о совпадениях не поступало. Признаться, со временем я почти забросил проект. До того момента, как второго мая сто тридцать пятого года получил первое оповещение. Вы догадываетесь какое?

— Да, — глухо сказал я. — В этот день отец и мать впервые покинули Землю и полетели на Луну. Все межпланетные путешественники подлежат геномному сканированию, чтобы убедиться, что возвращаются именно они.

— Верно. — Честерфилд немного помолчал и продолжил: — Я послал человека проследить за ними по возвращении. Но они не вернулись. Тогда я счел это трагическим совпадением. Вы ведь не верите в совпадения?

— Нет. — Мои руки теперь судорожно сжимали простыню. — У вас была утечка. Кто-то узнал, и их убили. Кто?

— Все так. — Мой гость смотрел на меня с плохо скрываемой грустью. — Боюсь, тогда я не был достаточно острожен. Надо мной многие посмеивались из-за этого проекта, и я не отказал себе в удовольствии похвастать своими успехами на одном из совещаний у руководства за пару дней до случившегося. Присутствовали одиннадцать человек, сливки Оперативной службы. Конечно, кто-то из них мог разнести информацию и дальше.

— Вы знаете, кто предатель. — Теперь я уже обвинял человека, по чьей вине остался сиротой и оказался на больничной койке. — Вы скажете мне, кто он. Или, клянусь, не выйдете из этой комнаты.

— Думаю, что знаю. — Старик еще больше погрузился. — Не знаю только, что с этим делать. Но давайте я сначала все же дорасскажу историю, пока вы меня не придушили. Я имел полную информацию о ваших родителях и знал о вас. Но мне пришло в голову, что юноше нужно дать время пережить произошедшее. Моя вторая ошибка. А может, наоборот, именно это спасло вам жизнь тогда. Когда спустя пару недель я собрался навестить вас, выяснилось, что Эрик Кристиансен исчез без следа. Никто из знакомых семьи понятия не имел, где вы. Конечно, мы вас искали и прорабатывали различные версии.

Тогда я впервые почувал неладное и предположил, что вас похитили, а шаттл ваших родителей взорвался отнюдь не случайно. Но вы, как оказалось, просто спрятались. Вернее, вас спрятали, поскольку пятнадцатилетнему юноше вряд ли хватит хитроумия сменить имя, поступить в Полицейскую академию в другом конце планеты и настоять на засекречивании своего досье. Кто вам помог? Впрочем, не отвечайте, лучше подумайте об этом сами. Возможно, эти люди знали куда больше, чем говорили вам. Кто-то определенно знал правду о смерти ваших родителей, как и то, что и вы в опасности.

— Вы нашли меня по полицейской базе? — Ответ теперь был очевиден.

— Разумеется. Вы успешно скрывались пять лет в Полицейской академии, но поступление на службу подразумевает, что ваши фото и ДНК попадают в общую базу законников. Так что десять лет назад я получил еще одно оповещение. Признаться, я был крайне удивлен. Но я не совершил повторной ошибки, и информация не ушла за пределы проекта. Правда, я не совсем понимал, что с ней делать.

Политическая ситуация сильно изменилась не только за время существования операции, но

и за несколько последних лет. Отношения протектората с Всемирным правительством наладились. На этом фоне затевать спецоперацию по проверке того, сможете ли вы открыть командный центр, представлялось неразумным. Поэтому я просто наблюдал за вами. Дистанционно. Сначала вы тихо делали карьеру в своем закутке. Похвально. И очень скучно. Но затем вы решили поступить на факультет политологии, и я понял, что у вас есть амбиции. Этим стоило воспользоваться. Привести, так сказать, гору к нам.

— И вы прислали Даниэль. — Чтобы понять остальное, детектив не требовался. — Я должен был сначала влюбиться по уши, а потом догадаться, откуда она, и пожелать стать ее коллегой.

— Да, девочка как раз окончила нашу Академию. Ей все равно предстояло проникнуть в научные круги, без этого не получить билет с Земли. А тут предложили занятное побочное задание по соблазнению некоего объекта, которого агентство разыскивало больше сотни лет. С прямым подчинением заместителю директора Опса. Захватывающе, не так ли? Она была просто в восторге. И сделала все почти идеально. Вы таскались за ней как послушный щенок, а когда после окончания университета ежедневное общение стало невозможным, сами побежали поступать к нам, пытаясь снова и снова.

— Вы могли бы нажать на нужные кнопки и принять меня на службу, раз уж перед вами стояла такая цель. — После слов старика мои усилия из непродуктивных превратились в смехотворные. Я годами пытался прошибить лбом стену, которую сидящий передо мной человек мог испарить одним звонком.

— Зачем? Это привлекло бы к вам лишнее внимание и отдалило от Даниэль. Мы поощряем семейственность, но она не собиралась рожать от вас детей и отчетливо дала это понять. Иначе вы были бы давно женаты. Мы даже выдавили вас из полиции Сингапура и отправили в Опенгейт, чтобы держать на расстоянии.

— Кажется, в моей жизни не было вообще ничего случайного, — заметил я. — Удивительно, что вы потеряли агента при таком уровне контроля.

— Она была слишком умна. И слишком хороша в своем деле. Ее тянуло узнать все, самого факта вашего родства с некогда самым могущественным человеком планеты ей оказалось мало. Она копалась в университетских учебниках. Потом перешла к закрытым архивам АСР. Она ездила на Мальту и изучала их хроники. Разумеется, это все происходило втайне от меня, я бы такого никогда не позволил. Найденное толкало ее все дальше. Она поехала на Мадагаскар, якобы для поисков дяди. Но искала она там что-то иное. Не скажете, что именно?

Я не очень понимал, какую из сил в войне представляет Честерфилд. Очевидно, он не связан с нападениями на Даниэль и меня. Но исторические экскурсы в его рассказе ограничивались новым временем, и никакие загадочные ложи в них не фигурировали. Тем не менее я подумал, что распространение информации об уничтожении Книги снимет некоторое напряжение со стороны лож, протекторатов и шайна и облегчит жизнь Авраама. Я был уверен, что новый барон мне еще пригодится.

— Она искала древнюю книгу, — уверенно сказал я. — Там, возможно, объяснялось, почему шайны выбрали Первого протектора. Книгу хранил барон, но я не успел с ней ознакомиться — она сгорела при взрыве во время нападения на нас.

— Звучит правдоподобно, — разочарованно пробормотал Честерфилд. — Даже очень. Но я не знаю, что она там откопала. Если и нашла что-то интересное, мне она не докладывала. Пару лет назад у нее появилась перспектива поехать под прикрытием на Ганьшью, и я обещал ей свою поддержку. Разумеется, ваш проект был бы для нее окончен. Но за три месяца до ее смерти произошло нечто, что потребовало ее вовлеченности в операцию в еще большем объеме.

Очередная пауза. Меня это злило, поскольку я понимал, что собеседник пытается то ли дозировать информацию, то ли преподать ее в выгодном для себя свете.

— Начать вас пытаться, или сами расскажете? — наконец не выдержал я.

— Я сам до сих пор пытаюсь понять, что произошло, — почти извиняющимся тоном сказал Честерфилд. — Что-то пошло не так, но я не вижу всей картины. Ладно, давайте я просто изложу факты, а вы уж сами думайте над ними. В общем, в марте я получил еще одно оповещение. На этот раз от системы СКИП. Да, не удивляйтесь, я и туда залез со своей программой. Землю покинули несколько миллионов человек, и потомки могли найтись и среди эмигрантов. Дальновидно с моей стороны. Прибывшую на Землю колонистку звали Кристина Блэкстоун. Знаете, что любопытно? Она тоже полицейская, присланная своим начальством якобы для

стажировки.

Вы знали, что Первый протектор некоторое время служил в полиции до своего возвышения? Малоизвестный, но примечательный факт, не так ли? Заставляет задуматься о том, насколько далеко на самом деле продвинулась генетика как наука. Я пристроил ее в Бангкок. Так что у Даниэль появился второй подопечный, пусть и временный. Сойтись с Кристиной оказалось несложно. А вот потом начались проблемы.

Обычно подробные еженедельные отчеты неожиданно стали на редкость пустыми. За словами перестало скрываться содержание. Перед Даниэль как агентом были поставлены совершенно конкретные задачи — узнать историю рода Блэкстоун, что на самом деле привело ту на Землю, и, если получится, убедить остаться. Да, я хотел иметь двух потомков, а не одного. И не хотел, чтобы один из наследников жил вне моего контроля на другом конце Галактики.

Я не знаю, что произошло. Полагаю, Кристина рассказала Даниэль нечто такое, что заставило ту изменить долгу и начать помогать гостю. Теперь я не сомневаюсь, что в отличие от вас госпожа Блэкстоун прекрасно знала, кто она такая. Не исключено, что она хранит некие тайны, доставшиеся ей от предка. Думаю, именно эти секреты и сгубили Даниэль. Они заделали кого-то могущественного, и тот ударил в ответ. Примерно в то же время, когда вы разбирались с черано на складе, Кристина Блэкстоун покинула планету, убыв на родную Вальгаллу.

Увенчалась ли ее миссия успехом, несмотря на гибель помощницы? Искала ли она что-то и нашла ли? Мои люди под видом агентов СКИП обыскали ее и весь багаж при отбытии, скачали и проанализировали каждую крупницу информации. Ничего. С тех пор мы потратили массу времени, пытаясь поминутно отследить ее передвижения и контакты на Земле. Работа продолжается, но единственное, в чем мы уверены, так это в том, что она специально уходила от электронной слежки, в том числе прячась в Кварталах Радости. Бог его знает, чем она там занималась.

— Почему вы ее не задержали? — Мне казалось, что дальнейшие действия Честерфилда напрашивались сами собой. — Вы потеряли агента и просто так отпустили единственную, кто имел представление о причинах ее гибели, даже не допросив?

— Это вы играете в мстителя, Эрик. — Похоже, мой вопрос удивил гостя. — А я занимаюсь обеспечением безопасности планеты. Я понятия не имею, кто и за что убил Даниэль. Но эти люди позволили Блэкстоун покинуть планету. Я предполагаю, что они просто не знали о ней. Агента Свенсон могли пытаться как раз для того, чтобы узнать ее имя. И я не собирался привлекать внимание к своей операции, задерживая Блэкстоун, или ставить ее жизнь под угрозу, оставляя на Земле. К тому же я не видел в этом необходимости.

Уже тогда я придумал, кого послать на Вальгаллу, чтобы задать все нужные вопросы. По-родственному, так сказать. Но вы сорвали мой план, укокошив черано и угодив в карантин на три месяца. Тем самым вы раскрыли себя, и началась эта свистопляска с борьбой за ваше выживание. Но мне до сих пор нравится моя задумка. Вы и ваша родственница наедине на удаленной планете, и ваш разговор по душам. А если повезет, за вами пошлют отряд карателей. Но я ставлю на вас с Кристиной — барышня не робкого десятка.

— И как вы собираетесь это повернуть? — Я подумал о целой куче технических проблем, но мой собеседник отмахнулся от вопросов.

— Это не ваша забота, друг мой. От вас потребуется лишь говорить «да», когда придет время. Вы же хотели работать в Опсе? Ну вот он, ваш шанс поиграть в шпиона и повидать иные миры. Это будет официальная миссия с неофициальными задачами. В итоге вы, надеюсь, получите ответы. А может, даже выживете, чтобы вернуться и рассказать о них мне. Тогда мы подумаем, что делать дальше. Я уже достаточно стар, чтобы бояться. И достаточно зол, чтобы использовать все, что у меня есть, для мести. Она была хорошей девочкой, а главное, я отвечал за нее. Звучит пафосно, но за десять лет я стал относиться к ней почти как к дочери. Моя собственная, увы, решила стать поэтессой и перебивается сейчас где-то в Кварталах Радости в Рио. Большое, знаете ли, разочарование.

— Вы скажете мне имя?

— Да... но при условии, что вы не будете делать глупостей. Сейчас он нам не по зубам. Мы не можем просто захватить его и пытаться, пока не добудем признание. Я даже не могу приказывать следить за ним. Вы понимаете?

То ли я стал мудрее, то ли слишком устал за последние недели. Я понимал.

С тех пор прошло два месяца.

— Есть новости? — наконец поинтересовался я. — Что-нибудь с Мадагаскара?

— Никаких, — пробурчал чиновник. — Мой человек говорил с новым бароном. Тот передавал вам привет и выражал надежду, что никогда вас больше не увидит. Тот еще мерзавец.

— Зачем тогда звали? — Мне подумалось, что старик с возрастом стал сентиментален и хочет увидеть меня на прощание. Как-никак десять лет слежки. — Хотели сказать, что я вам как сын, которого у вас никогда не было?

— Избави боже, — скривился Честерфилд. — Сыновей у меня трое, и все, к счастью, вполне нормальны. Хотел показать вам кое-что, до чего не добрались люди Рамиреса.

В отличие от остальных, что я видел, эта запись была сделана не камерой наблюдения. В Кварталах Радости их не устанавливали. Снимал один из тысяч спутников, кружащих над планетой. Им понадобилось потратить уйму времени, чтобы понять, что именно, где и когда искать. Дело происходило ночью, головы она не поднимала, так что лица я не видел. Но черные как смоль волосы, тонкая фигура и легкая походка определенно принадлежали ей.

Вот она выходит из клуба. Темный закоулочек, навстречу ей шестеро. Да, плохой район даже для Кварталов в Бангкоке. Тускло отсвечивают лезвия. Зачем им ножи? Каждый выглядит раза в два больше нее. Короткий диалог. Очень короткий. Вожак делает шаг вперед и пытается схватить ее за волосы. Честерфилд не стал включать замедленный показ, поэтому дальнейшее плохо воспринимается человеческим глазом. Резкое движение, и лидер отлетает в сторону. Маленькая фигурка начинает метаться между больших. Секунда, две, три. Теперь она стоит одна, вокруг неподвижно лежат шесть тел. Ну что ж, двумя вопросами меньше. Кровь не соврала, она моего рода. И кто-то ее уже пробудил.

Глава 16

— Ну, ты готов? — Нгубо завалился в мою комнату ни свет ни заря.

Было еще слишком рано для того, чтобы выезжать, но я в любом случае не спал почти всю ночь. В своих кошмарах я больше не казил ни черано, ни варамайи. Мне не снились пистолеты и мачете. Теперь я убивал их голыми руками — тетушек за сорок и шестнадцатилетних пареньков. Обычно просто ломал им шеи, но иногда они сопротивлялись, и мне приходилось забивать их до смерти. Сны не давали ответа на вопрос о том, зачем я это делаю.

Никто из них не был похож на Кроуз. Я убивал учительниц, которые нравились мне в школе, одноклассников, с которыми никогда не конфликтовал, соседей по Сингапуру и Опенгейту, вовсе незнакомых людей. Я не чувствовал ненависти или гнева, страха либо сожаления. Как будто кто-то поручил мне неприятную, но важную работу, которую следовало довести до конца во что бы то ни стало. Чувства приходили, когда я просыпался. Ужас от содеянного. И осознание того, что я способен повторить все это в реальном мире. Убивать ведь легко. Нужна лишь веская причина. Необязательно для меня самого. Возможно, для тех, кто может отдавать мне приказы. Иногда я думал, в меня должны были встроить какие-то механизмы, позволяющие крепко спать, не видя снов. Но обнаружить их мне пока не удалось.

Войдя, руководитель миссии озабоченно уставился на мой чемодан, пытаясь взглядом проникнуть за оболочку из сверхпрочного полимера. Устройство, по уверению производителя, сохранило бы мое имущество в целостности и сохранности даже в открытом космосе. Правда, я подозревал, что случись с транспортником нечто, в результате чего багаж окажется за бортом, его содержимое мне уже не пригодилось бы.

Дисплей в районе замка услужливо подсказывал, что чемодан заполнен на семьдесят четыре процента и весит ровно двадцать шесть килограмм, то есть на целых четыре килограмма меньше допустимого лимита. Но доктора Сото заботило не соблюдение правил перевозок. Это было мое первое задание в качестве агента, и товарищ переживал, что среди одежды и тюбиков с зубной пастой ненароком обнаружится гаротта, баллончик с каким-нибудь смертельным токсином или еще какая-нибудь ерунда, которой, в представлении таможенников, совершенно нечего делать в багаже доктора ксеносоциологии.

— Хочешь проверить? — лениво предложил я. — Код — дата моего рождения. Достаточно глупо для ученого-гуманитария?

— Высший класс, — пробормотал Нгубо, по-прежнему с сомнением разглядывая чемодан. — Только не дороговат ли он для этого самого ученого? Откуда такая игрушка? Сколько стоит — пятьсот?

— Дешевле, взял на распродаже за четыреста, — соврал я. — Зато его можно использовать как бронещит. На Вальгалле до сих пор пользуются огнестрельным оружием, сам знаешь. От

такой древности должен защитить.

— Наше задание стрельбы не предполагает. — Сомнения маэстро явно усилились. — Ты об этом, часом, не забыл?

— Ну конечно, не забыл. А еще недавно предполагалось, что Спейстаун — территория, куда не могут проникнуть посторонние, тем более инопланетные убийцы. Протектор Брайсворт вот думал, что находится в безопасности в своей башне. А барон Корс полагал, что защищен в своем замке. И во всех этих местах не предполагалось стрельбы...

— Не увлекайся. — Возразить Нгубо, впрочем, было нечего. — Ты его только по этой причине взял? Все равно слишком броский.

— Если установить код получше или переключить замок на биометрию, получится невскрываемый сейф, — начал перечислять я прочие достоинства покупки. — Встроенный маячок можно легко засечь даже с орбиты. Есть конфигурация, превращающая его в антенну. Внутри, как видишь, может поместиться взрослый мужчина вроде меня. Ты вот, правда, великоват.

— Трупы в нем таскать собрался? — уже с тоской поинтересовался приятель. — Вижу, тебе на почве мокрых дел капитально крышу снесло. Знаю, что скажешь дальше — в нем тело можно хранить целый месяц, и никакого запаха. Может, он их заодно еще и растворяет?

— Не думаю, что производитель имел в виду именно это. — Вообще-то мысль показалась мне дельной. — Но в нем можно полчаса продержаться в открытом космосе. Столько же — на глубине до двухсот метров. Хотя, по идее, он тонуть не должен, даже с грузом в виде человека. Есть и вариант использовать его как лодку. Можно пережить в нем сильный пожар, а в нормальной атмосфере несколько суток прожить при жаре или холоде до восьмидесяти градусов.

— Неужели так мало? — съязвил Нгубо. — Почему не несколько недель?

— Сдохнешь от жажды и голода, — предположил я. — Кормить и поить не обещают. А вот в качестве холодильника или хранилища продуктов годится — кислород откачивается, внутри создается вакуумная среда.

— Ты выбрал не ту профессию, — резюмировал наставник. — Твое настоящее призвание — продажа ненужного хлама идиотам. Я заплатил за свой чемодан восемьдесят два юна, и он выдержал пинки грузчиков полутора десятков планет. Ты же понимаешь, что, если при Т-прыжке что-то пойдет не так, нас развеет на молекулы и атомы вместе с этим чудом техники?

— Понимаю, — смиренно подтвердил я. — Но потратиться на девочек у меня последнее время возможностей не было.

— Ладно, — пробурчал Нгубо, вновь включая босса. — Времени нет бегать искать что-то другое, лети с этим. Надеюсь, ты и правда попадешь в пожар или наводнение. Иначе ребята тебе вовек не забудут. Будешь Эрик Чемодан.

— Все лучше, чем Неубиваемый, — обрадовался я. — Как-то менее очевидно и даже загадочно.

— Да пошел ты. — Командир уже стоял в дверях. — Через десять минут встречаемся в столовой. Если забудешь что-то важное из того, что обсуждали раньше, — пеняй на себя. Надеюсь, народ еще спит и тебя с твоим чудом не спалят.

— Есть, шеф, — откликнулся я. Мне пришлось приложить немалые усилия к тому, чтобы Нгубо не засек доставку девайса. Оставалось надеяться, что он не станет проверять мой банковский счет.

В Опенгейт из соображений безопасности не вели стандартные транспортные пути, поэтому дорога от пересадочной станции заняла еще пару часов. Убить меня никто не пытался. Лицо бывшего коллеги из СКИП, проверявшего наши документы при въезде в закрытую зону, не выражало никаких эмоций. Мы не были знакомы, но я не сомневался, что после истории на складе мое имя прекрасно известно всему персоналу. Тем не менее, ему почти удалось удержаться от сарказма, произнося стандартное «Счастливого пути, доктор Старгарт».

Мы пересели на монорельс, ведущий к нужному терминалу, и проследовали на регистрацию. Получив подтверждение посадки на рейс и избавившись от чемоданов, Нгубо сразу потащил меня к ближайшему шаттлу на станцию «Альфа», откуда нас должны были доставить на «Один». Мне показалось, что я увидел в толпе знакомое лицо, которого здесь никак не могло быть. Но моя приобретенная эйдетическая память иногда давала сбой, и я не стал делать далеко идущих выводов.

Подъем на орбитальную станцию уже десятилетия как превратился в банальность. Редкий житель Опенгейта отказывал себе в удовольствии время от времени полюбоваться на планету из

космоса. Я конечно же был исключением. Поступив на службу в полицию и воспользовавшись мудрым советом, который мне дали после похорон родителей, я настоял на засекречивании личных данных, включая профиль ДНК. Это, как выяснилось, не помешало проходе Честерфилду отыскать меня. Но он занимал высокий пост в самом влиятельном правительственном агентстве и положил десятки лет на свой проект.

Так что в отношении потенциальных недоброжелателей секретность работала неплохо, но, отправившись в путешествие на околоземную орбиту, мне пришлось бы сдать образец ДНК для куда менее закрытой и защищенной базы. Что, собственно, и произошло сейчас. Прикладывая палец к сканеру, я подумал, вызовет ли это переполох еще в каких-нибудь тайных кругах или я уже успел засветиться где можно. Хорошо, что ближайшие несколько месяцев мне не нужно волноваться об этом — между биометрическим сканированием и погрузкой на борт шаттла прошли считанные минуты, так что времени предпринять что-либо у гипотетических злоумышленников не оставалось.

Челноки перевозили пассажиров различного возраста и состояния здоровья, поэтому взлет производился по щадящей траектории, а перегрузки были минимальными. Я с интересом наблюдал за удаляющейся поверхностью на экране монитора. Шаттл неспешно миновал несколько поясов спутников планетарной обороны и мягко пристыковался к «Альфе». Станцию построили сотню лет назад, и, хотя она была не единственной, в основном пассажиропоток направлялся через нее. Крупным звездолетам из двенадцати миров разрешалось швартоваться к одному из восьми специально предназначенных для этого шлюзов, а вот кораблям поменьше приходилось висеть в космосе, ожидая, пока транспортники станции перевезут пассажиров и грузы. Наш «Один», представляющий мир категории D, крутился где-то на орбите Луны.

Борясь с непривычной искусственной гравитацией, мы несколько неуклюже прогарцевали по длинному коридору до малого шлюза, помеченного как E17, и ввалились в зал ожидания. Вальгалла не могла позволить себе полноценный пассажирский транспорт, поэтому билеты продавались по остаточному принципу, исходя из массы, остающейся после загрузки предназначенных для импорта товаров. Их сейчас и доставляли на корабль челноки с «Альфы», пассажирам же предложили ждать своей очереди. Здесь их скопилось человек триста, в основном явные туристы из числа обеспеченных пенсионеров за шестьдесят и золотой молодежи, получившей космическое путешествие в подарок за какое-нибудь знаменательное событие в жизни — исключение из колледжа или первый арест за пьяные гонки на флайерах. Спрятаться не вписывающимся в указанные категории было негде.

— Привет, — сказал я, мысленно упрекнув себя за недоверие к приобретенным способностям. — Какими судьбами?

— Привет. — Акун До выглядела не столько растерянной, сколько смущенной.

Я еще какое-то время назад заметил, что зрение и эйдетическая память почему-то упорно не желают фиксировать лица варамайи. Конечно, забывший о хороших манерах мужлан вполне мог бы заявить, что они «все одинаковые». Действительно, нечеткие, как будто размытые черты лица, одинаковые прямые волосы неопределенно-темного оттенка и строго карие глаза мешали прочим обитателям планеты отличать их друг от друга. Я знал, что даже электронные системы распознавания лиц порой испытывают с варамайи затруднения. Интересно, стало ли это случайным побочным эффектом или являлось частью плана по выведению их рода. При этом я не мог назвать Акун непривлекательной. Она обладала стройной гибкой фигурой и как могла подчеркивала ее достоинства облегающим полимерным комбинезоном мерцающе-черного оттенка.

С китайцами у меня проблем не было.

— Здравствуйте, профессор, — учтиво поздоровался я. — Решили выбраться в полевую экспедицию?

— Добрый день, э-э-э... Эрик. — Зная профессора Фан Бао, мне показалось подозрительным, что он вообще помнит мое имя. Профессор, в отличие от своей элегантной спутницы, предпочел старомодные хлопковые брюки и куртку с множественными кожаными вставками. На его носу красовались очки в едва заметной оправе — ношение контактных линз в полете не рекомендовалось. Светский лоск китайца, очевидно, исчерпывался приветствием, и он беспомощно взглянул на сопровождающую его девушку.

— Да, мы летим на Вальгаллу по заданию Сингапурского университета, — затараторила обычно немногословная Акун. — Правда, это удивительная планета? Мы с профессором работаем вместе уже три года, я поступила на кафедру сразу после выпуска, скоро защищаю свою

докторскую. А я думала, ты еще работаешь в полиции. Давно не виделись, Эрик. Ужасно, что случилось с Даниэль, да? Преступников ведь поймали? А ты зачем летишь?

Я знал, что она не дура и не болтушка, и вряд ли смущение от встречи с однокурсником могло превратить ее в классическую блондинку, сыплющую кучей бестактных вопросов.

Величественная фигура Нгубо наконец-то соизволила подплыть к нам, чтобы вступить в битву на моей стороне.

— Добрый день, я доктор Нгубо Сото, — представился гигант, расплывшись в подобающей случаю фальшивой улыбке. На фоне тщедушного профессора и его спутницы упоминание липовой ученой степени приятеля выглядело особенно нелепо. Но профессионального лжеца подобные ситуации нисколько не смущали.

— Мы с доктором Старгартом командированы на Вальгаллу Мельбурнским университетом, — словоохотливо продолжил он. — Будем изучать взаимодействие социальных общин, сложившихся на планете. Жить планируем на Внутренней территории. А вы?

— Доктором чего? — Похоже, нам удалось всерьез задеть Акун. — Еще полтора года назад лейтенант Старгарт, насколько мне известно, служил в полиции Сингапура.

Да уж, обидно три года таскать обеды самому нудному профессору университета, по ночам работая над диссертацией, чтобы обнаружить, что твой не самый блестящий однокурсник, вообще не проявлявший интереса к научной карьере, тебя опередил. К тому же я работал с доктором Сото, чье имя хорошо знал каждый всерьез занимающийся ксеносоциологией. Вне зависимости от того, кто на самом деле создал приписанные ему научные труды. В отличие от профессора Бао, светилom отнюдь не являющегося. Да и университет наш котировался повыше Сингапурского.

— Ксеносоциологии, разумеется, — примирительно сказал я. — Только что защитил диссертацию «Девиантное поведение в социумах планет категорий D, E и F». Можно ознакомиться на сайте университета. А что собираются делать на Вальгалле два историка?

Делать им там конечно же было совершенно нечего. Удивительно, как заштатный профессор, мало кому известный даже в области своей специализации, смог пробить себе многомесячную поездку с бюджетом не меньше ста тысяч юнов. Это требовало объяснения, и почтенный Фан Бао теперь уже добровольно вступил в дискуссию с явно тщательно отрепетированным текстом:

— Наше представление об истории Земли основано на источниках, контролируемых Всемирным правительством. Однако десять миллионов землян покинули планету, а среди них — высокопоставленные чиновники Королевства Истинных Христиан, Империи Чжоу и Африканского Халифата. У их потомков могут храниться бесценные записи о Темном веке. Кроме того, планеты класса D стали прибежищем огромного количества религиозных мигрантов, в то время как изучение истории религий на Земле после их запрета, увы, совсем зачехло. Вальгалла в этом отношении уникальна. На Девятислойной горе живет маленькая община выходцев из Королевства — уцелевшие после крушения ковчега времен первой волны. Правоверные мусульмане из Халифата, прибывшие со второй волной, занимают материк. Корабль третьей волны приводнился возле острова, сейчас именуемого Внутренней территорией. Тогда Землю покидали последние недовольные, и на ковчегах царило значительное этническое, культурное и религиозное многообразие. Я возлагаю большие надежды на эту поездку, и мои спонсоры — тоже.

Ладно, легенда профессора оказалась не так уж плоха. Задать же в лоб вопрос о загадочных спонсорах показалось мне перегибом. К тому же я не сомневался, что мой спутник записывает беседу, и она отправится прямо его друзьям в Опсе, так что, прибыв на место, мы будем знать куда больше о столь занятом совпадении, как две научные делегации на одну маленькую колониетскую планету, отправляющиеся одновременно.

На табло наконец-то появилось оповещение о начале посадки пассажиров, и, пробормотав извинения, профессор и его ассистентка с явным облегчением удалились.

— Что думаешь? — Нгубо выглядел озабоченным.

— Как-то он мелковат и трусоват для ликвидатора, — с сомнением сказал я. — За Акун не ручаюсь — девушка она сильная и не робкого десятка. Может, у нее и есть навыки. Не знаю точно, чем занималась до университета. Но вроде она не из Кварталов. В любом случае, это не совпадение. А значит, у вас опять утечка.

— Информацию о твоей защите опубликовали на сайте университета, как положено. Да и информацию об экспедиции неделю назад — тоже. Иначе это никакое не прикрытие, — не согласился приятель.

— Они не могли добыть денег, получить разрешение от университета и от властей

Вальгаллы за неделю, — возразил я. — Это технически невозможно, даже для АСР. Значит, они начали готовиться одновременно с нами. Предлагаю исходить из того, что это та же шайка, которая убила Даниэль и охотится на меня. И что теперь они знают все то же, что знаем мы.

— Но почему научная экспедиция? — Нгубо продолжал играть в адвоката дьявола. — Купили бы билеты как туристы. Лишние расходы, лишние сложности, лишнее внимание.

— По той же причине, по какой мы изображаем из себя ученых. — Я понимал, что приятелю не нравится, что его тщательно организованное прикрытие обернулось пшиком, но было важно вернуть его к реальности. — Это дает нам и им возможность везде совать свой нос и приставать к людям с дурацкими вопросами, которые немедленно изобличат туриста как шпиона. Это не значит, что наши «коллеги» не везут с собой команду ликвидации под видом туристов.

— И то верно, — наконец сдался начальник, лениво оглядывая очередь из пенсионеров и тинейджеров, толпящихся на посадку. — Как думаешь, кто из них? И сколько всего?

— Не вижу смысла гадать, — отрезал я. — Предыдущий рейс состоялся две недели назад. Они вполне могли закинуть боевиков на нем заранее, туристам разрешений не нужно. А может, пошлют их следующим еще через две недели. Нам торчать на Вальгалле не меньше трех месяцев, торопиться некуда.

— И в кого ты у нас такой умный, — недовольно прошипел мой спутник. — Только начал заниматься нашим делом, а уже эксперт. Но ты прав — у меня взгляд замылен. До сих пор как-то не приходилось иметь дело с земными заговорщиками. У них большие ресурсы, и заслать на другую планету десяток-другой киллеров для них вряд ли проблема. Могу предложить и другое решение — твои знакомые попробуют найти нужные кадры на месте. Немного крандов, и местные шахтеры с удовольствием согласятся прикопать в своих туннелях парочку чужаков. Но давай подумаем об этом после.

Транспортник с «Альфы», в отличие от шаттла из Опенгейта на орбиту, не отличался особой комфортностью. Упор сделали на максимальную вместимость и складные кресла натякали так, что яблоку негде упасть. Хорошо, что перелет занял немногим более двух часов, так что пассажиры не роптали, увлекшись зрелищем картинок с наружных камер. Я не слишком отличался от большинства, разглядывая то родную планету, то растущий прямо по курсу диск Луны.

Судя по всему, на Вальгалле меня ждал очередной не слишком дружелюбный прием, и я не исключал, что вижу свой дом в последний раз. Занимавший соседнее кресло Нгубо, напротив, не обращал на мониторы никакого внимания, будучи целиком поглощен изучением информации в своем планшете. Сейчас его занимало устройство политической системы на материковой части Вальгаллы. Вообще-то наш визит туда вовсе не планировался, так что я отдал должное его усердию в стремлении предусмотреть все возможные варианты развития событий. Профессионал, чтоб его. Сам я подготовился достаточно поверхностно, ограничившись полезными сведениями по Внутренней территории. Пересекать море, чтобы оказаться на материке, я не собирался. Да и карабкаться на адскую Девятислойную гору — тоже.

География Вальгаллы не отличалась от географии большинства планет — огромный континент, окруженный пресным океаном, с внутренним морем, центр которого занимал крупный остров, оригинально нареченный Внутренней территорией. В центральной части острова возвышалась гора. На этом, правда, схожесть с другими мирами заканчивалась.

Внутреннее море кишело натуральными монстрами. Ксенобиологи исписали десятки тысяч страниц, пытаясь обосновать теории появления подобных существ на заурядной, в сущности, планете. Но если отсеять всю псевдонаучную шелуху, становилось совершенно ясно, что делать пятидесятиметровым спрутам и прочим ихтиозаврам там просто нечего.

Морских чудищ насчитали десятки видов, и все они находились в состоянии постоянной войны с окружающим миром, что делало невозможным рыболовство и судоходство. Крайне огорченные данным фактом добрые мусульмане — потомки переселенцев второй волны, несколько десятков лет пытались искоренить водоплавающих гадов. Но до установления связей с метрополией их ресурсы были ограничены, а после научные круги Звездного сообщества настояли на объявлении моря заповедной зоной.

Власти Внутренней территории, населенной христианами третьей волны, извлекали что могли из положения своего анклава. С рыбным промыслом островитянам повезло больше — их землю окружала двухкилометровая отмель не глубже двух метров, куда монстры не заплывали. Зато попадала рыба поменьше, которой те питались, именуемая шваркс.

То, что на десятки видов хищников приходится лишь один кормовой, также не давало покоя ученым мужам, но и этому факту они объяснения найти не могли. Будучи размером с крупную земную акулу, шварксы питались планктоном и невероятно быстро размножались на радость морским монстрам и местным рыбакам.

Без них поселенцам третьей волны пришлось бы туго, поскольку остров не баловал ни изобилием животных, ни пригодными для сельского хозяйства угодьями. Зато когда через пару десятков лет после начала колонизации у планеты появился земной звездолет, колонистам удалось заинтересовать транспланетные корпорации развитием туризма. В конце концов, где еще можно купаться в лазурной воде у пляжей из белоснежного песка, наблюдая, как в нескольких десятках метров беснуется колоссальная зубастая туша, желающая тебя сожрать.

Но настоящим чудом планеты являлась Девятислойная гора, вошедшая во все возможные справочники и энциклопедии как пример необъяснимого безумства экосистемы. Гора состояла из девяти расположенных одно над другим плато, нижнее из которых было изолировано от остального острова отвесной стеной высотой более пятисот метров. Очевидно, к лучшему, поскольку первое плато на поверку оказалось таким же адом, как и Внутреннее море. Сотни видов хищников — крупных и мелких, ежесекундно боролись за выживание на нескольких сотнях квадратных километров труднопроходимых джунглей.

Второе плато представляло собой каменистую пустыню с нестерпимой жарой, населенную гигантскими паукообразными млекопитающими, нареченными каким-то сожранным ими впоследствии бедолагой-ученым вулспайдерами. Геологи обнаружили под плато карман с бурлящей магмой. Почему только под этим плато — никто объяснить не мог.

Третье плато занимало гигантское озеро, где резвились уменьшенные копии монстров, бороздящих Внутреннее море. Поверхность четвертого плато испещряли скалы и овраги со стенками из острых как бритва камней. Пятое плато захватил буйный лес. В нем не было животных, поскольку бал правили десятки видов смертельно опасных растений — ядовитых, плотоядных, колющихся, режущих, выпускающих смертельные газы.

По контрасту с перечисленными, шестое плато радовало скучным редколесьем, а угрожающие человеку флора и фауна отсутствовали. Еще более идиллическим выглядело седьмое плато. Под сенью могучих деревьев, на которых росли десятки видов вкуснейших плодов, паслись местные виды коз, ланей и прочей съедобной и совершенно мирной живности. Живописные озера кишели рыбой, а почва плодородностью порадовала бы любого фермера. На восьмом плато сказка заканчивалась — на нем не водилось опасных видов животных и растений, но само оно служило кормовыми угодьями хеллбердов.

Эти пернатые монстры, чей размах крыльев достигал десяти метров, оккупировали последнее, девятое плато. Их было чертовски много, и у пика Девятислойной горы на высоте в шесть километров постоянно парили сотни особей. Злобные хищные твари наверняка опустошили бы планету, но, к счастью, их интерес ограничивался верхушкой Горы. Зато они осложняли воздухоплавание, и без того ограниченное странными атмосферными помехами.

Эти помехи являлись очередной загадкой Вальгаллы, заставляющей ломать головы теперь уже физиков. Оказалось, что электроника на планете не работает. По этой причине местные жители ездили на устройствах, оснащенных двигателями внутреннего сгорания, пользовались огнестрельным оружием, освещали дома и улицы химическими источниками света и летали на дирижаблях. Последние использовались нечасто — в основном для развлечения туристов и доставки грузов представителям первой волны.

Точно так же, как материковые и островные колонисты, чьи ковчеги сели в разных частях планеты, не подозревали о существовании друг друга десятки лет, и те и другие понятия не имели о крохотном сообществе на седьмом плато, пока их не потыкали носом в сделанные из космоса снимки посевов звездолетчики. Но прошли годы до того момента, когда развитие туристической индустрии позволило островитянам построить первые дирижабли и навестить соседей.

Аналогично прочим сложным механизмам шаттлы оказались непригодны для перемещений по планете. Первый контакт с земным звездолетом чуть не закончился трагедией, когда корабельная шлюпка потеряла управление на высоте нескольких километров. Пилотам удалось задействовать спасательный парашют и приводниться у острова, пережив по пути атаку хеллбердов.

С тех пор посадка происходила по отработанной схеме — шаттлы вырубали электронику на высоте восемь километров, где начинались загадочные помехи, и задействовали парашюты на четырех километрах, избегая встречи с летающими монстрами. Грузы сбрасывали с тех же восьми

километров в контейнерах, снабженных механическим таймером раскрытия парашюта. Процесс обратного взлета с планеты выглядел еще рискованней. На шаттлы прикреплялись внешние двигатели, годные лишь для того, чтобы в неуправляемом режиме вытолкнуть шлюпки из зоны действия помех. На восьми километрах пилоты врубали электронику и освобождались от обвеса.

Да уж, я немало прочел о Вальгалле за последние недели. Возможно, зря — о некоторых вещах лучше оставаться в неведении.

Мои грустные размышления на тему того, зачем я позволил втравить себя в эту экспедицию с хорошими шансами разбиться или оказаться сожженным какими-нибудь монстрами, как будто мне мало орд боевиков, пытающихся убить меня на Земле, были прерваны появлением прямо по курсу звездолета третьего класса, носящего гордое название «Один».

Класс нашего транспорта не имел никакого отношения к его размерам. Заводы поставляли Звездному сообществу исключительно стандартные модели Т-двигателей. Земляне знали о них лишь одно: устройства перемещали в пространстве оболочки радиусом не более четырехсот метров от поверхности ядра. Соответственно, практически все существующие звездолеты имели форму сферы, чтобы извлечь максимум выгоды из недешевой моторной части. Сами шайны по какой-то причине предпочитали диски, но и корабли у них были в несколько раз больше.

Т-двигатели вообще никак не взаимодействовали с прочими частями звездолетов, за исключением интерфейса. Какие-то умники решили, что держать консоль все же лучше поближе к тому, чем она управляет, поэтому командные рубки обычно помещали в глубине сферы. Дальше уже начинался креатив создателей конкретных моделей, хотя основные принципы редко изменялись — сфера состояла из множества изолированных секций, образующих окружности, именуемые палубами.

Палуб на четырехстах метрах радиуса умещалось немало, так что их количество обычно варьировалось от тридцати до шестидесяти. Внешние занимали грузы, не боящиеся космического излучения и низких температур, далее шли отсеки с продовольственными товарами и, наконец, пассажирские, имевшие системы жизнеобеспечения. Через всю сферу проходили сквозные туннели, использующиеся шаттлами для погрузки и разгрузки. Конструкция позволяла экономить на материалах внешнего корпуса, производить эффективную замену поврежденных секций, а заодно создавала буфер минимум в триста метров стальных и полимерных перегородок между людьми и открытым космосом. Вовсе не лишне в случае, если кораблю доведется подвергнуться метеоритному удару или радиационному воздействию.

Третий класс звездолета означал, что его владельцы сэкономили, как могли. Дешевые материалы, базовая система жизнеобеспечения, отсутствие внешних секций с собственными маневровыми двигателями. Эту функцию выполняла дюжина шаттлов, которые таскали за собой корабль в точки прыжков и от точек выхода, как буксиры. Снаружи «Один» выглядел как любой «третий класс», находящийся в эксплуатации несколько десятков лет у небогатых хозяев. Внешняя поверхность, состоявшая из сотен секций, давно утратила какую-либо структурную однородность. Некоторые участки выглядели относительно свежими, другие, казалось, могли рассыпаться в пыль в любой момент. Я видел и поврежденные, с признаками метеоритных пробоин — изолированные и ждущие, когда бюджет позволит произвести их замену.

Картинка заметно отличалась от сверкающих звездолетов в мыльных операх, и по салону транспортника прокатился тихий беспокойный ропот. Но билет в одну сторону на этом чуде стоил двадцать тысяч юнов, и отказываться было поздно. Шаттл скользнул в один из туннелей и поплыл между заданных перегородок палуб к нижним отсекам. Когда началась выгрузка, мне с грустью вспомнились древние фильмы о будущем, где искусственная гравитация являлась непременным атрибутом любого стоящего космического путешествия. Увы, в суровой реальности к Т-двигателям данная опция не прилагалась.

Процедура размещения пассажиров не оказалась ни быстрой, ни изящной. Два ловко лавировавших внутри челнока молодца извлекали человека из кресла, после чего на беспомощно барахтающегося субъекта надевалось что-то вроде сбруи. На ней загорались веселые зеленые огоньки, сигнализирующие о готовности, пассажира выпихивали из люка, и автопилот бережно нес его к нужному отсеку. Перед перемещаемым стояла одна задача — уберечь голову и конечности от травм при столкновении с перегородками корабля.

Я безропотно дал натянуть на себя устройство и как мог с достоинством выплыл из шаттла. Сбруя увлекла меня по коридору, к индивидуальной капсуле, где мне предстояло пережить прыжок. Мой модуль носил номер Т23 и смахивал на диагностические машины, с

которыми я недавно имел возможность познакомиться в больнице. Следуя инструкциям, услужливо подсказываемым «сбруей», я улегся внутрь, дав команду о закрытии капсулы. Экран перед лицом предложил мне ассортимент фильмов и развлекательных программ. Я предпочел им картинку с камер, транслирующую процесс подготовки к полету.

Шаттлы между станцией и кораблем уже не сновали, но внутри кипела работа по размещению и закреплению грузов. Часть пенсионеров, разумеется, умудрилась залететь не в свои отсеки. Парочка молодых отморожков, разбирающихся в технике, сумела захватить управление над «сбруями» и теперь весело носилась по третьей палубе, уворачиваясь от отряженных для их поимки членов экипажа.

В рубке капитан и старпом с серьезным видом обсуждали какие-то вопросы космических масштабов. Насколько я себе представлял, их функция состояла в том, чтобы нажать нужную кнопку на интерфейсе взаимодействия с Т-двигателем, принципов работы которого они все равно не понимали. Так что беседа, скорее всего, вилась вокруг проблем выплат по ипотечным кредитам или достоинств и недостатков девиц легкого поведения в различных мирах.

Наконец через пару часов экипаж доложил о готовности груза и пассажиров к полету. Восемь шаттлов заняли свои места в отсеках, а четыре потащили за собой махину звездолета к точке прыжка. По какой-то причине, хотя это и не было доказано научно, считалось, что покидать наше пространство лучше вдали от любых небесных тел. Возможно, правительство боялось, что в один прекрасный день какой-нибудь Т-двигатель взорвется и разнесет Луну, станцию «Альфа», а может, и саму Землю.

Как только буксиры закончили свой путь и скользнули в туннели внутри звездолета, капитан дал оповещение о готовности к прыжку, включив обратный отсчет. Сто двадцать секунд. Девяносто. Шестьдесят. Тридцать. Десять. Не было ни боли, ни иных неприятных ощущений. Просто на долю секунды сознание отключилось, а когда зрение вернулось, на мониторах уже сияло чужое солнце.

Глава 17

Шаттлы, используемые для посадки на планету, отличались от тех, на которых мы прибыли на корабль. Насколько я мог судить, передо мной возвышался самый настоящий армейский бот, причем не компактная разведывательная версия, на которой мне довелось полетать на Земле, а аппарат, предназначенный для десантирования на планету штурмовых соединений. Тюнинг сводился к окрашиванию в небесно-голубой цвет и удалению систем вооружений. К бокам приварили кустарно выглядящую конструкцию для крепления двигателей обратной доставки.

Транспорт выглядел очень солидно и безопасно в своей армейской броне, но лишь до того момента, как первый пилот, смазливый юноша лет двадцати пяти, не начал рассказывать висевшим перед ним в воздухе пассажирам, что их ждет дальше.

— Перед вами летательный аппарат космодесанта класса Р27КТ, на котором осуществляется посадка на Вальгаллу, а затем и возвращение на корабль. Данная модель уже не используется военными, но она вполне надежна. На «Одине» четыре таких транспортника, каждый вместимостью восемьдесят человек. Как вы видите, пассажиры располагаются в десантном отделении в креслах в четыре ряда. Мы ожидаем, что процесс приземления займет около двух часов. За это время мы рассчитаем оптимальный курс с учетом текущих погодных условий и активности... э-э-э... фауны планеты.

Дальше мы войдем в плотные слои атмосферы, где столкнемся... гм... с небольшой турбулентностью. На высоте восемь километров, убедившись, что курс правилен, мы отключим электронику и перейдем в режим свободного падения. Миновав отметку в четыре километра, а может, и ниже, мы раскроем парашют. После этого мы приводнимся у берегов Внутренней территории. Там вы пересядете в лодки, которые доставят вас на берег, где после прохождения таможенного, санитарного и иммиграционного контроля вас доставят в отели. Вопросы?

— Молодой человек, а когда будет транспорт, на котором можно совершить посадку в более комфортных условиях? Мы доплатим, если нужно. Аттракцион с тряской в наш тур не входит. — Понятия не имею, что рассказывал восьмидесятилетней сухопарой леди и ее еще более древнему супругу их турагент, но, похоже, что им сосватали не ту планетку.

— К сожалению, мэм, это единственный способ попасть на планету, — скусающе отозвался пилот, очевидно привыкший к горе-путешественникам, не удосужившимся прочитать ни строчки о месте назначения.

— Но это возмутительно! — Голос старушки теперь срывался на визг. — Мы любим снимать процесс посадки! А у вашего... вашей посуды даже окошек нет! Какие парашюты? При чем здесь «фауна»?!!

— Это птички размерами с наш бот, — вклинился в разговор какой-то не в меру начитанный юнец. — Любят атаковать стаями на высоте. Повредить бот они не смогут, но способны спихнуть нас с курса и закинуть на Гору. Там, если не повезет упасть на шестом или седьмом плато, мы, считайте, покойники. А если отнесет от острова на несколько километров в море — точно покойники.

По висящей в воздухе толпе прокатилась волна вздохов ужаса. Судя по всему, не прочитавших путеводитель набралось немало.

— Процесс посадки вполне безопасен, — недовольно прервал эрудита пилот. — Хеллберды не в состоянии причинить ущерб десантному боту, в отличие от комфортабельного шаттла, о котором здесь спрашивали. Они не опускаются ниже пяти километров, так что даже в случае... гм... контакта мы потом сможем скорректировать курс с помощью управляемого парашюта. В маловероятном случае падения на плато с неблагоприятной средой нам просто нужно будет дождаться спасателей внутри бота. То же самое в случае нашего приводнения на участке вне отдели — бот не утонет, уверяю вас. Прошу всех на борт.

Приглашение носило скорее формальный характер, поскольку самостоятельно двигаться в невесомости почти никто из присутствующих не мог. Снова объявившиеся молодцы из экипажа, не обращая внимания на причитания стариков, хватали очередную жертву и запикивали внутрь бота, намертво прикрепляя к креслу замысловатой страховочной системой. В «комплект десантника» также входили обязательные полимерный шлем, шейный каркас и капа.

Сопrotивления никто не оказывал, но тут и там раздавалось недовольное бормотание. Перспектива торчать два часа в узком отсеке лицом к лицу с такими же напиханными как пиксели в древний монитор горемыками никого не радовала. Боты стартовали с четырехчасовыми интервалами, и наш оказался вторым в очереди. Пилот с видимым облегчением отрапортовал, что, судя по данным визуального контроля, первый аппарат благополучно приводнился в заданной точке, после чего экипаж задраил люки, и шлюпка выскользнула из звездолета.

Первая половина пути прошла сносно — в пассажирском отделении все же обнаружился монитор, демонстрирующий картинку прямо по курсу. Как и у большинства обитаемых миров, у Вальгаллы было две луны, хотя наблюдали мы только одну. В дополнение к обычным спутникам местные жители могли похвастать самым настоящим астероидным поясом, состоящим из нескольких тысяч глыб диаметром от десяти до ста метров. Говорят, ночью с поверхности планеты зрелище завораживало.

Аккуратно обогнув каменную мешанину, бот некоторое время двигался по орбите, рассчитывая точку входа в атмосферу. С этой стороны планеты царила ночь, но вскоре мы очутились на солнечной стороне, а в центре континента появился голубой проблеск Внутреннего моря. Аппарат нырнул в плотные слои, и началась обещанная турбулентность. Эти не самые приятные десять минут в жизни пассажиров бота показались вполне терпимыми в сравнении с ощущением от короткой фразы пилота «Отключение электроники через двадцать секунд». Бот как раз проходил слой облаков, и по курсу не наблюдалось ничего, кроме белой мглы. Десять секунд. Отсчет вело электронное табло.

Пять, четыре, три, две, одна. Табло погасло, а следом исчез и звук двигателя. Бот на долю секунды как будто замер в нерешительности — и рухнул вниз. Салон теперь освещали лишь химические лампы, придававшие лицам всех пассажиров нездоровый зеленый оттенок. Но и это было терпимо, пока в аппарат не врезалось первое чудовище. Несмотря на отсутствие окон, происходившее снаружи сомнений не вызывало. Пернатым монстрам мы не нравились, и их собралось немало, чтобы дать нам это понять.

Удары следовали один за другим. Бот швыряло из стороны в сторону, как кабинку на дешевом аттракционе. Несколько особей, похоже, уцепились за рамы, предназначенные для внешних двигателей, и падение приостановилось — теперь нас несло скорее вбок, чем вниз. Какая-то старуха, начавшая скулить сразу после отключения двигателей, теперь визжала как заведенная. Ей вторил бледный юнец, сидевший рядом с Нгубо. Не сомневаюсь, что приятель быстро заткнул бы крикуна, но ему мешали ремни безопасности.

Убедившись в серьезности нападения, пилот решил задействовать все, что у него было. Когда полет попытался перейти в горизонтальное парение, из кабины заговорил крупнокалиберный пулемет. Огнестрельное оружие издавало просто адский грохот в замкнутом

пространстве, и переборка между отсеками спасала слабо. То ли пилот оказался неплохим стрелком, то ли хеллберды не ожидали такого поворота, но удары по корпусу почти сразу прекратились, и мы продолжили движение к поверхности. Юнец теперь только всхлипывал, сидевшую у меня за спиной старушку слышно не было.

Еще одна бесконечная минута. Бот перетряхнуло от резкого рывка вверх. Парашют. Теперь мы неспешно планировали куда-то. Будет обидно оказаться на восьмом плато и снова пообщаться с рассерженными птичками. Да и первая пятерка не давала особых поводов для оптимизма. Удар. Бот снова перетряхнуло, но, судя по звукам, упали мы в воду. Это обнадеживало. Если, конечно, мы не на третьем плато. Или, что еще печальней, за пределами двухкилометровой отмели вокруг острова. Верхний люк открылся, и вниз спустился раскладной полимерный трап.

— Всех с благополучным приземлением, — бодро отрапортовал пилот. — Мы сели в заданной точке. Ну, близко к ней. Через несколько минут придут лодки, которые доставят вас на берег.

— Моя жена... — отозвался слабый старческий голос. — Кажется, она умерла.

На самом деле умерло двое — визжавшая старушка и тихий незаметный джентльмен лет девяноста в конце салоне. Несколько пассажиров находились в состоянии перманентной истерики, пока не получили принудительно дозы успокоительного. В остальном выгрузка прошла без особых проблем, хотя многих стариков пришлось поднимать к люку с помощью ручной лебедки, что совершенно не ускоряло процесс. Присланные за нами плоскодонки были сработаны из дерева, как мне показалось, нарочито грубо, на потеху туристам. Зато в движение их приводили двигатели из современных полимеров земного производства, пусть и куда более шумные, нежели их начиненные электроникой собратья в метрополии.

Бот приводился не далее чем в пятистах метров от берега, но пристани в пределах видимости не обнаружилось. Путь до нее занял добрых двадцать минут, а значит, пилот лукавил, говоря о небольшом отклонении. Но жалоб слышно не было. Уже начинало смеркаться, и вымотанные посадкой туристы наслаждались каждым мгновением морской прогулки, тем более что теперь на небе сияли обе луны и кажущееся тоненьким с поверхности, но от того не менее прекрасное кольцо астероидов.

Процедура допуска на планету носила строго формальный характер. Электронных баз данных на Вальгалле по понятным причинам не водилось, поэтому местным чиновникам приходилось полагаться на полимерные сертификаты, предоставляемые пассажирами. Мы смиренно стояли со своей пачкой наготове и чемоданами в ногах, ожидая, когда нас подзовет к себе важного вида юноша, восседавший за столом для собеседований.

— Добрый день. — Начинаящий чиновник только что разобрался с десятком пар пенсионеров кряду и теперь подозрительно пялился на нас с Нгубо, очевидно выделявшихся из толпы вокруг. — Цель вашего визита на планету?

— Научная экспедиция, — немедленно откликнулся глава миссии. — Вот удостоверения личности и разрешение вашего правительства. Подтверждение уплаты сбора от Первого Земного банка. Гарантийное письмо того же банка на десять тысяч крандов на случай чрезвычайных расходов. Техническое задание за подписью ректора Мельбурнского университета. Медицинские свидетельства на нас обоих. Сертификаты прохождения таможенного контроля на Земле.

— Кажется, все в порядке. — Минут через пятнадцать молодой человек закончил изучение всех документов, но голос его все равно звучал неуверенно. — Где вы планируете остановиться?

— Мы пока не знаем, — любезно пояснил Нгубо. — Нам рекомендовали местного агента, он должен позаботиться о проживании и транспорте. Роджер Морт. Возможно, вы его знаете?

— О, вами будет заниматься Роджер? — оживился юноша, и мы получили некий кредит доверия. — Ну, тогда вы в надежных руках. У вас очень красивый чемодан. Можно взглянуть, что внутри?

Вообще-то багаж проверяли у всех прибывших, так что было не совсем понятно, почему таможенник облек свое требование в форму вопроса. Вероятно, он обоснованно боялся, что не сможет вскрыть такое чудо техники.

— Конечно, — услужливо согласился я и, взгромоздив поклажу на стол, открыл механический кодовый замок.

Молодой человек несколько нерешительно заглянул внутрь и приподнял рукой пару футболок, чтобы убедиться, что между ними ничего не спрятано. У чемодана имелось множество потайных отделений, в которые я распахал всякую всячину и которые юный представитель власти

не заметил. Я не стал говорить ему, как делать свою работу. Тем более что ничего незаконного у меня там не хранилось. Багаж Нгубо вызвал еще меньше интереса, и вскоре мы разбогатели на пару бумажных документов, разрешающих пребывание на Внутренней территории Вальгаллы сроком до ста двадцати дней. Товарищ с явным сомнением смотрел на хрупкий листок бумаги в своих руках.

— Это положим в чудо-чемодан, — наконец вынес он начальственный вердикт. — Хоть на что-то сгодится.

Когда еще через час, набеседовавшись с медиками, мы вышли из здания терминала, уже совсем стемнело и луны вместе с поясом астероидов радовали глаз. На освещенной химическими фонарями парковке туристов ждали хорошо знакомые мне по историческим хроникам аппараты, именуемые автобусами. Рассчитанные человек на сорок, они не спеша отплывали от здания по мере заполнения и удалялись по единственной дороге, ведущей куда-то в глубь острова. Никакого поселения вблизи терминала не наблюдалось.

Я огляделся, но «коллег» из Сингапурского университета ожидаемо не обнаружил. Если они попали на первый бот, то у них имелось часа два на то, чтобы подготовить покушение. Пока я этого не слишком опасался — расстрел пары ученых через несколько минут после прибытия — перебор даже для D-планеты. Следующие три месяца мы никуда не денемся, и они располагают массой времени, чтобы сделать все тихо.

Помимо автобусов на стоянке запарковались и несколько небольших экипажей вместимостью до восьми человек. Дизайн содрали с изделий автоконцернов двадцать первого века. Эти игрушки остров импортировал, а значит, они были безумно дороги и доступны не каждому. Возле одного из автомобилей, который в хрониках обычно именовали «джип с открытым верхом», скучал худой долговязый субъект лет сорока. Увидев нас, он оживился и поспешил навстречу.

— Доктор Сото и доктор Старгарт, я полагаю? — Вряд ли нас можно было с кем-то спутать на этом рейсе, и, не дожидаясь ответа, незнакомец представился: — Я Виктор Найтхорс, владелец «Найтхорс турс». Ваш университет нанял меня для оказания полного содействия экспедиции. Вознаграждение было, хм, весьма щедрым, так что я в полном вашем распоряжении до самого отбытия с планеты. С чего мы начнем? Предлагаю сегодня переночевать в гостевом домике при моей конторе, а завтра сможем посмотреть варианты для вашего постоянного лагеря. Я подобрал их немало, и все пожелания учтены. Особенно уединенность.

— Прекрасный план, — с воодушевлением согласился Нгубо, и мы быстро загрузились в джип.

Виктор повернул ключ в замке химического зажигания, и, недовольно чихнув, под капотом заурчал мотор. Подумать только, мы собирались ехать на настоящем авто. Наш водитель приветственно махнул рукой знакомому, также готовящемуся отправиться в путь, подобрав пару пенсионеров, разорившихся на индивидуальный трансфер. Тот небрежным жестом ответил на приветствие и повернул свой ключ.

Взрыв, конечно, был куда слабее того, которым на моих глазах недавно уничтожили целый этаж дворца на Мадагаскаре. Но и его вполне хватило. Наш джип стоял в полусотне метров и не получил ни царапины. Виктор ошарашенно смотрел на остов машины и три обгоревших трупа, скорчившиеся на его сиденьях. Огонь погас быстро — видимо, состав топлива не способствовал горению в атмосфере.

— Господи! — причитал хозяин, заставив нас вспомнить, что мы на планете, не чуждой религии. — Господи Боже! Как же это... никогда такого не бывало! Они не могут так взрываться! Нужно помочь им!..

— Им уже ничем не поможешь, — мягко сказал Нгубо. — Поехали.

— Но ведь... — Виктору не удалось закончить фразу, поскольку в голосе приятеля на сей раз звучал металл.

— Поехали, — не допускающим возражений тоном приказал он, и на переднее сиденье рядом с водителем упал пластиковый кластер на десять долтов.

К месту взрыва уже бежали сотрудники терминала. Наш проводник после секундного колебания вновь повернул ключ и не спеша выкатил на дорогу. Нгубо был мрачен как туча. Наверное, я тоже. Похоже, мы оба просчитались, а враг оказался куда наглее, чем мы думали. Да и быстрее тоже. С момента нашего разговора с чиновником в терминале прошло чуть больше часа. Мне было жаль бедного мистера Морта из нарядного грузовичка с красивой надписью «Морт

эдвенчерз» сбоку. Он не прошел отбор у Нгубо, когда тот выбирал местный контакт, но вряд ли товарищ ожидал, что его незамысловатая попытка осложнить жизнь противнику, назвав неверное имя турагента, приведет к подобным последствиям.

Джип несся по пустынной дороге, освещаемой с боков тусклыми проблесками химических фонарей. Вокруг тянулся густой лес. Не знал, что его так много в этой части планеты.

— Слышал, у вас здесь прекрасная охота, — наконец прервал неловкое молчание мой босс. — Я охочусь на Земле, хотел бы попробовать и здесь.

— Охота? — Найтхорсу, похоже, было нелегко собраться с мыслями. — Да, охота есть. Но в низине не так много видов животных. Есть одичавшие лошади, лани и косули. Я найду вам проводника.

— В этом нет необходимости. — Голос Нгубо звучал холодно и отстраненно. — А вот оружие я бы присмотрел заранее. Нам нужны две винтовки земного производства, лучше десятизарядные. Десятикратные оптические прицелы. По триста патронов к каждому стволу. И четыре пистолета, двадцатизарядных. «Беретта» или «зиг зауэр». По пятьсот патронов к каждому.

— Господи, зачем вам столько оружия? — ужаснулся провинциал. — Пистолеты, да еще и четыре штуки? А патроны?!!

— Пистолеты для мелкой дичи, — хладнокровно отрезал черный вождь. — Патроны для тренировок. Не люблю промахиваться. На этой планете владение оружием легально, не так ли?

— Да, ограничений нет, — неохотно признал наш гид. — Но такой заказ обойдется вам в целое состояние.

На сиденье рядом с ним упали два кластера, на этот раз с золотыми крандами. Больше вопросов он не задавал.

Наконец мы въехали на территорию скромного с виду ранчо, огороженного забором. Вывеска «Найтхорс турс» не оставляла сомнений в том, что мы достигли места назначения. Хозяин подрулил к основному зданию и удивленно уставился на ярко освещенное окно.

— Странно, свет я гасил, — пробормотал он, вылезая наружу.

— Давайте мы первыми, — предложил Нгубо.

Мне его мысль совершенно не понравилась, тем более что между нами и его оружейным заказом лежало неизвестное количество времени, а в домике мог ожидать кто угодно. Судить о том, что творилось в голове жителя Вальгаллы, было сложно, но наше прикрытие уже развалилось ко всем чертям, и он только кивнул.

Полагаю, щедрая мзда в крандах покрыла и разбитое камнем окно. Нгубо запустил его в соседнюю с освещенной комнату, в то время как я ворвался в дом через переднюю дверь, прикрываясь пуленепробиваемым щитом, наспех сооруженным из своего чудо-чемодана. Сомневаюсь, что эта тактика оказалась бы эффективной, встречай меня несколько киллеров с автоматическим оружием в руках. Но де-факто я лишь выставил себя идиотом.

Она сидела в удобном кожаном кресле, закинув длинные стройные ноги на стол, и даже не шелохнулась, когда я высадил дверь. Костюмчик из синтетики земного производства напоминал тот, что я недавно видел на «Альфе». Да и оттенок был похож — иссиня-черный. Шел он ей больше, чем Акун До, удачно сочетаясь с белой кожей, длинными темными волосами и насмешливыми голубыми глазами.

— Ну, здорово, кузен, — сказала Кристина Блэкстоун, объект нашей глубоко секретной миссии.

Конец ознакомительного фрагмента

Читайте «Революцию крови» и другие романы Артема Бука
на авторском сайте www.artembuk.com